

Александр Балтин

Нежный янтарь

рассказы

Александр **Балтин** Нежный янтарь

Александр
Балтин

НЕЖНЫЙ ЯНТАРЬ

рассказы

Издательство
Книжный Сад
Москва
2023

ББК 84 Р7

Бал 20

Балтин А.Л.

Бал 20 Нежный январь: рассказы. - М.: Издательство "Книжный сад", 2023. - 318 с.

"... двор ко двору, - пишет Александр Балтин, - кадр к другому: каждый снимает кино своей жизни - как умеет". Тема родства близка автору. В этой теме скользящего времени Александр Балтин чувствует себя как дома, но дом его написан в рассказах, потому что как только Балтин родился, так сразу начал писать, подобно истинным классикам. И вот... "Только мама моя в грусти и тревоге // Что же ты гуляешь мой сыночек // Одинокий одинокий..." Всё в этой жизни, да и в той, происходит неожиданно, а то, что ожидали, мало нас интересует, как и не занимает известное, но неожиданное, с плюсом или с минусом, что с невероятной точностью и нежностью рисует в своих рассказах Александр Балтин.

ISBN 978-5-85676-167-1

ББК 84 Р7

© Александр Балтин, 2023

КУВАЛДИН И БАЛТИН

Из щедро шуршащего целлофанового пакета Кувалдин извлёк сияющий монолит своего тома, из карманчика пиджака - простенькую шариковую ручку.

- Надписываю вам, - сказал он - так, что Ленин будет в свидетелях.

Они сидели в маленьком скверике возле громады бывших партийных зданий: оставшихся, впрочем, такими же громадами, и голуби, беспорядочно размешавшиеся на голове и плечах низвергнутого (метафизически) вождя, вызывали некоторый интерес.

- У них партсобрание, - предположил Балтин. - Сейчас, вероятно, кого-то исключат.

Голуби, однако, взлетели, возможно решив перенести исключение в воздушные слои, и Кувалдин подписывал "Чистый разум" без дополнительных свидетелей.

- Даже не могли предположить, что всё так стремительно развалится! - Сказал он, закончив с дарственной, протягивая том Балтину.

Чистота разума мерцающим миром входила в микрокосм писателя: должный - посредством словесных формул - перейти в макрокосм всеобщности.

- Спасибо, - молвил Балтин, погружая том в свой пакет, где соседствовали зонт и смартфон.

Маленький скверик напротив массивного Моссовета включал в себя шустро работающую карусель...

Пёстрая - мелькала она суммами кадров жизни, и дети, кружащиеся весело, не знали, что именно на такой им предстоит ворваться в зрелость, а потом и в старость...если получится.

- Карусель вращается над бездной, - тихо сказал Балтин сам для себя, и облачко фразы растворилось в тёплом воздухе.

...карусель, вырвавшаяся из стихотворения Рильке, не подзревающего об этом, продолжала неустанный, монотонный труд...

Писатели поднялись, пошли, обнимаемые Москвой, медленно погружаясь в слоистые её, бесконечно красивые здесь, в центре глубины.

Кувалдин повествовал о начале своей издательской работы, когда тиражи были огромны, и разлетались они вихрями, стремительными векторами - по всей стране: ибо нервы книгоснабжения были тщательно выращены в Союзе...

Потом всё рухнуло.

Столешников переулком распустился каменным цветком.

- Не нравятся мне эти фонарики, - произнёс Кувалдин, имея в виду современные украшения, словно низвергавшиеся с небес...

Здесь каждый дом индивидуален, имеет своё лицо, и тут - интереснее вырастать.

Балтину хочется рассказать о коммуналке на Новослободской, в огромном, крепость средневековую напоминавшем доме, но он проглатывает воспоминания, слушая, как Кувалдин говорит:

- Вот так и должно быть: идут два писателя, не спешно по Столешникову, пока люди, живущие обыденностью, заурядно суетятся, мечутся вокруг...

- У Нагибина, - отвечает Балтин, - в рассказе, посвящённом Анненскому, забыл название, из "Вечных спутников", есть такое место: прошло ещё несколько не-читателей стихов Анненского. Так, что в качестве читателя - мистического, скажем - скорее подойдёт сам переулочек: уникальный, как всё в сердце Москвы...

Кувалдин, некогда издававший Нагибина, вспыхнет воспоминанием о львиноликом - в старости - писателе, о его смерти: в частности, но и о - работе его; и то, что в воспоминание просочиться фрагмент пьянки - не страшно: ибо какой же русский словотворец без огненно-согревающего субстрата?

- Знаете, Юрий Александрович, - вскипает в свою очередь Балтин - после двухсот пятидесяти-трёхсот так интересно пишется! Мысли сплетаются в пестрейшие орнаменты, поражая тебя самого, и все их ответвления и молнии хочется удерживать...

- Вы мне рассказываете! - улыбается Кувалдин, тонко понимающий смак толка во всех вариантах писательской работы - впрочем, не считающейся работой современным социумом...

...вон их сколько - не читателей: тьмы и тьмы...

- Главное - каждодневное усилие. - Речёт Кувалдин. - Усилие, приносящее бесконечный кайф...

- Я говорю - главное: расшифровать своё "я" посредством текста...

Писателя сходятся на ежедневном, кропотливом усилии, необходимости оного, провале пути, если день потерян - пустотой заурядности.

Драгоценная капля часовни возникает по правую руку...

Центральные поля Москвы сплошь состоят из драгоценностей.

- Вы где живёте, Саша? - интересуется Кувалдин.

- На ВДНХ...

- О, целый мир!

- Да, выставка роскошна. Ведь она территорией адекватна Монако - я обыгрывал это в некоторых рассказах. Наше Монако, так сказать: и ездить никуда не нужно.

Ездить вообще не нужно - считает Кувалдин.

Суетиться, мелькать.

Нужно сидеть и писать, страхуясь от смерти, растворять свою сущность в сущностях текстов, которые рождаются... часто - помимо тебя.

Бульвар струится - тихо и спокойно, как должна течь фраза, не уступающая ему, бульвару, в элегантности.

Писателя садятся на скамью, закуривают.

Кувалдин пользуется спичками, и есть в этом своеобразное очарование былого.

Ресторан "Узбекистан", играя среднеазиатскими формулами оформления, виден.

- Гуляли здесь когда-то, - затягиваясь, вспоминает Кувалдин.

Немного поговорят об актёрах: замечательные имена возникнут, и Гафт, столь виртуозно и чревато исполнявший Воланда, быть может, пройдёт мимо скамейки с двумя литераторами: и ничего - что дело происходит не на Патриарших.

Всяко бывает - ведь реальность условна: учитывая её текучесть, и быстроту мелькания всего.

...сердце Балтина щемит теперь, щемит постоянно: бездна, поместившаяся в нём, имеет траурный окрас.

- Я, Юрий Александрович, - говорит он, - как маму потерял, никак в себя не приду. Мама... почти всем была, 54 года не расставались.

- Литература, Саша, только литература - что ещё можно сказать? - спасёт. Растворение в тексте.

- Фрагментами помогает, увы...

Бывает ли болящая бездна?

Именно такую теперь приходится таскать в недрах собственного душевного устройства.

Что ж?

Необходимо продолжить путь.

...дворец памяти полнится многим, и близкое так легко соседствует с дальним, что чётко ощущаешь нелинейность времени: несмотря на реку времён, мощно продекларированную Г. Державиным, которому на днях исполнится 270 (а где-то и - 27, когда фривольность классического стиха вторгнется в монументальное повествование о смерти); Балтин же вспоминает, как начали путь из главного книжного Москвы, в котором не бывал лет десять, и когда вошли, Вавилоны и Византии книг обрушились со всех сторон: казалось многие сейчас сами распахнут свои новенькие страницы, призывая погрузиться в них...

Обложки сияли.

Всё цело.

Балтин, проживший жизнь свою во внутренней Византии, подумал, что это не лучший вариант жизни - просто единственно возможный для него.

Подбирались к Цветному бульвару.

- Литература первична, - говорил Кувалдин. - Кино - это уже производство, и никакая экранизация невозможна: если только запустить по экрану текст.

- Ну да, - сказал Балтин, любуясь великолепно оштукатуренными кадрами Антониони: из не снятого никогда фильма про Москву. - Я иногда представлял, как посредством киноязыка можно попробовать передать стилистику Платонова... Или Лескова... Как нужно выстраивать композицию кадра, ища соответствия деталям индивидуальной ритмики текста, его синтаксису...

Но нижняя остановка метро оказалась закрытой на ремонт.

- Что ж, - подытожил Кувалдин, - пройдемся ещё немножко. Заодно и перекурим напоследок - перед метро.

Балтин не любит метро, несмотря на красоту многих московских станций: напряжённая суесть людской плазмы претит.

- Клумбы хороши. - Говорит Кувалдин. - Это петунии. Сколько цвета! Ну правильно - ведь Цветной бульвар...

Сидят на скамейке, курят, через несколько минут предстоит спуск в не страшную бездну.

Они, насладившись острыми порциями беловатого дыма, минуют бронзового Никулина, выходящего из машины, в которой весёлые граждане снимаются - для кратковременной памяти.

Потом - метро.

И прощаются уже в вагоне: прощаются, чтобы перекликаться внутренне дальше, чтобы вились, шли, творились, организовывались тексты, способные противостоять пресловутой и такой сильной державинской реке времён.

ДОМ ЗАСЕЛЯЕТСЯ

Дом заселяется - медленно, с неукосимой точностью и чёткостью.

Старик с первого этажа, постукивая старинной витой палкой с торжественным набалдашником, выводит на прогулку пса - тоже старика.

Они живут вдвоём, ибо жена старика умерла, а дочь... сгинула где-то в Европе, выйдя замуж; и пегий пёс со слезящимися глазами ждёт у булочной, пока хозяин купит хлеба...

Потом их видят во дворе - старик ни с кем не разговаривает, если только кивает; лицо его тяжело, будто каменная кладка, и если он садится на скамью, пёс, вздыхая, ложится у его ног.

Дети резвятся на площадке, и горка, закрученная улиткой, способна пропустить через себя множество кричащих, верещащих, ликующих малышей; и старик смотрит на них из тяжёлой и надоевшей раковины плоти - думая, вспоминая...

Мысли его тягучи, но вовсе не похожи на золотистый, свежий, тягучий, ароматный мёд...

Поэт глядит на него с шестого этажа, полагая, что...

Впрочем, что полагает поэт, расскажет его стих, зреющий тугой гроздью слов в дебрях сознания... Дебри эти едва ли надёжный виноградник! Размышляет поэт, глядя в зеркало на себя - сильно постаревшего, седобородого, с лицом, всё плотнее увязающим в сети морщин.

Ещё в зеркале отражается угол коридора: коленчатого, как переулок, с массивом книжных стеллажей, с их внутренним лабиринтом, которым так интересно было путешествовать в юности...

Масляно поблёскивает включённый торшер, и уд - струнный щипковый инструмент, некогда привезённый отцом из Египта, заткнут за пластмассовый колос, пластмассовый же подсолнух с которого давно отлетел и потерялся.

Поэт проводит пальцем по пыльной шее инструмента, и вензель, возникающий в сером слое, нравится ему, как будущее стихотворенье.

Поэт считает себя и старика, с которым никогда не здоровается, двумя полюсами одиночества - которые и держат дом.

А он заселяется - медленно, постепенно...

Семья - косо-мещанская, крепко-зажиточная - плотно размещается на этаже... над поэтом. Их четверо: дочка и сын похожи на только что выпеченные булки, хотя булкам этим за двадцать, и оба сильно отдают отцом: скучно-деловитым, вечно-зарабатывающим... Мамаша целыми днями торчит во дворе, собирая слухи и сплетни в плетённый короб собственной пустоты, и это коллекционирование кажется ей приятным занятием, славным времяпрепровождением. Дочь ходит на работу в ателье, а сын... Это не интересно ни поэту, ни старику.

Дом держит в себе начинку, храня её от излишнего повреждения.

Один из детей властной, пожилой дамы стал банкиром, редко бывает здесь, вероятно, содержит мать, живущую со вторым - так и не женившимся, ходящим на какую-то серую, скудную службу. Он пьёт - этот второй: одиноко, сосредоточенно, серьёзно.

Он пьёт так, что может упасть на первом этаже и заснуть.

Он будет спать час, потом пойдёт босой, по лестнице, мигая и не узнавая никого, и мещанистая мамаша побежит к властной даме, интересуясь, дошёл ли Юра.

Он всегда доходит - ибо дошёл уже до предела бессмыслицы.

Дом супит брови - осенними вечерами, зимними сумерками; дом громоздится летом на фоне неба, будто новая Троя, которой никогда не грозит война.

Нумизмат перебирает античные монеты, вздыхая по новой, столь необходимой ему, хотя, если и сможет приобрести, тут же поблекнет она, ныне одетая золотистым флёром мечты.

Парень - высокий и тощий - выпускает колечки дыма и стряхивая пепел, идёт за пивом, думая, кому позвонить, чтобы разделить компанию, если родители уехали на дачу, а он отговорился выдуманными делами.

Шарики грая слетают с разросшихся тополей, чьи ветви переплетены так густо, что взгляд пружинит, как о батут: внимательный взгляд - поэта, рассеянный - старика, никакой - мамыши, цепкий - властный дамы, мутный - сына-алкаша.

Кто снимает квартиру на третьем?

Они съедут вот-вот, не узанные никем в доме, да и не интересные никому...

Тяжёлое Гав стариковской собаки гулко падает воздух, как кем-то выброшенный предмет - и прозаик, проходящий мимо, видит: дом мерно, неукоснимо заселяется людьми, взрослеет вместе с ними, принимает радостно новорожденных, каким предстоит свершить круг, чтобы лечь в лодку гроба, как легли уже многие, жившие в доме - которого никогда не было, ибо прозаик, путешествуя по листам снежной бумаги, не признавая поля монитора, измыслил самый обычный, такой сыто-крепкий, из многочисленных дом: измыслил и заселил, играя смыслами, отчасти угнетённый ими, отчасти счастливый - дугами пёстро го воображения.

НЕЖНЫЙ ЯНТАРЬ

В нежный янтарь детских воспоминаний одевался маленький скверик напротив подъезда, из которого выходил первые десять лет жизни: и мерцал оный янтарь зыбко, красиво, не отчётливо.

А скверика нет - вероятно, и не было: славный камень пошутил: есть только детская площадка - пёстрая, как все подобные ныне, красивая, с горкой, различными качелями, разноцветной каруселью (а тогда дощатая была, и сквозь щели досок мелькала серая земля)...

Дом огромен: всего пять этажей, но строили сто с гаком лет назад, прочность закладывая вековую; и, торцевой частью выходя на улицу, тянется он в глубину двора, длится долго... По этой асфальтовой речке нёсся на первом своём велосипеде, как на быстрой лодке; нёсся, впервые усевшись на него, захваченный скоростью, и, не зная, как тормозить, вылетел на проезжую часть, рухнул, испугавшись, всей силой маленького тела, и - скрежетали тормоза, кто-то ругался, болел разбитый локоть...

Огромные окна дома, высокие; тут были коммуналки - с трёхметровыми потолками, стреляющими, толстыми половицами, общим телефоном в коридоре на тумбочке, и аппарат был склеен липкой лентой.

Зевластая пасть колонки играла синим огнём, точно показывала зубы; а обширное нутро кухни было разделено тумбочками на сегменты.

Отец возвращается с работы, выбегаешь встречать...

Вешалка возле двери, отец снимает куртку, вешает её, улыбается тебе, шестилетнему...

...морг, из которого хоронили папу, находится поблизости, можно дойти пешком, но не хочется, ибо воспоминания тяжелее свинца; а на детской площадке нет никого поутру, и сядишься на скамейку, куришь, стряхивая пепел в урну, из кото-

рой торчит скомканная газета с перемятыми событиями летнего дня.

Жили на первом этаже.

Окна ныне забраны витыми решётками - а как было у вас? Не вспомнить, вся жизнь прошла.

Ходили на третий этаж в гости к часовщику дядя Косте; заглядывал ты в дверь, спрашивая:

- Мозя?

- А, давай, давай! - восклицал он.

Они пили с мамой чай, а ты выдвигал ящики, заполненные блестящими механизмами, перебирал их, иногда не больно накалывая палец, вертел в руках шестерёнки, сжимал пружинки.

Ещё заходили в гости к старой болгарке, дочке опального поэта; и ширма в её комнате была раскрыта павлиньим хвостом.

Сидишь, куришь.

Дома громоздятся, и дворы скручены причудливыми гирляндами тропок.

Дверь открывается - и вы выходите с отцом: он ведёт тебя за руку, что-то рассказывая - о далёких странах? О книгах? Музыке?

Вы идёте - медленно, ибо воскресный день - вдоль дома, глядящего на вас суммою окон, - идёте в парк, где есть пруд, и можно покормить уток, а можно - взять лодки напрокат.

И ты, сидящий на скамейке, забывший про сигарету - смотришь вслед двоим, медленно растворяющимся в перспективе.

КИНО СВОЕЙ ЖИЗНИ

В громоздком павильоне на ВДНХ - обветшавшем, но сохранившим имперское величие - в заднем его отсеке, тоже, впрочем, громоздком, снимают куски фильма.

Беспорядочное, несколько хаотичное движение выливается в небольшой клочок фрагмента, и человек, несущий чёрный шнур за камерой, улыбается, глупо и торжественно, точно доверили ему дорогую церковную утварь: ещё бы! чуть дёрнется, и картинка смазана.

Актрисы жестикулируют, проходя мимо случайно оказавшегося в массовке нищего поэта: выпал шанс подработать.

Он просто сидит на стуле, тягуче думая, что мог бы тоже сыграть крохотную роль, да удача нигде не подкараулила его.

Режиссёр кричит, кто-то вздрагивает, и щёки толстяка-оператора трясутся, как желе.

Воздух за стенами, за куполом павильона густ - хоть употребляй его с чаем: день плавил жару, и вечер не принесёт облегчения.

Праздничная плазма гуляющих пестра, как фильм, как детские мечты; гроздь воздушных шариков качаются в воздухе, и продавец, когда подойдёт черёд расставаться с очередным, выдирает его из суммы братьев, отдавая, чуть ли не сожалением.

Фонтаны блещут водяной работой: великолепные водомёты помпезной империи, сгустки радости - зыбкой, что круги, расходящиеся от падения струй.

Молодёжь влезает в воду, ходит в прогретой, тёплой; ребята, смеясь, собирают блестящие, а иной раз заржавелые монетки...

Суммы дворов, скрученные летними гирлянды, пойдут за выставкой; суммы домов, каждый из которых превосходит объёмом средневековую крепость, восстанут на фоне вечеряющего неба, храня содержимое своё с трепетом силы; домов и

дворов, равнодушных к снимаемым фильмам, или заключаемым сделкам...

Сверкающее нутро банка: животные внутренности этого городского слона, где в мясистых креслах восседая, тузы потягивают коньяк, и говорят о суммах, чьи нули отдадут космосом.

Жизнь дворов естественнее нулей, и бурное кипение детских площадок выбрасывает в воздух флажки и вымпелы криков.

А вот случайное чужое объятие в окне: подсмотри, поэт, пойдёт ли для излияния лирика?

Отец, качающий сынка на качелях, замечает под ними сгорбленные лодочки листвы - смуглые, бронзоватые; и грустно становится ему, и мысли про осень тянутся, как косяки улетающих птиц.

...или в другом окне: важный кот восседает на подоконнике, как на троне: не кот, а кошачий царь, ленивый властитель, и кактус, около него, будто съёживается, уменьшаясь в размерах...

Люди, снимавшие фильм, суетятся теперь, собираясь; дым делает воздух спёртым: курили много; пустые стаканчики изпод выпитого кофе мнутя под ногами, а режиссёр не доволен, устал.

... двор ко двору, кадр к другому: каждый снимает кино своей жизни - как умеет, не спеша, поторапливаясь, заключая сделки, спиваясь, прогорая стихом, мечтая отлиться в песне; каждый громоздит его - фильм жизни своей, или тащит в отчаянье, сбиваясь, валясь от усталости, как бурлак - только баржи не видно.

Каждый прошёл детской площадкой, разбивал колени, хныкал, вырывал ручонку из руки отца, казавшегося таким сильным.

Закат меж домами виден литым золотом: там Вавилон небесный, раскинувший веера своего богатства...

В золото вливаются красные жилы, густая руда крови; потом появляются оттенки кармина, киновари; средневековые дукаты сыплются, меняя время, укорачивая его...

кино своей жизни

Бархатный провал ночи - с роскошью его, со звёздными шатрами и полями - ждёт все наши фильмы, и не отказаться от него, нет-нет - как и от них, кем-то продуманных до последнего кадра, до окончательной, красочной йоты.

ФИЛЬМ ЛИВНЯ

Вертикальные стрелы жары смиряет серо-оливковая тень: туши туч ползут медленно, туго задевая вершины многоэтажек, никак не способных повредить им.

- Уходить пора, - говорит тоненькая мать кудлатого малыша, который носится с девочкой, чуть постарше.

- Или прятаться, - улыбается в ответ седобородый пожилой отец девочки.

Дети на площадке глядят вверх - медленное движение фиолетово-лиловых громад завораживает почище всякой игры.

Темнеет среди дня - будто властный вечер, опережая события, задёргивает шторы.

- Ливень нужен, - одышливо говорит толстяк на скамейке возле подъезда. - А то от этой жары...

- Вздохнём свободней, - отвечает моложавый сосед лет пятидесяти, допивая пиво, и ставя бутылку около ножки.

Им не зачем уходить.

- Да, не зачем, - речёт толстяк. - Отсюда можно посмотреть фильм.

Фильм будет снят великолепно, и то, что режиссёр не известен не отменяет его грозной, роскошной красоты.

Вода низвергается стеной: будто высокие дома распорили, наконец, драгоценные мешки туч; вода закипает в мощных природных котлах, рвёт клоки пространства, закручивает их жгутами.

Фонтан в обширном дворе растворяется в синевато-стальной бездне, и маленькая эстрада занята выступленьем водяных артистов.

Всё блестит, растекается, хлещет; всё плавно, закруглено - стихия не знает углов.

Мощные кроны тополей сливаются в гигантскую массу: будто сверх-повар готовит зелёные щи.

Ветки сбивает водой, и низвергаются они, вереща, как живые.

- Ну и фильм! - восхищается толстяк.

Навес над подъездом велик, и, хотя ступеньки заштрихованы, а через пять минут и вовсе закрашены чёрным, перед скамейкой сохраняется часть серого асфальта.

- Не засекает, - зеваает сосед.

Мальчишка глядит из окна - ему хочется выпрыгнуть и поплыть, он мечтает о плавании-полёте, но, будучи семилетним уже, знает, что нельзя, что мечта редко обретает плоть яви.

Некто, приоткрыв дверь лоджии, курит, пуская седые кольца, смотрит на литую мощь влаги, вспоминая юношеское увлечение кино, представляя, как выглядело бы водное представление в эстетской картине с замечательной, вынимающей фрагменты яви с мускульным натяжением жизни, операторской работой.

Эфиопская жара позабыта, смена декораций, продиктованная природной мудростью, оправдана и сильна.

Горы туч - единственная форма гор, знающая визуальное движение; они плывут, мерно покачиваясь, они несут водное известие дальше.

Ливень переходит в дождь, но некто, продолжающий курить у приоткрытой лоджии, успеваает подумать, что соседний дом похож на новый Ноев ковчег, в котором воистину всякой твари по паре: стариков, бывших сидельцев, скучных тёток, мечтательных мамаш, упоительных деток, неудачников, пьющих мудрецов, бездельников, жирно живущих за родительский счёт.

Дождь сочится, точно плачет о прошлом могуществе: о! византийская мощь ливня! о! имперская роскошь его оснастки! Тут порфирия - зал с пятибашенным грозным шкафом, где хранятся облачения басилевса, иные из которых убраны камнями так густо, что не гнутся даже; дождь плачет над своей судьбой, оплакивает себя.

Он исчезает, растворяется в воздухе.

александр балтин

Сеть сверкающих камней висит в воздухе, и бессчётно алмазов переливается на листе.

Богатство, за которое не надо платить - угрызениями совести, раскаянием, муками одинокого сердца.

Дети выбегают - и счастье прыгать по лужам сверкает чисто, как воздух, вымытый июльской грозью...

ОГОЛЁННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Магниевые вспышки в темноте наполнили небо трепыханием: кто-то с небес фотографировал остатки суток: был одиннадцатый час.

Воздух стал реющим, тонко-прозрачным, и рухнуло сразу, мощно, будто океан опрокинули...

Муж вскочил, бросился на лоджию - закрывать хлобыстающее окно.

Малыш спал.

- Тряпки, тряпки возьми, - скороговоркой роняла жена. - Заливает.

Громыхало яро, сочно, смачно; скрип и грохот доносились из тёмной дыры двора; тополя стонали под бросками новых и новых порывов, как обречённые под пыткой.

Но стихало - вот уже дождик, потом барабанная дробь капель, и - бархат июльской ночи бесшумен, красив.

Утром вид из кухни был ужасен: два старых, могучих тополя были вывернуты с корнями, бессильно и жалко поднятыми в воздух, и живые ещё ветви мочили пышную листву в лужах.

Красавцы тополя лежали на крышах машин: одна была смята, как игрушка, две другие пострадали меньше.

Тополя! Старые, родные! В ярусах грандиозной листвы, амфитеатрами поднимавшейся к небу... Точно оголётый, бесстыдный клочок пространства паялся в кухне, гостиной, спальне...

Хозяева машин высыпали часов в восемь.

- Что же, а? вот чёртова стихия, а? - Сокрушался дородный старик в мятых джинсах и белой рубашке...

- Ладно, Анатолич, у меня вообще - кранты. Хорошо застраховать успел. Только купил ведь...

- Моя-то погибла! - заверещал старик...

Народ высыпал.

Патлатый длинный парень, у которого машины вообще не было, суетился между соседней, раздавал указания, говорил без конца.

- Как сдвигать-то? МЧС что ли вызывать?

- Пилы тащите, - руководил парень.

Знали - живёт один, средства есть, правда непонятно откуда, и любит советовать, руководить. Недавно затеяли ставить вторую железную дверь - так первым вызвался и деньги собирать, и...

- Пилы? Правда, что ль...

- Ну да. Распиливать надо частями.

Старик пропал.

Потом вынырнул из подъезда с початой чекушкой, сел на скамью, выпил прямо из горлышка.

- Хочет кто? нет?

- Да погоди, Анатолич, успеем, так скать, помянуть. Пока разгрести надо.

Пилы появились.

Парень, вооружившись одной, всем давал указания, махал инструментом, но сам ничего не пилил.

Муж, - тот, что вскакивал ночью закрывать хлобыстающее окно, - писал эсэмэски жене: Виталик всё суетится, руководит пилкой.

Они одноклассники были, знали обстоятельства жизни друг друга, общались иногда.

Он любит руководить, - отвечала жена. - Как малышок?

И муж отвечал, сколько гуляли, что ел.

Во дворе кипело, бурлило, варилась каша общего дела, сдобренная сумятицей и горечью утрат.

Анатолич не принимал участия, сидел на скамейке, пил, медленными глотками орошая рану потери.

Пилили усердно, раздвигали огромные сучья, разгребали листву; дворники появились: убирали спортплощадку, тоже заваленную листьями, что-то двигали, переносили.

Виталик, всё ещё жестикулируя пилой, болтал с одним из пострадавших автовладельцев.

Тот вечно жаловался на бедность, дураков-начальников, безденежье, надоевшую тягомотину... Виталик и сам маялся скукой; заработанные некогда деньги позволяли не суетиться в настоящем, а блеснувшие некогда музыкальные способности не сумел развить, и возможность провести несколько часов во дворе, среди людей гасила одиночество, осушала водные массивы скуки.

Пилили...

Таджики-дворники в оранжевых куртках оттаскивали чурки, в которые превращались красавцы-тополя.

Новые соседи подходили, курили, сетовали.

Толстяк уселся на скамью возле площадки, попробовал было сунуться с советами, но ничего не вышло.

Рослый парень, дымящий трубкой - его машина, ночевавшая на другой стороне дома не пострадала - говорил, как стоит снимать стволы с крыш.

А день разгорался, стирая память о ночном шквале, но не отменяя происшедшего; солнце наливалось соком, исходило знойной силой; лужи стягивались, исчезали на глазах...

Часа в два народ разошёлся - есть хотелось; потом опять появились...

И оголённое пространство на месте замечательных тополей гляделось странно, - не привычно, чужеродным куском.

ПЕТЛЯ ВРЕМЕНИ

Выходил из библиотеки, где была пыль, пачкала руки, но манускрипты светили янтарно; выходил, неся под мышкой пухлый том, в котором суммировал всю современную ему теологию, подвёл ей итог, включив в оный свод всё, что может представлять интерес для скорбного ума, тщащегося познать Господа...

Улица была узкой, дверь библиотеки массивной, и, выйдя, спустившись по ступеням на эту узкую улицу, вздрогнул: мимо промчалось нечто... напоминающее античного кентавра.

Да, но только это очевидно был человек - молодой человек на чём-то ревушем, быстром...

Город изменился - изменился страшно: это больше не был привычный, тихий, склоняющийся к размышлениям и молитве город, с домами под черепицей, с возившимися у дверей детьми: это был...

Гигантские дома, играя синеватым стеклом, росли до небес, узкая улица переходила в другую - широкую, где не было крупного камня, но серела река неизвестного твёрдого материала, и по этой реке мчались, обгоняя друг друга, железные повозки, мчались, ревя и шумя, а люди были одеты... - что за странная одежда?

Он, всё ещё несущий под мышкой том, оглядел свою рясу, серыми складками ниспадавшую на неизвестный ему асфальт, поднял голову, и увидел, что группа молодых, пускавших дым изо рта, парней тычет в него пальцами...

Он поспешил - но куда?

На улице стояли столики - под белым навесом; несколько людей сидели за ними, один листал газету.

Он тоже присел - отдышаться, ибо от волнения и неизвестности, он запыхался, как будто бежал.

Девушка подошла к нему, глянула вопросительно, спросила:

- Кофе?

- Что? - не понял он.

- Вам кофе? Или закажете что-то другое?

- Нет, я...

Он встал, быстро пошёл наугад...

Он оказался на площади - вроде бы знакомой, и вместе совершенно иной.

Он уже догадывался, что произошло невозможное, что...

Петля времени мелькнула перед глазами, отливая стальной синевой, играя малиновыми брызгами - и тогда он пошёл в библиотеку.

Он миновал парк, где на скамейке, - на пустующей скамейке, - оставил свою книгу, он пошёл дальше, зная откуда-то, что там должна быть библиотека - и правда: огни сияли мягко, расплывались, ибо начинало вечереть.

Он зашёл.

Он не знал, какой язык использовать, и обратился на латыни, но молодой работник глянул на него удивлённо, и тогда он сказал просто и вопросительно:

- Фома Аквинский?

- Ах, вам том Аквината?

Он покивал.

И получил толстый собственный том, и стал листать его, сев за столик, стал листать под лампой, понимая через пятое на десятое, ибо язык был знаком смутно, точно пятна смысла проступали сквозь настоящее, которое стало будущим, из какого неизвестно, как и куда бежать; он листал и листал свой том, смутно надеясь, что шуршание страниц унесёт его обратно, вернёт в ту, привычную библиотеку, - в ту реальность, из которой он вышел час назад, суммировав всю современную ему теологию.

- Нам нужен типаж, - досадовал, нервничал и сердился режиссёр. - Типаж! Понимаете? Ищите в библиотеках... не знаю, где ещё... В книгохранилищах. Не в монастырях же! Как ина-

че мы снимем этот кусок - про Аквинского, вышедшего из библиотеки и оказавшегося в нашем времени?

Они искали.

Искали на площадях и улицах, в магазинах и кафе.

Но всё было не то - и режиссёр нервничал, бормотал нечто злобное, чертыхался...

...когда ворвавшийся на студию помощник заорал:

- Видел! Сидит, читает! Точно - то, что нам надо...

И - помчались в библиотеку; пузатый, маленький режиссёр втискивался в машину, летели, боясь не застать, ибо вечерело, а библиотеки, как известно, не работают ночью.

Но - застали.

Вот он сидит - с бледным, отчасти испуганным лицом, вот он листает толстую книгу.

- Ха, да он и листает том Аквинского!

И - окружили, и затанул режиссёр лилейно:

- Дорогой, уважаемый, не желаете ли сняться в кино? У нас интересный сценарий, представьте себе - Фома Аквинский, суммировав сумму средневековых знаний, вышел из библиотеки, и оказался в нашем времени. И вот он идёт по улицам...

Аквинский глядел на человечка, не очень понимая, о чём он, глядел, сомневаясь, что происходящее позволит ему когда-нибудь вернуться...

Он только понял, что следует улыбнуться - хотя он не любил улыбаться, - а затем встать и идти за этими людьми.

И - пошёл.

Он говорил на странной языковой смеси, и они понимали его с трудом, но понимали всё же.

Он делал вид, что ничего не произошло, он черкнул нечто на листе с массой строчек - никогда не видел таких листов, но он не видел многого, из того, что окружало.

А уже на ступенях суетились люди: устанавливали экран, лампы; шнуры, чернея, тянулись, и зеваки собирались, как бывает всегда, когда снимают кино.

И Аквинский вышел из дверей, держа под мышкою том - просто толстый том, вовсе не свой; он вышел из тяжёлых, массивных дверей старой библиотеки, вовсе не той, где он листал собственный труд, он спустился по ступеням, и мотоциклист пролетел мимо...

- Снято! - раздалось.

- А где он? Где? Сбежал?

Он не сбежал.

Он провёл рукой по лицу, как человек только что проснувшийся.

Он подумал о странных снах, что могут прийти от усталости.

Он знал, что закончил свой труд, возвёл свой собор, который, хоть и не имеет архитектурной оснастки, простоит века, и со спокойным сердцем вышел на улицу, понимая, что ничего неожиданного не ждёт, ибо Господь всегда держит мир в равновесии - вышел, погрузился в свой город, растворился в нём - таком надёжном, современном, средневековом

НА МОЛОЧНОЙ КУХНЕ

Сквозь ажурные решётки глядеть на пузырящиеся лужи - маленькие купола пузырей вздуваются, плывут легко, лопаются, появляются новые...

Машины во дворе вымыты дождём, и блестят, как праздничные.

Мотоцикл возле решётки - всегда тут стоит...

Раннее июльское утро выглядит вполне по-осеннему, и дождь холодный, не ласковый; а молочная кухня находится в полуподвальном помещении старого дома, и каменный закуток перед нею забран ажурной решёткой.

Один отец в этот час мается в закутке, ловя собственные ассоциации, связывая их в букеты...

Пришёл пятнадцать минут назад, и бодрый парень на раздаче, напоминающий молодого бычка, улыбаясь - скорее нагло, чем виновато - развёл руками: Молочку не привезли.

- Как?

- Сам не понимаю. Впервые такое.

- А связь с теми, кто везут есть?

- У руководства. Звонил уже. Сказали, выехали без десяти пять. Должны быть давно уже.

- Ладно, покурю пока.

Отец вышел в закуток, поднялся по четырём стёртым ступенькам, раскрыл зонт, закурил.

Дождь работал то усерднее, то затихал, точно растратив силу, и обращаясь к водным резервам - о! неисчерпаемы они! - и вновь гудит и кипит водяная работа.

Зонт не спасал, рукава куртки намокли, липли к рукам.

Парень выскочил тоже, задымил, выпуская струи и колечки в ячейки решётки.

Отец глядел на дорогу, на панораму двора, не зная, откуда может появиться машина; спать хотелось...

Жена и малыш были на даче, он не поехал - слишком устал, хотел отлежаться дома.

Дождь штриховал всё, воздух казался тяжёлым, отсыревшим.

Ещё один папашка - кругло-толстый, с пакетами - забежал внутрь, и... выбежал ни с чем...

Уходить пора.

Но отец спустился в помещение кухни, сел на единственный стул.

Показалось - выпадает из реальности: такой знакомой, приевшейся, скучной; выпадает, не зная, что делать - договориться на завтра? Подождать?

Шли какие-то куски времени, пласты сна и яви перемещались в голове, букеты ассоциаций рассыпались.

Сухой блеск алюминиевого стола, между которым и жёлтой стеной помещался единственный стул, мнился навязчивым, ибо ждущий был близорук, глаза болели в последнее время, и картинка мира представлялась не чёткой порой, если не раздражающей.

Парень мелькнул в раздаточном окне - так, бывает карп всплывает на поверхность пруда: чтобы опять уйти в тихую и тёмную глубину.

- Ну что? - спросил отец.

...но с карпом не поговоришь.

- Не знаю, - развёл руками парень. - Может, форс-мажор какой? Первый раз такое.

Три дня назад была ночная гроза - тяжёлая, штормовая, со шквальным ветром, чьи ярые порывы кидали на землю могучие тополя двора, выворачивая их с корнем.

...вчера ходил прогуляться в лесопарк, и, углубляясь в него, был поражён разрушениями: высокие берёзы, исторгнутые из домашней почвы, лежали друг на друге, и треугольные пласты земли, глинистой и желтоватой, слепо пялились на него, смотревшего. Безжизненные корни торчали, как покалечен-

ные пальцы, упирались в воздух; а ветви мешались, переплетались - как ассоциации в голове.

В одном месте повалило сосну, и толстый, как огромный шланг, корень был перекручен, разорван наполовину, точно связь с землёй, со средой жизни осталась, не прервалась, хотя иллюзия это, понятно.

- Стоит ждать?

Парень снова мелькнул в окне.

- Извините, сам не знаю.

Флёр иллюзий, закрывающий жизнь.

В детстве казалось - всё достижимо, только руку протяни, приложи усилие.

Детство осталось в тебе, или ушло в никуда, прокатилось по сознанию, оставив следы воспоминаний, йоты слёз и восторгов...

Детство прорыто в тебе, как траншея, из которой не выбраться, как ни старайся, хотя на войну не собирался никогда, но оказался на ней - на войне с самим собою, тяжёлой войне, связанной с постоянным преодолением - самости, горестей, тоски.

Отец вздохнул, вставая.

- Телефон у вас есть?

- А вон посмотрите, на стенде.

Ручка была на полочке раздаточного окна, и там же, в пластиковом кармане, торчали бумажки.

Взял одну из них, записал телефон - на тускло блещущем столе.

Возвращая ручку, празднично оглядел нутро раздаточного пункта: коробки громоздятся, холодильник велик, снежно-бел, линолеум истоптан: всё казённое, и какое-то не живое, как в волокитном, бюрократическом заведении.

Дождь разошёлся пуще, и улицы были безлюдными, как и дворы, увязанные в хитрую систему, где неожиданный поворот выводит к линиям бульвара, таким милым в хорошую, солнечную погоду.

Дождь свинцов, у гаражей лужи - пространные, чёрно-прозрачные, пузырящиеся: не пройти, надо в обход.

Рельеф дворов всюду неровен, дома громоздятся в условном порядке, и деревья, раскачиваясь, сыпят мириадами брызг.

Бульвар переходит в новую связку дворов.

Позвоню часов в десять, думает отец, зевая, уходя в перспективу начинающего дня, столь непохожего на летний, хотя июль зрел, и не ждёшь от него ничего, кроме ласки тепла и солнца.

ЧЕЛОВЕК И ГОРШОК

Сгустки цветов, распускающихся в небесах при рождении каждого ребёнка; сгустки волшебных цветов, украшающих не зримо небеса; знаете, когда ночью мальчик-ребёнок, проснувшись, заплачет, ангел заглянет в окно...

...нечто чудовищное: в старом городе, в вельможном доме, нарождается... горшок: милый такой, бокастый, маленький ещё...

И все хлопочут, бегают вокруг, будто не произошло ничего необыкновенного; платья развеваются, чепец слетает с акушерки...

Представляете?

Город готический, с гнутыми улицами, со шпилями, не больно колющими небеса; город, запутанный в самом себе: сложно, бесперспективно: жителям достаточно своего мирка, ибо каждый считает его - миром...

Мы выходим горшок, мы вынаничим его, вырастим...

Пока - не объявлено: герольды не будут трубить, и космос обыденности не нарушится никак, - данный, как данный...

Родители слишком высоко стоят: их детище - наследник: так решил париконосный, старый, с лицом в разводах склеротических прожилок курфюрст: так решил он: бездетный, скрывающий тайны былого.

Что сообщат ему?

...уже и аудиенций не бывает, отец горшка приходит тогда, когда удобно ему, ставшему тенью курфюрста: но - плотной тенью, не обманешь реальность...

Курфюрст, прихлёбывая вино со специями, спрашивает, дребезжа голосом:

- Ну, как?

- Отличный, сынок, но, ваше высочество, показать не требуйте пока...

- Не требую. Знаю. Раз отличный - велю подготовить указ...

- Как же, как же...

Носятся с ребёнком-горшком.

Носятся с ним, крутобоким, и - сразу как будто стал увеличиваться, играя этими самыми боками.

- Как же кормить сыночка? - недоумеваает мать.

- А давайте так попробуем! - предлагает повариха, и, подхватив кувшин, не имеющий потенций расти, льёт молоко в горшок.

Он пофыркивает: так кажется.

Он поворачивается, бока становятся глянцевыми...

- Смотрите, нравится! - восклицает повариха.

И мать восхищённо хлопает в ладоши.

Май течёт жарю, завершаясь; он течёт ею, играя золотистой листвой, и отдохновение лета ощущается уже, - путешествие длиною в три месяца, столь радовавшее в детстве.

Саня, обогнув угол дома, выбил дымящуюся часть сигареты, чуть обжигая палец, вдруг вспомнив, как неделю назад укусила оса: поздним вечером, когда брал половину оставленной на борту пепельницы сигареты, подумал ещё - не загасил? но боль была сильной, и послышалось гудение...

Боль была сильной?

Ты не ведаешь, какая бывает.

Он шёл мимо широких стёкол первого этажа собственного дома: шаурма, с ловким, как фокусник, шаурмистом, аптека, магазин: нужно сюда...

Избыточность их, предложенная в последние десятилетия, ждёт своего Йордана: всё истекает соком, и возле фруктового отсека, где ананасы серьёзны, а клубника кажется чрезмерной, сидит на табуреточке соседка Галя, болтает о чём-то с продавщицей.

...она болтала и с мамой, дружили вполне, как они сидели на лавочке, возле дома, а!

Он проходит не здороваясь, и, минуя мясное изобилие, не обращая внимание на овощи и рыбу, ныряет в хлебо-булочные ряды.

На карточке осталось чуть денег.

Он выбирает соответствующий, в целлофан упакованный хлеб, двигается к кассе, возле которой вяло шевелится пожилая тётка, выкладывая из сумки накупленное.

Потом будет извлекать из сумочки кошелёк, из него вытаскивать карточки, при этом держа на руках маленькую, пушистую собачку...

Твои собаки, Саня, остались в прошлом: привычка разговаривать с самим собой не подразумевает позитива.

Теперь сигареты: парень восточного типа знает, какие всегда берёт, достаёт, не спрашивая...

Галька выходит за ним, он чувствует, как остановилась, упираясь рукой в стену, вздыхает: Совсем плохо сегодня...

Возвращается на несколько шагов: Довести, Галь?

- Ой, если можешь...

- Могу, конечно.

Берёт его под руку: кривоходящая, медленная, старая, говорит неожиданно:

- Только из Нальчика вернулась. Акклиматизация... Ноги что-то совсем...

Идёт, ровняя под неё шаг: черепаший получается.

...суша, выступающая из воды, напоминает панцирь черепахи, отсюда и представление о мире, стоящем на них, трёх огромных, а слон откуда?

- В Нальчике была. Чудо, а не город - так люблю это место. Чудо - такие парки, и вырубка деревьев проводится так аккуратно, со знанием, никакой штурмовщины. И такой зелёный город, такой...

- Город-парк... - не то спрашивает, не то утверждает Саня...

- Да.

Они ползут мимо сиреней, берёзок, мимо подъездов: их в глубине двора.

Цветы сияют: раньше занималась другая соседка, теперь, после того как вышла замуж, интересно кто?

Никогда не замечал: но сердца цветов красивы...

У подъезда:

- До двери дойдёшь?

- Конечно. На скамеечке посижу, отдохну. А ты?

- Да так... обойду вокруг дома, и... назад.

Она кивает, знает, насколько разорван внутри после мамы, с которой никогда не расставался.

...сановитой, пышной матери так понравилось кормить сыночка молочком, что занималась часто этим, охотно.

Молоко, желтея опалово, вливалось в недра горшка, и он ворочался, пофыркивая, похрюкивая как маленький поросёнок, он становился больше, круглее, он начинал выбираться из пелёнок, в которые заворачивали так нежно и тщательно.

- Как сыночек? - входил в залу отец.

Паркет играл янтарём, и солнце мая, лившееся в широкие, великолепно вымытые окна, возбуждало новые оттенки цвета.

- Растёт, - умильно отвечала мать. И спрашивала, волнуясь: Ну, указ готов...

- Готов. Всем, кому необходимо сообщено.

- Всем-всем?

- Да.

- Но... как же объявить, что...

- А... - Отец машет рукой. - Никак. Подождём что будет.

- Как сам-то?

- Плох. Совсем плох. Даже от вина отказывался сегодня...

Мать вздыхает, думая, когда теперь налить новую порцию молока в сыночка.

Оно исчезает в нём: не то испаряясь, не то всасываясь.

Курфюрст был совсем не плохим правителем: обе войны, объявленные им, были выиграны: одна касалась избыточной и странной растительности, нагло прущей на город, другая относилась к противникам более серьёзным: ящерам, напоминавшим портативных драконов.

Не очень велики.

...растительность была упорна, лапчата, на стеблях появлялись отростки, и, соединяясь ими, вырастали новые побеги, стремительно увеличиваясь.

Растительность, неизвестная ботаникам, которых несколько было в городе, проявляла упорство: его же демонстрировал и курфюрст, собрав лучших дровосеков, поскольку стебли обладали древесной крепостью.

Наточив топоры - острия сверкали алмазно, они, дровосеки, вторгались в самую гущу, терзая её так, что растительность стонала, брызгая соком.

Что же - пожалеть?

Выжить должен кто-то один: либо люди города, либо давящая их древесная трава.

Люди предпочтительней, как в случае с ящерами, чья портативность была обманчива.

Первые налетали, сокрушая когтистыми лапами крыши: не совсем, нет-нет, но черепица сыпалась, крошилась, разлеталась.

Потом появились другие: кожистые, хвостатые, бессмысленно мерцающие глазами, вползающие в улицы.

Как так?

Нужны уже военные, их в городе было... на целую маленькую армию.

Они, организованные командующим, выступили против вёртких, когтистых, шипастых, и оказалось: вместо убитого появляются двое, правда - меньших размером.

Страх охватил город, люди замыкались в домах, тщательно проверяли запасы.

В амбарах много всего было.

- Мам, что им надо?

- Ох, не знаю дочка.

Точка.

Она была поставлена - обратились к алхимику, к чьим экспериментам давно не относились всерьёз: но... к кому же ещё?

И, оторвавшись от колб и реторт, где блистало и мерцало нечто сине-золотистое, поглядев на пришедшее к нему посольство глазами, воспалёнными от множественных экспериментов, от дал совет...

Какой?

Это не важно, вернее - не важно теперь, ибо, последовав оному, войско добилось сначала того, что ящеры не делились больше, а потом и вовсе были побеждены.

Так город очистился от страха, но не от банальных пороков, которые, если поставить им памятник, будут выглядеть по-жабьи, по-ослиному, по-детски-кошмарному.

Собственно, это лучшее, что сделал курфюрст: остальная жизнь его проходила между балами, выездами, приёмами, обедами, но дурацких указов он не издавал.

Он не знал, что родился горшок, отвергая свою привычную порцию вина со специями, не ведал о том, кого выдвигает в свои преемники, но указ был подписан.

Всё чёрным по белому, и скреплено печатью, внутри которой сияла сложно организованная звезда, в чьей древности никто не сомневался.

- Указ подписан, - сказал вельможа жене, и одобрительно похлопал горшок по боку...

...мысли, сквозящие в недрах сознания Сани, отдают резкостью молний...

Так не может быть: или?

Последняя калужская тётушка (остальные на старом Пятницком кладбище) сказала жене, ему не решилась, видать, что бабушка родила маму от другого мужчины.

Он вздрогнул.

В общем теперь, когда все мертвы, какая разница - и тем не менее, дебри эти тянут, нужен свет, чтобы прорезать их, а света не будет.

Тётка Надька - говорливая, добрая простушка, теперь, после смерти мужа, живущая одна, сын давно самостоятелен, своя семья.

Она живёт одна, и приближается к рубежу восьмидесяти, напридумывала невесть чего?

...майское лето переливается, и, выйдя на лоджию поку- рить, ощущаешь себя капитаном корабля, плывущего над ми- ром: бывает ли море таким зелёным?

Стволов почти не видно, тополя, разросшиеся выше девяти- этажных, кирпичных, постройки семидесятых домов, сливаю- тся в сплошную массу, и, глядя в них, выпуская фигуры дыма, Саня думает: что лица листьев... в чём-то адекватны человече- ству.

Ладно.

Мама была средней, старший брат её погиб рано: жизнь, сложно искажённая передозированным во время операции опиумом, пошло привыкание, дальше остро рванул сплошной излом...

Младшая мамина сестра, любимая тётушка, и с которой так близка была мама, не уезжала из родной Калуги: как и брат.

Куда ехать? Ведь нужна дачка, машина, обустройство дачи, хотелось индоуток завести, да и огород так пышен...

Куда ехать?

Нужна основательность накопления...

А мама рванула в Москву, поступила в Пищевой институт, и, прописанная у себя старой певицей, солисткой Большого, по- терявшей голос, а какое родство - теперь не узнать, стала москвичкой, познакомилась с незаурядным отцом: физиком с широчайшими интересами...

Всегда казалось - мама слишком отличается от родни: столь любимой, такой простоватой...

Знал: дед-пограничник пропал без вести в первые дни вой- ны: часть стояла там, где пришлись первые немецкие удары.

Знал: бабушка рассказывала, как дед покупал Ляльке, как домашние звали маму, пирожные - много-много, просто нра- вился процесс, как тыкала пальчиком, выбирая: вот то, с розо- вой розой, вот это, с цукатами, и ещё миндальное, и...

Какие тогда были?

Не представить...

Он покупал их, приводил девочку, одетую в пышное платье, девочку с бантами, и бабушка ругалась: Зачем столько, не съесть же, да и траты! - смеялся в ответ...

Просто смеялся: они были так молоды: бабушка и дед, последнего не представишь; они были молоды, что так не подходит к понятию дед и бабушка...

Потом дед пропал без вести...

...колышутся тополя, нежась под солнцем, лодка балкона плывёт; или корабль, на котором он капитан, докуривший, и - необходимо вернуться в рубку, то есть - в комнату.

Дверь скрипит, отвечая вороне, устраивающейся на пружинящей, как рессора, ветке.

Представить мимолётной роман бабушки?

Она хороша была когда-то - судя по старым фотографиям; но представить её роман, встречи украдкой, волокна страсти, перевившие душу...

Провинциальный приграничный городок, тишина, царящая в нём, адекватна той, что заполняет собою город, где родился горшок, хотя между ними бездна.

Дна нет нигде: и мысли, увлекая в неизвестную глубину, не сулят пощады.

Бабушка, срывающаяся из дома, когда муж в части, оставляла Юрку, игравшего на полу...

Волнуясь, стремилась в маленький дом, где закипало всё у двух людей: и звёзды мелькали, и расцветали небесные букеты.

Мама сказала раз: Говорят, деда видели в Калуге после войны.

А представляется смутное, странное, тяжёлое...

Он узнал, что обожаемая Лялька не от него, он узнал, и всё в нём содрогнулось тяжко.

Он узнал, и, выживший, прошедший мытарства плена, остался в Европе, не желая видеть прежнюю семью: знание настолько расплосовало мозг, что стало страшно.

Он разбогател, начиная с мелких дел, уча языки, он дошёл до Бельгии, осел там, активно работая, продолжая зарабатывать, и, если и вспоминал своё прошлое, то передёргивался, или содрогался весь.

Бабушка была в эвакуации - с тремя детьми; она прошла все тяготы военного времени; и мама говорила Сане - Только не голод! Голод - самое страшное...

Ест изнутри.

Царь-голод.

Не оставляющий шансов, терзающий до конца...

Они выжили; когда-то бабушка писала в школьных тетрадях историю эвакуации - для Сани, начавшему сочинять рано, очень рано.

Тетради пропали: как стёрлись из головы подробности жизни в эвакуации.

Мама не могла знать, чья она дочь.

Откуда взяла это тётя Надя?

Поехать, расспросить?

Но... зачем теперь...

Саня тяжело чувствует, как канал, связывающий их с мамой, не рвётся, как неумогу без неё, как рассыпаются гроздьё прошлого в сознание, не давая покоя.

Уже подросток: он серьёзен, глядит на всех, хоть глаз нет, и не будет.

Он по-прежнему питаем молоком, вливаемым в его чрево, он состоит из сплошного чрева, и отец, думает, коли у сыночка нет ума, как он будет управлять нашим городом?

Сыночек... такое сладкое слово, и мама читает ему - старые-старые сказки, читает вслух, он слушает внимательно, как делает всё.

Кажется, что делает...

...в городе будут похороны: пышны, с массой деталей, все похоронные конторы ныне соединились, даже не особенно желая выгоды: курфюрст умер.

Он умер: об этом объявили герольды, и тут же закружилась суета.

Приказ о наследовании престола в надёжном ларце: отец знает, где ключи от шкафа, и знают все приближённые, их всего несколько человек, как распорядился властью ушедший.

Мы ждём.

Слуги рыдают - по крайней мере некоторые из них.

Пышность собирается постепенно: сборчато, складчато: цветы доставляются массивами: сияют звёзды роз, каллы отливают запредельной белизною, мелкие флоксы, поданные масивом, играют оттенками.

Гробовщики колдуют над телом, уже приведённым в порядок, парик башнеподобен, и замирание звуков: все всё стараются делать тихо - говорит о сияющей власти смерти.

Тело погружается в роскошный, богато лакированный гроб, гроб выносят, ставят на военный лафет, весь в цветах, перевозят в главный собор...

Тянутся потоком: учителя и школяры, священники и торговцы, читатели и журналисты, мамы с детьми, благочестивые старушки, тянутся, тянутся...

- Если б не он, нас бы поглотили растения - помните?

- Ещё б! неистовы были...

Дровосеки, лудильщики, маляры, лодочники, пивовары, сыровары, хозяева лесопилок, строители, представители тайных обществ.

- Если б не он, нас бы задавили ящеры, помните?

- Конечно, жуть какая... У меня дочка давно выросла, а всё вспоминает, как это было - жутко, лихо...

Тянутся.

Музыка траурная звучит.

Курфюрст будет погребён здесь, в пышном саркофаге, и мрамор знамен и скорбный ангел подразумеваются.

Три дня дано на прощание, весь город придёт.

Будут ли речи?

Вероятно, перед самым погребением, скажет слово настоятель собора, и вельможа-отец, пестующий горшок, о котором никто не знает.

Никто не должен узнать.

Три дня прошли.

Потоки скорбных людей промелькнули, но многие, собравшиеся на погребение, слышали речи...

Гладко, сверкая медной латынью, говорил пастор, и гладкость речи отливала вечностью, уже изученной святым отцом.

Пестро повествовал вельможа: в том числе и о придворной жизни своей, и о...

Да, да, он зачитал указ, чтобы все знали, он зачитал его, гордясь собой.

- Как же мы предъявим сыночка? - спросила мать, только что налившая в него молоко: оно, опалово поплёскивая, убывало постепенно.

- Очень просто, завернём, и...

- И?

- Думаешь, им есть дело до того, кто окажется у власти?

И он, рассмеявшись, махнул рукой.

...мальчишки машут руками, гоняя в футбол: действия ещё не настолько виртуозны, чтобы вписать их в абсолютную точность движений...

Коробка во дворе, недавно подвергнутая ремонту, обновлённая, и, глядя в окно, думая, что приготовить на ужин, Саня глядит на своего мальчишку, замершего на миг, и вот - понёсся, взорвался движением.

Вероятно, картошка и курица: из супа, что варил днём, обычная лапша, но куски куриного, белого, царского мяса в нём сочные, плотные...

Открыв под раковиной дверку, на которой висит помойное ведро, извлекая из таза картошку, чистит её, глядя на узорную стружку, слезающую резными завитками...

Всё узорно: как орнамент жизни, как мечтания, как...

Тогда, спускаясь пройтись, освежить голову, встретил маму, вернувшуюся с работы: у лифта, и сказал: вот ты и стала бабушкой, ма!

Вороха чувств мерцали цветочными головками.

Десять лет будет: скоро-скоро: каникулы начинаются раньше, дни мая текут, и сентябрь, когда родился мальчишка, кажется - за горами.

Не за горами совсем.

Вырезает чёрные точки из картофельной плоти, очищая совершенно до беловатой желтизны; моет под пузырящейся струёй, и, порезав, отправляет в кастрюлю: пусть варится.

Посолить!

Крупное зерно соли всегда нравилось: тайна мудрости за каждой крупинкой; и мудрость, собираемая по крупинке, должна постепенно напластоваться...

Дальше просто разогреть суп, чтобы мясо было тёплым, но... когда вернётся мальчишка?

Есть хочется, и остаётся дожидаться спелости картошки, вероятно, это случится раньше прихода мальчишки, стоящего теперь на воротах: быстро меняется их игра, траектории её стремительны, поле словно исчеркано движением.

Дверь открыта - входная.

Она распахнётся, и голос прозвенит: Привет, па!

- Привет, сынок!

- Всё отлично было!

- Хорошо.

Отец вытирает тарелку хлебом.

- Есть хочешь?

- Ага...

Шарики, перекатывающиеся в сознание, велики: сначала помыть тарелку, потом положить сыну еду, или наоборот?

Его тарелки толсты и пестры, доставая их, отец на секунду удивляется тому, что посуда мальчишки тяжелее взрослой.

Кладёт картошку, мясо, достаёт огурец...

Мальчишка возится в своей, бывшей маминной комнате.

Мама сказала: Он очень спокойно к смерти относится. Я говорю: Вот, когда меня не будет, эта комната будет твоей. И он просто кивнул.

Когда это было?

Ленты памяти так перекручены, столь многим опалены.

Мальчишка на кухне: он худенький, спортивный, подвижный, улыбочивый и контактный - в жену.

- Давай ешь, Андрюш. Будешь плохо есть - не вырастешь...

- Да я ем, па. - Он хватает огурец, смачно хрустит им.

Всегда сначала огурец.

Посуда, заливаемая водой, и струи её, разбиваясь о пластиковую решётку в раковине, брызжут, одна выхлёстывает, замачивает майку.

Стряхнуть рукой.

Мальчишка ест.

- Тебе на лето задали что-то?

- Чуть-чуть, па... А вам задавали?

- Наверно. Сколько лет прошло! Я уж не вспомню, сынок. А что задали.

- Там список книг лежит. И по математики ещё немножко...

- Будешь делать?

- Конечно...

Читать - вряд ли: компьютерное поколение, посмотрит содержание.

И пусть - литература обладает способностью смалывать, или переваривать жизнь...

...как горшок переваривает пищу.

Он был предъявлен толпе: наследник - собственно, толпы не получилось: но некоторое количество людей собралось, они стояли - с каменными лицами, в камзолах и сюртуках, панталонах и штанах.

Они слушали.

Они глядели, как на балкон был вынесен странный свёрток, внутри которого таилось чудесное дитя.

Отец любовался.

Горшок стремительно рос - так ему казалось, да и жена умилялась: Поросёночек ты мой!

Он был предъявлен, люди вяло похлопали, пожевали губами, разошлись, и горшок внесли назад, налили в него молока, накрошили хлеба.

Да, он стал переваривать и хлеб, размокающий в молоке, превращаемый в кашу, и булочки с корицей использовались, и плюшки.

Так надо.

- Как приняли? - спросила мать.

- Нормально.

В трактирах раздавалось, за толстыми кружками пива, не то бокалами кроваво-красного вина:

- Горшок?

- Ну да...

- Неужели?

- А что такое?

- Но это ж...

- Ай, бросьте. У нас давно ничего не происходит. Горшок, так горшок. Слышали ж - курфюрст распорядился. А он хороший был...

- Отец народа...

- Спас нас.

Они приняли спокойно: им важнее их обычная жизнь, чтобы не рушил никто, не трогал, чтобы текла, как течёт, и кофе утром, и пиво вечером, и жена под боком, и доходы росли...

Рос горшок.

Он ворочался беспокойно порой.

...пусть у них там начнётся зима: снег, убелия всё, утишая, делая виды сонными и красивыми, уляжется, и мальчишки будут играть, кидаясь снежками и катаясь на санках.

Он ворочался беспокойно - в своих пелёнках.

- Что, сынок? - интересовалась мать.

Бока его посверкивали.

- По-моему... - сказал отец, - ему хочется кататься!

- Как...ка...таться?

- Просто, на саночках...

Саночки, конечно, легко были найдены во дворце курфюрста, таившего множественность всего: в том числе детского: вдруг наследник...

Саночки нашлись, и горшок, словно соскальзывая с рук отца, уселся - плотно и крепко.

Отец повлѣк саночки - их, здорово!

Блистали полозья, покачивался сынок-горшок, летели снежинки, всё было чудно-чудно...

Отец нарезал круги.

Сынок был в восторге...

Отец читал ему: государственные книги, историю, юриспруденцию; он рассказывал о законах, о многом - что необходимо знать тому, кто будет управлять...

Горшок слушал внимательно, непроницаемо; словно ловил самое важное: будто стремился познать каждую крупницу соли мудрости.

Отец был рад.

- Он будет умненьким.

- Конечно, - улыбалась мать.

...отец пристрастился своеобразно играть с мальчишкой: он кидал мяч, и горшок тянулся, стремясь поймать его, а когда ловил, отец хлопал в ладоши, как ребёнок; потом, рисуя странные картинки, отец предлагал горшку называть их...

Называть?

О, он научился слышать оттенки гипотетического голоса, он ловил их, и, преобразуя в ответы, рисовал новые картинки, и потом - читал опять, читал.

Горшок слушал внимательно...

Он был представлен всем царедворцам: тем, от кого зависело хоть что-то: они входили, смотрели, хлопая глазами...

Они стали привыкать постепенно к облику правителя: ибо горшок уже считался правителем, а отец был опекуном.

Не сложно - в городе ничего не происходит, ничто не угрожает больше, указы-то и не нужны.

Все производится в своё время: хлеб, сыр, пиво, вино, тетради, книги, газеты...

Всё попадает в свои ячейки, и всё обосновано: из того, что происходит.

Жёны ждут дома, обеспечивая великолепные обеды; мужа проводят часть дня в конторах, или мастерских, денёжки текут, круговорот их определяет действительность, предложенную окрест.

Никаких указов не нужно: всё работает само, как в природе: планеты знают, как им вращаться, свет, как давать жизнь, дождь - откуда лить, и так далее...

...кстати: вот и дождь забурлил, захлестал, свёртываясь в тугие жгуты, и радостно стало - зима ведь, когда катал горшок папа-вельможа, прошла, весна наступила, подходит к финалу, и майский ливень необходим городским скверам и паркам, огородам, и...

- Скорее, скорей!

Парень хватает за руку свою девушку, и влечёт её под арку: быстро, бегом, она, смеясь, следует за ним...

Вот, в полутьме им любо смотреть на серебряное мерцанье ливня.

- Ты знаешь, что нами управляет горшок?

- Слышал. И что?

- Горшок не может управлять

- Почему?

- Потому, что он - горшок! - хохочет девушка.

- А - всё равно, - смеётся парень, и начинает целовать её в мокрые нежные губы.

Мальчишка, подойдя к Сане, сидевшему за пёстрым пластом монитора, сказал: Пап, вот я хочу... чтобы вы мне хомячка...

Он дешёвый совсем, я смотрел, рублей 600, и клетка ещё дешевле...

Обожгло отца.

- Ты с мамой, сынок, говорил? За ним же ухаживать надо, клетку чистить, ты не забудешь про него?

- Нет-нет, па...

- Ну с мамой поговори. Я не против, ты знаешь. - Он мягкий отец, он... - Я и собаку бы хотел... С мамой обсуди: ты знаешь - она у нас более практичная.

Мальчишка кивает.

Ему так хочется животное.

Всё так туго в реальности, где деньги определены подлой властью...

Воспоминание мелькает волокнисто: старая квартира, две большие - потолки три с половиной метра - комнаты; старая, уютная, детская, квартира, и в простенке между окнами второй комнаты в аквариуме живёт хомячок: забавный, маленький, как положено.

Как видит мир он бусинами глаз? - думает мальчик, не представляющий, что вырастет, что станет папой.

Как увидеть по-хомяковски мир?

Теперь, когда возраст изряден, думается, он не очень интересен: мир хомяка, вечно жующего, не знающего, насколько он мил.

Мил, мягок, пушист - слова часто собираются в триады, играя свои роли, которые сложно изменить, впрочем, время может - как абракадабру превратило из сильного заклятия в белиберду...

Время может.

Но хомячок столь славен, и так нужно мальчишке хоть такое животное.

Мы бедны, а - как горшок?

Он богат...

Он богат.

Ему рассказывает об этом отец: постоянно, самоуверенно, он утверждает, что богатству его ничего не может противостоять, что золота в сейфах предостаточно и бумаги все в порядке.

Казначей, которому сообщено о внимательном нраве разросшегося горшка, готов служить верой и кривдой, как все казначеи, но взгляд отца суров: и кривда скукоживается постепенно.

Дела в порядке.

Сынок растёт, он уже и мяса требует, и, обжаренное, отправленное в недра его, где переваривается постепенно.

- Урчит от удовольствия, - замирает мать.

Отец соглашается.

У них всё в порядке с богатством, им не нужны хомяки.

Кони?

Но верхом горшку не усидеть.

...юноша и девушка, целовавшиеся под аркой, согласятся жить при любом правителе, гарантирующим им благоденствие.

Кто гарантирует его лучше горшка?

Круглый, надёжный, легко переваривающий пищу...

Не болтает - значит, не ляпнет глупость.

Не завидует, или?..

- Наш сынок, - говорила мать, - совершенно лишён пороков. Ты подумай! Как славно быть не завистливым, не гордым, не чванливым, не тщеславным...

- Не жадным, - добавлял отец, зевая.

Был вечер.

Пора было спать.

Изрядно растолстевший горшок восседал среди ставших ему такими маленькими покрывал...

Жена позвонила Сане:

- Выходи. Через пять минут буду в Магните.

Системы магазинов банальны настолько, насколько не банальными кажутся собственная неповторимая улица, гирианды дворов, каждый из которых имеет какую-то особенность, тотальные тополя: с любым можно установить вариант взаимоотношений.

Сгустилась майская тьма, собралась упорно, планета уходит со световой стороны, а люди не ассоциируют себя с землянами, хотя и являются таковыми.

Он собрался, поменяв домашние штаны на брюки, и, думая, что стало прохладно, накинул куртку.

Лиловато светила темнота двора: даже тьма обладает своеобразным свечением; на задворках магазина (а когда-то здесь были советские "консервы", с выбором убогим, но тогда было изобилие другого), мимо помойки часто шныряют крысы, однажды наиболее шустрая шибанула ему в каблук...

...вдруг ощущение их жизни - сплошной ужас?

Захлёстывающий, закипающий, неистовый, постоянный?

Нужно что-то вырывать, пищать испуганно, быть злее других; и крыса, стукнув тельцем по каблук, рванула в сторону, под магазин... что ли?

Теперь - полоса пёстрого света, льющая из окон; стёкла широки, всё видно, будто выставка изобилия.

Мимо, жена уже внутри.

Сумки, сунутые в карман, достаёт, протягивает.

- Пока держи. Что нужно?

- А я не знаю, - улыбается глупо. - Сынок не писал?

- Нет, забыла спросить.

- Яйца, молоко кончились.

- Мясa какого-то?

- Да...

Она выбирает полуфабрикаты, скользя взглядом по десяткам упаковок.

Она выбирает, отодвигает крышку контейнера, протягивает ему рагу, потом фарш.

Берёт всё.

Выбирает любимые мальчиком огурцы, потом добавляет несколько помидоров.

Пакеты множатся. Он переминается с ноги на ногу, не любя магазины, вспоминая, как мама, щадя его во всём, ходила до конца сама, оставляла сумки в ячейках, забирал их потом...

Упаковка яиц, пакет молока, он вспоминает про хлеб, но есть ещё, лежит в вазе, заменяющей хлебницу...

- Всё?

- Сладкого не получится?..

- Пойдём пряники посмотрим.

Идут между стеллажей пищевой библиотеки: но из желудка... какой читатель?

Жена берёт пакет, и отправляются друг за другом к кассе.

Быт.

Быт господствует, деля власть с желудком.

...он снова видит старушку, так напоминающую маму, если бы прожила ещё несколько лет...

Неуловимое облачко сходство, окрашенное в цвет желанной фантазии, пересекает небо мозга: но не поймать его, не поймать.

Хорошо, что народу не много.

Маленькая возрастная кассирша чем-то интересна: отпускает с прибауточками часто, в ней чувствуется странная смесь усталости, жёсткости, ироничности; она - словно не на своём месте, собиралась заниматься чем-то другим.

Она устала, как все...

- Леночка, - восклицает жена. - Как ты?

- Ох, как, - улыбается, производя операции. - Обычно. Не разрушу вашу пирамидку, - аккуратно покупки съезжают за кассу.

Муж перегружает их в сумку.

Леночка болтает с общительной женой, а он думает, как легко осиротевший сын превращается в папу, потом в мужа, потом...

- Пошли.

Жена расплатилась карточкой, предъявив другую - на скидки. Лёгкая, мягкая темнота, расцвеченная витринами, фонарями, огнями машин.

- Крыски будут? - спрашивает жена.

- Кто их знает, - отвечает муж, таща сумки.

Фонари, горящие во дворе, словно перебирают светом узоры листы - вполне нежно, лаская.

...она становилось толще и толще: мама горшка была дебилой, доброй, никогда не любила балы, так любила мужа... ребёночка...

Вот он, поблёскивая боками, в золотистом мундире, восседает на троне...

Она - рядышком, в кресле, уютно обитом плюшем, любитесь им: таким родным.

- Хороший ты мой!

Он улыбается.

Правда-правда.

Не верите?

Отец верит...

- Ладный ты мой! - сынок доволен...

Лицо матери расплывается.

Оно становится, как блин, теряет выражение; нечто уходит в себя, в потаённую глубину, которую мать, совершая церковные обряды, никогда не считала серьёзной, и вот оказалось...

Мелькает канал: тесный и быстрый...

Блин лица матери становится сине-бел, словно пупырчат, и она, улетающая в безвестность, видит, что так, как было, не может быть, и понимает, что её горшок скалится - хищно, злобно...

Ой!

Провал в небеса больно широк: но имеются в виду вовсе не те небеса, что привычны, если смотреть вверх.

Входит, уже шаркая, пышно одетый, камзольно-париковый отец, направляется к сыну, и вдруг чувствует нечто тёмное, полосой ползущее на него.

Вскрикивает.

Бока горшка блестят лаково: он недавно переварил хорошую порцию еды.

Отец вскрикивает, опускается на колени, целует холодные, бледные руки жены.

- Как же? - восклицает, - как же так, сынок? Осиротели мы...

Горшок кивает...

Чем?

Отцу неважно это.

...похороны были умеренно пышны, не сопоставить, конечно, с похоронами курфюрста, но и в грязь лицом ударить нельзя: такая древняя фамилия.

Горшок везли в карете, и люди, заглядывая в окошки, если получалось, привычно глотали реальность.

Отец сильно сдал после смерти жены.

Он много времени проводил возле сыночка, особенно усердно читал ему книги по философии, говорил, что нельзя угнетать людей...

Он говорил, что законы... пусть их: остаются такими, как есть, ведь живут же люди при них; он говорил, что не должно...

И засыпал внезапно, посапывая.

Горшок с равными чувствами слушал наставления и сопение.

...нашли пласт тела в постели: в бывшей постели курфюрста, - под пышном балдахинном, разумеется, избыточно просторной: тихо умер во сне...

- С женой соединился, - пробормотал один из придворных.

- Она и позвала.

Их смерти разделяли три месяца.

- Надо доложить...

Плечи передёргиваются, головы качаются...

...они качаются так, будто их будут рубить, срезать...

Надо доложить, но страх и недоумение всё же естественны, и...

- Что вы! Он совершенно живой! Как его отец любил!

- А мама...

- Надо доложить.

Гуськом тянутся к залу люди, лица их бледны, смяты растерянностью, за которой сквозит всеприемство доли...

Тихо скребутся в дверь.

Горшок, восседая на троне в накинутом мундире, спит.

- Ваше... - слышится шелест, лёгкий шелест, будто некто скребётся в дверь...

Шорох, шелест, как получится.

- Смотрите, он открыл глаза.

- У него нет глаз!

- Что вы - вон же: открыл...

- Ваше величество, ваш батюшка скончался.

И горшок кивнул, отдав приказ организовать похороны.

Они, привыкшие к дворцовой жизни, чётко слышали приказ, и бросились исполнять то, что и так бы сделали.

Та же фирма, что хоронила мать горшка, обогатилась и на похоронах отца: золотых кругляшей не жалели.

...почтительно, пропуская вперёд старших, входили в зал: основной зал курфюрста, выносили горшок, усаживали в карету.

-Хороши ли подушечки, вашество?..

Горшок кивал.

Он в основном кивал, а на похоронах отца, извлечённый из кареты, не плакал.

Потом говорили: Что вы, мы ясно видели слёзы, струящиеся по бокам...

Да?

- Абсолютно точно.

Придворный поэт, разразившись элегией, описал эти слёзы: искренней тоски и печали...

Он вращал глазами, просыпаясь, требуя еды; чётко видно было вращение круглых этих, крупных глаз: и несли, несли: миндальное молоко стало предпочтительней, хлеба больше не принимал, только сдобу, разнообразно приготовленную, плюшки и булочки с корицей были любимыми; потом требовалось обжаренное в сухариках мясо, которое, будучи мелко нарезанным, помещалось в вино, приготовленное с корицей и кардамоном: дорогое, гроеое красное вино; красное, как рубин...

Почему звёзды не дают рубинового отлива?

Отчего они всегда белы, золотисты, зеленоваты? Или - невнимательно смотрел на небо?

Мальчишка, выкупавшись, свалив полосатое полотенце на стиральную машинку горой, встретил папу и маму из магазина, сказав традиционно: Привет, мам, привет, папа!

- Ах, как люблю это слышать! - восклицает жена.

Мальчишка прижимается к ней.

Мерцают дукаты семейного счастья: есть ли оно?

Всегда реальна зыбь жизненной почвы.

Мальчишка вытаскивает продукты из сумок, переносит их на кухонный стол, наваливая горою; отец подхватывает сумки, переносит, переобувшись, на кухню - чтобы проще было.

Выгружают вместе.

- Яйца переложить, сынок?

- Конечно, папа...

Тоненькие лепестки лопаток двигаются под майкой.

Тихий плотный звук издаёт открываемая дверь холодильника...

Несколько дней назад чинили его: жена утром обнаружила отсутствие мороза, муж глядел в монитор, путешествуя по лабиринтам интернета, ища телефоны; звонили, вызывали, ждали к определённом часу.

Парень позвонил, сказал, что задержится, и продлённый час был наполнен неприятным внутренним дребезжанием - в психическом устройстве мужа.

Парень был лёгкий, подхватистый, с двумя чемоданчиками, набитыми специальным оборудованием; а распотрошённый холодильник гляделся жалко, как живое, поражённое существо.

Денег не хватило, пришлось идти снимать...

Вот сынок нагружает едой починенный, морозящий.

...верил в деде Мороза, когда ходил сад, пробовал Саня разубедить, улыбаясь, но обижался тогдашний малыш, участвовавший, как все дети, впрочем, в новогодних представлениях.

Отец садится к компьютеру.

Слова расплываются в мозгу, разбухают как будто, никак не собрать их в конкретику строчек.

Тьма теперь совсем не прозрачна, но легка, и звёзд не видно, и... почему они не бывают рубинового цвета?

Мальчишка идёт спать.

- Спокойной ночи, па...

- Спокойной, сынок. Сейчас выключу.

День завершается, уходит - даже долгий, как Тридцатилетняя война, пролетает быстро...

Наблюдать за слоением психики, за мелькающими волокнами оной, туго сплетаемыми: здесь обращение к кому-то, взываешь, мол, помоги, тут волны жизни с мамой: вот же она, вот, рядом, тут жизненное, косное ярмо, обрывки песенки мелькают, которую не хочется петь.

Сложность звёздного неба: непредставимые миллиарды клеток, связанные триллионами связей; и - будто мозг главный, мозг, глубоко упрятанный в череп, словно и вырастивший себе тело, страдающее, стареющее...

Горшок не старел.

Он наливался не зримым соком, становился гляцевым, бока его румянились, играли.

Была создана иерархия obsługi.

Главный по питанию сам чем-то напоминал горшок: и глаза у него были круглые, крупные.

- Мясо - только телятина, - поучал он. - Вино - исключительно рейнское. Кипятить, добавляя корицу и кардамон, выключать тут же, как закипит. Сухарики, в которых обжаривается мясо, смешивать с толчёным грецким орехом.

- Может, рыбки попробуем?

- Вы ещё советовать будете? Потребуется - попробуем.

Помощник главного по питанию был бегуч, летуч, лёгок, и указания раздавал - так же.

Главный по одеянию: мундиры шились соответствующие, украшенные звёздами: горшок возжаждал именно таких: пышных, золотоукрашенных, пёстрых.

Цех работал серьёзно, не считаясь с тратами, как не считались те, кто обеспечивал стол горшка: вернее - наполнение его чрева.

Он рос.

Ему требовалось больше и больше.

Мундиры перешивались.

Горшок вращал глазами, не поясняя - доволен?

Нет ли?

- Сань, спать пора, - говорит жена.

Он лежит, не раздеваясь, смотрит в маленький экран смартфона, лежит, боясь укладываться окончательно: водовороты, что закрутятся в мозгу, будут сложны, и мелькание их вряд ли даст заснуть.

А так хочется.

Хочется ему - но не мозгу, тот продолжает труды, привыкнув к вечерне-ночному возбуждению.

Всё же надо спать.

Вдруг сон организует восхитительный полёт?

...подлинность сна определяется приближением к детству, чуду, счастью; исключением из времени, вечно идущим, как вечно, пока воспринимаешь действительность, бьётся сердце...

Иногда становится страшно: как так: без перерыва и отдыха: работает, натужно качая кровь, раскрывая и закрывая клапаны, и не надорвётся...

Впрочем, известно, как надрывается.

Философия сна в определённом возрасте становится куда интереснее философии жизни: чья монотонность отливает серым цветом, сколько бы не струилась майская зелень и не играло, золотясь, солнце...

Нет! подлинность сна, конечно в том, чтобы взлететь: выбравшись из машины, застрявшей в долгом ряду себе подобных: взлететь, ощутить парение меж облаков, быть сдёрнутым за верёвку, вдруг привязавшуюся к ноге, как самостоятельное существо.

Помните?

Привиделось: сумма машин, стоящих в пробке, и теннисный мячик - зеленоватого цвета, прыгающий между них: хотя никто не запускал, не кидал оный.

Он прыгает, высоко взлетая, а люди в машинах сидят и сидят, погружённые в безнадёжность, как в вязкое желе.

Любил в детстве желе: разноцветное, отдающее вкусом различных ягод.

Медленно зреют ягоды сна: коли с засыпанием проблемы, вовсе не означает, что совесть нечиста, замарана многими ситуациями жизни, просто броуновское движение в мозгу, всё определяющем, не хочет останавливаться.

Пейзажи сна даются в ракурсах иного видения: в чём-то чётче, однако, искажения возможны...

Скрещение маленького сквера, лежащего на пути в школу, куда когда-то, в другом измерение бытия, в недрах советской яви ходил, и асфальтового большака, вторгающегося в разлив сквера; место, остро прорезанное обнажённостью деревьев, хотя снега не видать, и вот - ощущение: гонят, преследуют, и бежит Саня, стремясь оторваться, бежит, не видя себя, не ведая, кто преследует, а потом сознание рассекает мысль: зачем же бежать-то, если можно лететь...

И - словно ныряет в воздух, как воду, взлетает, делая плавательные движения брасса, воздух упруг, он не сопротивляется полёту, и лететь не сложнее, чем плыть...

Можно перевернуться в воздухе, лечь на спину, потом поглядеть вниз, и всё покажется таким мило-игрушечным, и про преследование забылось, и машины - будто - игрушки Пантагрюэля...

...горшок спал крепко: никаких проблем с засыпанием не ведая.

Он спал крепко: наевшийся, окружённый бесконечной заботой, почтением, раболепием, всё возрастающим, ибо его молчание часто принималось за гнев...

Он казался придворным гневливым: большой, с блестящими боками, словно растущий всё время, уже не вмещается на трон.

Было: суетливо, после кормления, окружили трон, лепеча:

- Вашество...

- Ваше...

- Вот, видите ли, трон маловат...

- Уж не обессудьте... снимем вас... Аккуратненько этак...

- Другой будет изготовлен...

- Не гневайтесь, вашество, быстро изготовят.

- У нас славные мастера - вы же знаете...

И - толстого и тяжёлого, в мундире с сияющими звёздами, сняли, переместили на плюшевую подстилку, трон унесли, и плыл он, покачиваясь...

Гораздо больший был изготовлен за сутки, горшок питали, как положено, с ним разговаривали, глядели в круглые, безвыразительные глаза, и когда поварёнок, притащивший поднос пирожных, вдруг (какова дерзость!) протянул лапку, чтобы потрогать горшок, хлопнули по ней...

Трон вносили торжественно, и - с высокой мерой почтения - поднимали горшок, устраивали, одевали.

Всё ждали, когда прорежется рот: ведь должны быть указы, хоть какие-то.

Но горшок спал.

Он не испытывал проблем с засыпанием, со сном.

Он погружался в омуты, где сияющее пространство золотилось, и родители были рядом, и матушка всплескивала руками, восклицая: Ах ты мой поросёночек.

А отец, улыбнувшись, говорил: Он вырастет умненьким...

Потом горшок открывал глаза, и видел пустоту зала, и испускал, недовольный, флюиды, почувствовав которые, соответствующие царедворцы приносили еду.

...плавать в недрах сна приятно, если, конечно, это - не обжигающий кошмар, из которого выдёргиваешься с повреждённым вариантом сознания.

Почему его нельзя определить?

Сознание есть ощущение жизни, и другие определения едва ли дадут полноту картины...

Но и это - слишком недостаточно для объёмности мировидения; и, плавая в утренней дрёме, хочется одновременно, снова провалиться в сон, где был полёт, и - вскочить, умывшись и выпив кофе, включить компьютер, погрузиться в сочинительский мир, обещающий альтернативу всему, что известно в скудости и бедности яви.

Поворотные моменты: получается, или нет; а может, поворотные, как раз, какие считаешь пустыми? А были ими те, когда душу заливало ощущением причастности к мировому духу, чувством сияющего логоса, и становилось легко, сейчас взлетишь, как удавалось это во сне...

Тем не менее, выдираться из сна тяжело, и последний день мая расходится серостью, небо течёт хмарью, и мельком увиденные в окне тополя, когда шёл в ванну, грустят...

Не грустите, ребята, всё пройдёт: вам ли переживать - столь мудрым и спокойным.

Жена встанет чуть позже, сварит овсянку, а мальчишка, вскочив, кинется к телефону, смартфону, вернее - играть с друзьями.

Он кинется к нему, и будет счастлив.

Всегда утром говорит: Доброе утро, мам, доброе утро, па!

Зеркало - от пола до потолка гладко мерцает в коридоре: зеркало большое, в деревянной раме, украшенной по бокам золотистыми колосьями; те же сплетены и вверху, на своеобразном фронтоне...

Космос ванны возможен ли?

Кафель, ничего никогда не отражающий, хотя гладкостью не уступает зеркальному стеклу; ещё одно овальное зеркало, но смотреть на себя утром не сильно хочется.

Вода, закипающая в руках, и вспоминается дачный умывальник, когда бежал мальчишкой к дереву, к какому он был прибит; бежал, счастливый сознанием пробуждения, и стержень подрагивал в руках, как маленькая рыбка.

Чайник сядет на синеватую корону огня, и даже носик не нужен: немного воды налил, и вскипит быстро.

Острое нежелание есть.

Кофе, смешанный с молоком, придаёт бодрости, и прежде, чем идти к компьютеру, необходимо выкурить сигарету: дым окрыляет.

Общение с сигаретой зиждется не столько на привычке, сколько на сложном веере ощущений, которые не хочется анализировать...

- Андрюш, выключай телефон. Ну-ка скоренько! - голос жены всплывает в действительность. - Нельзя целый день... Какое-нибудь задание тебе дам.

Она на кухне уже - жена.

- Кашу будешь? - спрашивает.

- Буду...

Пачка овсянки, открытая косо, кастрюля, снова хризантема огня...

- Достань молоко.

Открывает холодильник, выставляет на стол пакет, и - идёт на лоджию, разматывая ленту коридора, где стены заменяют стеллажи и полки...

Прогнулись иные - неся теперь бесполезный книжный груз; а когда-то читать было интереснее, нежели жить.

Тополя двора грустны.

Саня закуривает, глядя в них, и вдруг думает о жене: о её ранней, раненой ситуации, когда отец утонул, а девочке было пять лет.

Он думает так:

Ей говорили: В этом домике твой папа; она, пятилетняя девочка, ничего не понимала: как это - папа - такой живой, весёлый и надёжный, с шеи которого, если поднимал, удобно устраивая на ней, виден весь мир, и... в этой коробке?

Ящике?

Гроб стоял в комнате: красный, примитивный, советский гроб, и в нём лежало что-то, напоминавшее восковую, мёртвую, никогда не жившую куклу с лицом, отдалённо напоминавшим лицо отца.

Он не дышит! Камнепадом валило в сознание девочки.

Он не встанет... гудел чей-то голос...

Папа утонул; папа, храбро отправившийся купаться в Оку, чьё течение обманно и таит столько чреватых анти-возможностей, был извлечён из великой реки в качестве того, что лежало в ящике.

Какой домик?

...на кладбище, когда дом этот, домовину, домик погружают в бесконечную землю на бесконечное время девочку не взяли, и она, оставшись со знакомыми взрослыми тётями, хлопотавшими у стола, всё не могла понять, как это: Ведь был же папа?

Такой тёплый, живой, к которому можно прижаться, ощутить запах, исходящий от него, и теперь пустота, разлитая в квартире, пустота, упорно играющая с ней, подкидывающая воспоминания, но не дающая реальности отца...

Реального отца.

В школе было: девчонки, болтая, щёлкая словцами, роняли:
А вот мой папа...

Ей, узнавшей про домик, стало смертельно больно: так захлестнуло, будто кто петлю накинул на шею, сейчас затянет, и кинулась она, сжав кулачки, на девононок, кинулась, ревя, захлёбываясь отсутствием отца...

Ею не осуждали.

Дети злы.

Учителя старались держать нейтралитет.

Её не осуждали.

Оставаясь одна, она всё бормотала: Как ты мог, па, как ты смел, папка, как, как...

Слёзы лились, их никто не видел, девочка была сильной...

Она злилась на папу, оставившего их: ведь был ещё совсем крошечный брат, ведь было раньше: ходили вчетвером гулять, а теперь - одна нервная, постаревшая, потемневшая лицом мама, на которую навалилось столько всего...

Девочка обращалась к кому-то, не зная адреса, она бормотала свои жаркие, пьяные девоночьи слова, требующие, осуждающие, скрещивающие молитву и отчаяние...

И мир вокруг стоял так, будто ничего не произошло: мир твёрдый, уверенный, безответный...

Вихрем, цветом напоминающим дым, проносится в мозгу, и не ясно - угадал ли?

Записать в форме рассказа, потом показать жене?

- Саш! - слышится из кухни, - каша готова.

Он, на ходу нажав кнопку компьютера, тотчас налившуюся синим цветом, идёт; мальчишка уже за столом, но ест вяло - малоежка...

На тарелке его изображена весёлая крыса: куплена была в соответствующем году.

...еды требовалось больше и больше: куски мяса, обжаренные в сухарях, смешанных с размолотыми грецкими орехами, становились больше, вина теперь подавались разных сортов.

И молоко лилось, и булочки с корицей кидались целиком, вперемешку с плюшками...

Глаза горшка открывались широко: и придворные, заглядывая в их глубины, читали требование новых и новых блюд...

Горшок, переварив, вдруг начинал ёрзать - не спокойно, странно, и собирались, собирались вокруг: писцы и советники, шелестели бумагами, ждали...

Ведь должны же быть указы!

- Т-с-с! - воскликнул главный писец. - Я слышу, слышу...

Тишина опустилась, будто не было живых.

И писец, словно впад в транс, быстро стал писать: быстро, кратко.

Глаза горшка закрылись, все, стучаясь головами, сгрудились вокруг текста, гласившего: Запрещаю использовать горшки в качестве средств приготовления пищи! Запрещаю! Только сковородки, кастрюли, котлы и противни.

- Мудро!

- Как мудро, вашеество...

Оглашено.

Все газеты вышли с крупно набранным указом на первой полосе.

Глашатаи ходили по городу, объявляя.

- Как же, - говорила одна домохозяйка другой, - без горшков-то?

- Ему виднее, - пожимала плечами в ответ.

Недоумение - что делать с горшками, - наслаивалось на раздражение, но второй указ горшка относился к увеличению военной силы, и усилению охраны дворца.

По городу стали ходить патрули.

Ничего не поделаешь: горшки были поставлены на специальные почётные места в кухнях, а готовили... ну, как указано.

Ему докладывал первый советник:

- Исполнено, как указали...

Глаза горшка раскрылись шире обычного, и советник, дрогнув душою, подумал, что не так сказал:

- Повелели... - исправился тотчас.

Горшок ухнул, как большая сова.

- Мы проверяли, - частил скороговоркой в поклоне согнувшийся человек: вылитая запятая. - Все горшки стоят в кухнях, на почётных местах. Все начищены, сверкают. Всё, как повелели...

Глаза закрылись, отпуская человекка - в привычную его жизнь, в недрах постоянного вращения юлы юдоли...

Она вращается постоянно: и никак не проверить, что есть классы рабочих ангелов, следящих за движением планет.

Никак не проверить, есть ли ангелы вообще: и как существуют существа, лишённые смерти; впрочем, возможно, вечность подразумевает просто иное течение времени, а вовсе не означает полного его отсутствия...

Кислый день выдался последним - в хронике этой весны: обычной хронике, которую каждый пишет собственной судьбой, ничего не записывая, как правило.

Кислый, растекающийся дождём, чёрным асфальтом, понурыми деревьями.

Машины, чьё движенье в пределах города вечно, поднимают волны брызг, ибо лужи образовались значительные, и надо идти по глубинам улицы, чтобы не окатили с ног до головы.

Дома слегка меняют цвет: водные процедуры им безразличны; а в остальном - пульс жизни таков, каков есть: ни учащается, ни замедляется ни на чуть.

Если не идёт жизнь за монитором, если текст, возникающий не понятно по чьему велению, застревает, сам не видя своего продолжения, необходимо выйти, погрузиться в мир дворов, пройти знакомыми улицами...

Есть в них нечто заурядно-упоительное: вглядываясь в трамвай, в обыденное передвижение не знакомых людей, мож-

но ощутить себя той человеческой каплей, которой смерть не страшна, ибо она просто - присоединение к большинству...

Растворение в океане, могущество и величие которого не представить...

ВДНХ рядом: прекрасная выставка, территорией с Монако; но идти туда не хочется, да и бродить под дождём долго не получится.

Как выглядят фонтаны под дождём?

Вода к воде - смертельный стык: переливается жидкое стекло, и золотые фигуры "Дружбы народов" будут сверкать, как завершится рабочий период дождя, вдвойне золотисто...

Витрины тянутся: банк, кафе, ещё банк, аптека: панорама обыденности, не дающая вариантов...

Он сворачивает в арку, выходит во двор, пересекает его, стараясь сфокусировать мысли на чём-то определённом.

Они расплываются, ответственуя дождевой силе.

Или - играя с нею.

И вот - известный в городе сочинитель разразился трактатом, где в сгущённой метафизической форме, брызжа энергично слюной и захлёбываясь речениями, вопрошал - зачем нужны дети бедняков?

Ведь они ничего не изменят, не украсят собой мир, пополнят ряды, вырастая, беспросветных этих бедняков, а то и хуже - скатятся в ямы деклассированности, угрожая благовоспитанным и благочестивым бюргерам!

Так не лучше ли отправлять детей бедняков на корм богачам?

Ведь детский мозг столь нежен, столь питателен, да и прочие части их не нужных тел вполне бы сгодились для праздничных трапез...

Шут его знает как, но текст памфлета стал известен горшку.

Он весь извертелся...

Хлопотали вокруг:

- Вашество...

- Что такое?

- Не болит ли чего?

Он вертелся.

Когда влили в него порцию подогретого вина и всыпали меру мяса - вспылел: закипел, выплёвывая кусками и выплёскивая частями.

Ах!

Перепугано глядели, и глаза горшка расширились и расширились.

Жуть!

Догадался один:

- Он знает про памфлет.

Горшок ухнул утвердительно, и глаза стали меньше, и поняли, не испытывая ужаса: надо исполнять.

Вернее - никто не испытывал ничего по поводу детей, предназначенных в пищу богачам, но все трепетали перед возможными вариантами гнева горшка...

В бедные кварталы были снаряжены отряды солдат: отбирали самых безжалостных, способных на любое злодейство.

Отрывали детей от матерей, а те, бывало, пьяные и дранные, и не особо интересовались - что и куда: подумаешь! обуза - с плеч...

Те же солдаты и осуществляли смертные операции, а повара, готовые ради правителя на всё, хлопотали над приготовлением самых изысканных блюд.

И вот - тянулась вереница с подносами, тянулась в основной зал, где, сидя на троне горшок упитывали детской человечинной.

Он стал расти, бока наливались силой, и сверкать начинали с неистовостью...

Жутковато - правда?

Но сочинитель был вызван во дворец, его фантазия одарена золотыми монетами, а памфлет вышел отдельной брошюрой.

Богачи оживились: коли самому горшку можно, то и нам, пожалуй...

Рейды в кварталы бедноты стали регулярными, а что не останется этих чумазных детишек - так и фиг с ними...

Саня, вернувшись домой, видит: жена ушла, мальчишка сидит в смартфоне...

- Андрюш, нельзя ж целый день...

- Пап, а что делать - дождь... Не погуляешь же, в футбол не погоняешь...

- Всё равно. Давай - по списку, что там надо прочитать: садись к монитору, открывай. Вот я видел, там "Кусака" есть, иди, прочитай, грустный короткий рассказ про собаку.

Мальчишка откладывает игрушку, идёт.

Сеется дождь: нудно, упорно, не поспоришь...

Стёкла лоджии в крупных живых каплях...

...в детстве плакал над "Кусакой"...

Пьяный Андреев, вечно думающий о смерти, постоянно валяющийся её мотивы, держа на коленях сына, рассказывает ему, как всюду ходит гигант смерть, и всех давит, пришибает.

Мальчишка ревет.

Писатель не может о другом.

Алкоголь сжигает его, дар рвётся сгустками словесного огня в мир, где столько всего понамышано, что главного не поймёшь.

- Прочитал?

- Нет ещё...

Мальчишка глядит в экран.

Потом встаёт, и отец, празднично передвигая солдатиков у крепости, которую собирали два года назад, разместив на широком подоконнике, спрашивает:

- Ну как? Понравилось...

- Ничего. Нормально.

Литература проходит мимо, не разговаривая ни с кем.

Но - мальчишка заявляет:

- Пойду, порисую...

- Замечательно, сынок. Что... будешь?

- Не знаю пока. А листы бумаги есть, пап?

Начинают искать - давно не используется бумага.

Начинают искать: открывают секретер, набитый разной разностью; секретер, - мелькает воспоминание - представляющий югославский гарнитур, купленный во времена отсутствия компьютеров, гаджетов, бешеного движения всего и вся - в чудные времена...

Но вся бумага в секретере мечены былыми рисунками, не то записями.

- Па, это ты бетономешалку рисовал...

Отец берёт листок, вместе выпадает из ячейки крошка воспоминания: большая, пластиковая машина, со снимающейся частью, жёлто-красно-зелёная, мальчишка брал с собою, когда гуляли, любил...

Отец изобразил её зачем-то: линии схематичны, рисунок убог, но говорит мальчик:

- Красиво, па... А вот мой!

Расплывающийся шар условной головы.

- Когда это было?

- Не вспомню, знаешь. Может года три тебе...

- Вот динозавры.

Большой набор был: из тугой пластмассы, цветных, зубастых - тираннозавр всегда зубаст; а... кто ещё?

Играли ими, используя хвосты в забавный футбол: маленьким мячиком, построив воротца, и залетал мячик, и радовался мальчишка, говорил, показывая ящера: Па, этот попал...

Динозавры на отцовском рисунке сделаны чётче, точнее, хребты врываюся в белый воздух листа.

А - чистого нет.

Приуныл ли сынок?

Да нет, отделил половинку листа, сказал: Пойду на этом порисую, - и отправился в свою комнату.

Монитор блистал.

Горшок разрастался.

...Саня представил готические соборы: огромные закрома световой веры: того периода, который не может быть теперь полноценно понят, не ощутишь тех людей, не представишь их психологию...

Повозки везут камень, инструменты различные, люди воодушевлены, хотя знают точно - не увидят результатов трудов своих: не узреют собор в целостности: грандиозный, как отдельная страна, испещрённый лесом символов, поднимающийся суммами башен в небеса: кажется - духовные уже.

Рыцарь, надстоящий над злым духом, поверженным, распростёртым: теперь сложно прочесть символ, подразумевающий возможность человека подниматься над всем низовым в себе...

Считалось - душа многослойна, и низины её - страхи, похоти, страсти, а небо души: любовь и творчество, хотя Христос ничего о последнем не говорил, что странно, хотя и логично: какое творчество было тогда и там?

Каменные книги соборов читались когда-то.

Не вход: а врата, одной рукой не откроешь; совершенные кристаллы Европы, один из основных её, характернейших признаков: готика, отлитая в соборы, возводимые веками.

Каково начинать дело, чётко, как делалась гравюра, зная, что не увидишь результата?

Но - дети увидят, внуки, словно доказательство единства человечества, бесконечного витья жизни: не кончается, прерывается просто...

...мама принесла из магазина немного: пельмени, сёмга, хотела побаловать любимых, и... её разбило, и не стало мамы, так просто, будто грань стала прозрачной; всегда была мама, а теперь нет; и та простота, с которой её не стало, словно свидетельствует, что смерти нет, хотя она очевидна - ведь к маме уже не обратиться.

Везли строительные материалы, грохотали телеги со сплошными деревянными колёсами, расплывается реальность, подчиняясь...

- Па, смотри! - Андрюша пришёл.

- Да, сынок.

Он держит листок.

- Смотри, мускулистое дерево, воды немножко, солнце...

Дерево дано густо и занимает собой большую часть пространства листка.

Большое дерево.

- Почему мускулистое, сынок?

- Ну, значит сильное, смотри, какие тугие сучья, как мощно входят в пространство...

Отец смотрит.

Представляет кору, испещрённую письменами, которые не прочитаешь, а если удастся - сочтут сумасшедшим.

- Красивое дерево, мальчиш.

Монитор мерцает.

- Пойдём обедать?

- Да.

Но - ныряет к себе в комнату...

На кухне отец извлекает из холодильника кастрюли с супом: оба куриные, один картофельный, другой вермишель, мальчишке нужен посвежее, вчера сваренный, а мне - ладно...

Потом - гречка, тоже в кастрюле, и лента подсолнечного масла распускается на чёрном дне сковородки...

Много куриного мяса: будут на второе его - извлечённое из супов.

Огурец чистит мальчишке - по привычке.

- Андрюш!

- Иду, па!

Тарелки наполняются; супы чуть поблёскивают...

- Сын, ты где?

Увлёкся смартфоном, кричит ответно: Иду...

За окном всё дождь и дождь, площадка, где так любо гонять в футбол, мокра, как и всё...

Едят.

Двое за столом.

- Спасибо, пап!

- Не за что, сынок.

Медленнее ест отец, мечтая о чём-то: обрывки разного проносятся, пестрея, в сознание.

Потом - мытьё посуды.

Банальность.

Напластование их, организующее дни.

...можно ли вырваться из этих пластов, погребаящих тебе с кропотливой неустанностью под слоями своими - тяжёлыми, как бессонная ночь?

...постепенно районы бедноты, - где расползающиеся домишки словно соединялись верхами под скорбную музыку дрянного белья, сушащегося на верёвках: белья, напоминающего уродливые ноты, -очищались от детворы...

Какая ни есть, она обозначала собою жизнь в большей мере, чем другие проявления оной...

Бывали и сопротивляющиеся бедняки: получавшие прикладами, или саблями даже: всё равно на увечья жаловаться не пойдут; в основном, замордованные жизнью людишки толком и не реагировали на действия солдат...

Беднота плодится быстро, живёт недолго!

Богатеи тоже получали свою порцию питательной человечины.

В кухнях, работавших для горшка, всё кипело, парилось, скворчало; он, разрастаясь, теснил трон, и ещё раз был произведён новый...

Робко поговаривали в трактирах:

- Надо бороться...

- Как?

Пиво мерцало янтарём в толстой кружке, капли выступали на стеклянном теле.

- Не дело это - людям поедать людей...

- Ну... как сказать... ведь наш знаменитый сочинитель...

- Мало ли до какой чуши дописаться можно. За деньги тем более, небось - большие...

- Горшок же одобрил.

- Горшок? А что он для нас сделал?

- Ну как...

Пожимали плечами, разводили руками...

В трактирах ворчали, в подворотнях, но ворчание, не материализуясь в действия, не страшно: тем более - на площади не выплёскивалось.

Ворчанье, бурчанье, напряжённое сопение совершенно не страшно - или?..

В одном из трактиров, не в центре, а так... на захудалой окраине, когда двое пили пиво, заедая его жареными колбасками, и обсуждали особенно яро нововведения, касающиеся кухни, перед ними выросли соглядатаи: ражие и рослые, осклабившиеся ёрнически, предложили пройти...

- Куда ещё?

- Вы кто такие?

- Сейчас узнаешь, - отвечивал один, и мощным ударом сшиб говоруна на пол, выбив ему зуб.

Двое ведут двоих.

Куда?

В крепость: вот высится она - глыбастая, из тяжёлых, грубых камней...

Горшок ёрзал: получалось тяжело и зловеще.

Теперь от ёрзанья его содрогался зал, и бежали, спешили к нему, сгибались покорно, угодничая, интересовались...

Глаза, кругло и широко распахнутые, глядели со злобой, а рот так и не прорезался, но флюиды, исходящие от горшка, очевидны.

Обращались к старшему писцу: мол, научился ты, брат, понимать речения повелителя, так давай...

- Он требует, чтобы непочтительно говорящих о власти его, или приказах, заключив в крепость, отправляли потом на кухню.

- На кухню?

- Именно так. Если детишки бедняков вполне подходят для его трапезы, то надо бы попробовать и мозги бунтарей...

Вздыхая, расходились.

Требование, как ток, передавалось по цепочке, и огненные плоды его разрывались в воздухе, становящимся всё более и более раскалённым.

Нет, никто не сгорит, не сварится, но ряды тайной полиции растут: работа в ней оплачивается крупным золотом, и работа это - не бей лежачего... то есть, порой лежачих как раз приходится бить: но золото приносит и это.

Самые ражие и жестокие шли в тайную и в войска, готовые потрошить не только бедняцкие кварталы.

Горшок ценил именно таких - ражих и жестоких, понимая, что их-то, как раз, ни в коем случае нельзя есть.

Официально запрета на негативные высказывания о власти не было: это подразумевалось: сами должны соображать.

В трактирах: данных кристаллами общественного мнения, болтали ещё:

- С ума он сошёл - есть людей?

- Не иначе...

И - выросли соответствующие ребята: как на подбор высокие и мускулистые, брали, влекли, тащили, вели, а потом, внедрённый в крепость человек исчезал.

Кухни работали вовсю.

Горшок, получая очередную порцию мозгов, чувствовал, как становится крепче, умнее, величественнее: требовал новых мундиров, и чтобы звёзды разноцветные украшали обширно пространство их, и ткань была такая... какой не было ни у кого.

Последнее привлекло двух проходимцев - из неизвестной страны: прорвавшись на приём к первому советнику, они сказали, что способны изготовить такую ткань, которой никогда не было.

Их приняли, предоставили место работы и усиленное питание, и, запершись, творили они, распустив предварительный

слушок, что только достойные и находящиеся на своём месте могут увидеть их ткань.

А прочим - хрен...

Зашумели, залопотали царедворцы...

И, когда пришёл час лицезреть содеянное, собрались основные придворные в обширной мастерской, куда из арочных окон падал серебристый и невероятный свет, и, предупреждённые, что ткань разноцветная, стали восхищаться наперебой:

- Ах, как красиво!

Якобы мастера, вертя в руках пустоту, узнавали, какой больше оттенок нравится: лиловый?

Серебристый?

- Все хороши, - хором ответствовали пришедшие.

Понесли горшку.

Впереди шествовал главный советник, за ним - аферисты, надеющиеся обогатиться, далее все остальные...

Но горшок, увидав пустоту, аж подскочил от злобы, зарокотал, заклокотал...

- Но... Вашество, - запищал писец...

Солдаты охраны возникли из неизвестности, схваченные мастера были отправлены на кухню: и уж накричались они перед смертью, кляня свою глупую предприимчивость...

Обучались ли специальным технологиям ловцы тайной полиции?

Конечно, инструкторы были опытны, и главными упражнениями были - предельное вслушивание, достигаемое путём концентрации и сосредоточения.

Инструкторы были тонкими, зыбкими, почти реющими в пространстве, они ходили меж рядами здоровых лбов, поучая:

- Вы, дабы верно послужить горшку, должны достигать максимальной сосредоточенности - тогда будете слышать то, что другие не слышат, и понимать, что и где сказано.

И сосредотачивались ловцы, и все уходили в слух, и получалось у них - страшных.

Примитивные во всём, они развивали свой слух до крайних пределов: поэтому и получалось у них возникать в подворотнях, в соборах даже, в трактирах...

Если кто ворчал недовольно дома, в дверь звонили: и тяжёлые улыбки не сулили ничего хорошего.

Говорить стало опасно: можно было только восторгаться и хвалить.

Свет становился квадратным.

Углы его резали.

Все недовольные смолкли.

...позвонил Миронов:

- Ты жив?

- Скреплю ещё. А ты... всё сверлишь, или пилить уже начал?

- И сверлю, и пилю, и много что делаю... Пойдёшь пройтись?

- Ненадолго если... Час-полтора.

- Ну да... К виадуку там...

- Ладно, когда?

- Ну, давай через пятнадцать минут?

- Хорошо.

Одноклассник: один-единственный, с кем сохранились отношения, и вот так ходят иногда гулять, пожилые, а внутри, в потаённом составе остаётся детское-нечто, не заскорузлое, точно не тронутое жизнью.

Странно живущий одноклассник: в соседнем доме, где приобрёл однокомнатную после разъезда с родителями из детской своей хрущобы: ни семьи, ни детей, и занят в основном... бесконечным моделированием: рукастый человек с фантазией.

Начинал с моделей машин, потом, увлекаясь шахматами, стал делать наборы: из кранов и других металлических деталей, для поделок не предназначенных. Списывался со слесарями и сварщиками, лазерщиками и прочими мастерами, доски проектировал, каждую фигурку рассчитывал.

Смотрелось не плохо.

Однокомнатная квартира заполнялась изделиями: полки появились, на которых стояли машины, часы, странная птица, чудовищная многоножка; скрипку, сработанную из металла, так и не показал.

Теперь вот делал паровоз, и когда Саня звонил Миронову последний раз, ответил, что разговаривать не может: занят сверлением...

Деньги?

Всегда темнил, но, очевидно, были - некогда занимался рилтерством, неплохо зарабатывал, а спекулировал всем, чем можно со школы; вероятно, создав задел, сумел его приумножить, и вот теперь жил в своё удовольствие, артистично - как говорил...

- Андрюш, - сказал мальчишке. - Я пойду с дядей Женей прогуляюсь.

- Хорошо, папа, - ответил мальчишка, не отрываясь от смартфона.

Стены в подъезде покрасили, стали они непривычно-светло-жёлтыми из голубоватых, какие были знакомы, как прожитая часть судьбы.

Миронов ковыряется вечно, никогда не выйдет в означенное время...

Мимо площадки, где в хорошую погоду кипит футбол, а сейчас, хоть и прекратился дождь, всё размокло, разбухло, кажется; под тополями, чьи нижние, покрытые листвой ветви столь высоки, что достать можно, только подпрыгнув, - к подъезду соседнего дома, возле которого растёт низенькая корявая слива, напоминающая иероглиф, яблоня, и смотрят скромными личиками нарциссы.

Ну да, Миронова нет - позвонить ли? Подогнать...

Ладно, пусть длится сигарета.

Он и выходит странновато: выглядывает сначала, словно опасаясь, потом уже выдвигается весь - долговязый, патлатый, и шнурки - вполне возможно - развязаны.

- Ну куда?

- Решили же...

Есть несколько маршрутов.

Идут, огибая угол дома, где пристроилось уютное, небольшое кафе.

Трамвай проносится - современная их модификация напоминает гоночные болиды.

- Ну как твои... изделия.

- Работаю. Тут понимаешь, полное сосредоточение нужно. Я, когда делать начинаю, пока порцию значительную работ не исполню, не успокоюсь, и, если не сделаю, себя ненавижу буду. Всё же рассчитать нужно, трубу, для корпуса паровоза, мне напилели, мелкие детали делаю сам, скомпоновать всё потом, отшлифовать...

- Какой ты станок-то купил - забыл я?

- Сверлильный.

Маленький станок, пристроенный на кухне, выглядел непривычно в обыкновенной квартире...

Мионов разливается бесконечно, живописуя подвиги свои: говорлив и увлечён; Сане всегда странным казалось, что называл эту деятельность работой - всё же для себя, никуда не выносит...

Мимо библиотеки: нравится это место: странно - вся округа изучена, все дворы и переходы между ними похожи, но почему одни радуют, хочется пройти вновь и вновь, а другие неприятны?

Около библиотеки поставлены оригинальные скамьи и деревянная эстрада, хотя никто никогда не выступал тут - на будущее что ли?

Мионов может говорить один: одинок, общаться не с кем, а процесс говорения доставляет, судя по всему, удовольствие сам по себе.

Он говорит.

Саня... нельзя сказать, что слушает: отношения инерционны.

Они очень разные, - Саня и Миронов, хоть и есть точки соприкосновения: и творческий импульс в каждом велик, и страсти к коллекционированию; но... разные очень, просто как-то, много лет назад встретились, Саня удивился, что квартирует ныне Миронов в соседнем доме, стали перезваниваться, иногда ходить-бродить...

Привычка осталась.

...Яуза течёт, мост нависает над нею, горбат.

руто выгнутый мост - а рядом, но много выше - железнодорожный, и когда пролетает состав, грохочет всё...

Асфальтовая дорога извивается, вихляясь, чуть расширяясь, на правой руке остаётся система гаражей, и какие-то хозяйственные постройки: огороженная территория.

Можно спросить, что здесь у Миронова, знающего всю округу, продолжающего рваное повествование о своих изделиях, да неохота.

Неохота.

Асфальт серо-чёрен.

Две заводские трубы монументальны, будто части старинной крепости.

Скоро, пройдя системой уютных, с неровным рельефом дворов, выйдут к виадуку: белеющему, как мрамор; приятно идти по нему, глядя в низины, всё игрушечным мнится, но открывают только на выходных.

Вспышка школьных воспоминаний может оказаться неожиданной, хотя не нужна она: мало кто поддерживает отношения, многие уехали в другие страны, и, постепенно, идут довольно быстро, возвращаются к своим местам, Миронов говорит, что собирается зайти в магазин, купить печенья.

- Пойдёшь со мной?

- В магазин? Не, мне не надо...

- За компанию.

- Неохота.

Прощаются.

Между плоскими, многоэтажными общежитиями проходит, дорожка узкая, ничего интересного тут нет.

Воздух мерцает жемчужно.

Светофор льёт фасетчатый красный цвет, и несколько секунд вдруг кажутся долгими, как масса ненужного.

Снова двор свой - интересно, можно ли подсчитать сколько проходил здесь?

Вчера вёл Гальку из магазина, медленно-медленно, черепа-шым шагом, и вчера это было - в необъятном просторе было-го.

Что общего между вчерашним днём и падением Карфаге-на?

Они никогда не повторятся.

...пищи становилось меньше: бедняцкие дети кончались, недовольных не стало, вернее - они были: но говорить, выра-жая неприятие власти, не решались: себе дороже.

Страх банален, но весом, и вес одного не измерить в привычных единицах, как никто никогда не измерял вес горшка.

Он ворчит.

Он постоянно ворчит теперь: всего мало, и надоели эти чрезвычайно гибкие, раболепные, готовые гнуться по каждому поводу.

Шаркают, рожи маслятятся, рты раззявлены.

...отец тоже шаркал в старости, но это - другое...

Лоснясь боками, горшок предпочитает спать: там, в непо-нятном мареве, возникает молодой отец: прекрасный кавалер, треплющий сынка по боку, возникает милая матушка, ласкаю-щая твёрдого своего, непонятого сыночка, и кусочки детства, когда он был тихим поросёночком, мелькают счастьем: глупым таким, бесповоротным.

Войны бы кому объявить? Тяжело варит горшок, просыпа-ясь...

Закон ли какой издать?

...снова поспешают рабелепцы: несут привычное: кипячёное вино со специями, мясо, разрезанное на доли, мозгов нет...

Без них я глупею, думает горшок, и, собравшись вскипеть, махает на это... то есть махнул бы рукой, если бы она у него была.

А так... просто передумав, принимает пищу, которая есть.

...шуршат, шушукаются: Доволен? - Доволен вроде...

Большой, распухший и раздутый, занимающий большую часть пространства, он изобретает указ о полном... полном...

Что бывает полным?

Матушка была полной.

А!

Полное подчинение всего! всех-всех!

Но... всё и так подчинено вам, Вашество: это читается во всех глазах, во всём покрое жизни, в действиях на всё готовой тайной полиции, в работе ражих парней, организовавших войско...

Всё, всё...

Вялость растекается внутри горшка, откуда она?

Сам не знает...

Есть в ней нечто пищевое, но не сытное, а усыпляющее...

...вечер связан с ощущением грядущего звёздного откровения, омрачаемого сознанием не слишком получившейся жизни.

Усталость дня катит валы по пространству, вмещённому в тело: пространству зыбкому и конкретному, сильно превосходящему телесный пласт.

На что ты живёшь, бедный Саня?

Ухает совою в голове: но никакая сова не задаст такого вопроса...

На доходы жены и крохотное мамино наследство: ты, сочинявший с детства, так долго пробивавшийся в печать, стал пить в это время непечатания, пробившийся, 30 лет ходивший на

осточертевшую службу за две копейки зарплаты, печатавший-ся потом километрами - вот шкаф и буфет забиты изданиями с твоими опусами...

Денег не видел никогда.

Надеешься на жену?

Я же не бездельничал, я работал всю жизнь!

Ухает тяжело насмешничающий голос.

Мальчишка сделал несколько рисунков: машины, пёстрые, яркие, он показывает их, хвалит папа, конечно, спрашивает, похвалив:

- Картошку или макароны?

- Давай макароны, па.

В пакете остались ещё - странные завитки, а любил когда-то длинные, с кетчупом, с тёртым сыром.

Из специального фильтра наливается вода в кастрюльку, ничем не напоминающую горшок, ставится на плиту...

Щепотка соли: соль, как суть, необходима всегда.

Пока пакет постоит чуть, прислонённый к кувшину с кипячёной водой.

Компьютер оживает, подчинённый кнопке.

Он оживает, включая мир: ибо квадрат монитора выводит в оный, но новости читать не следует: ведь всё будет бурлить так, как бурлит, а оказывать влияние на события не можешь.

Почта.

Ничего нет.

Сайты, с которыми связан...

Ах, да, закипела вода.

Завитушки, потоком сыплющиеся в кипящую, булькающую воду; завитушки, которым суждено размякнуть, превратиться в пищу, стать ужином для папы и сына - как сами мы становимся пищей обстоятельств, как правило.

Противостоять петле?

Она просто задушит...

- Так никто и не звонил тебе, сынок?

- Не-а, па...

- Вот скука какая - ни футбола, ни гостей.

- Такой день. Завтра лето. Папа, а можно я не буду ложиться сегодня до двенадцати?

- Да можно, тебе ж завтра не вставать. А зачем?

- Хочу лето встретить.

- Как Новый год?

- Да, примерно...

Булькает съедобная масса, густеет, отец мешает вилкой, жарко становится руке.

...съедобная масса людей: и обстоятельства, гигантски нависающие, с огромной, всех готовой втянуть пастью.

...страшная эта пасть мерещится отцу, вываливающему мягкие завитки бывших твёрдыми макарон в красный дуршлаг, немного остудить надо; раньше окатывал холодной струёй из-под крана, и, переместив на политую маслом сковороду, разжаривал; теперь - просто ждёт.

Просто ждёт - потом накладывает на тарелки себе и сыну, достаёт упаковку карбоната, пластик оказывается жуть каким надёжным, нож вязнет буквально, приходится нажимать; сумма механических действий, опустошающих мозг, продолжающий работать на своих привычных, немислимых оборотах...

Карбонат рассекается на доли, падающие тяжёлыми мясными пластами на тарелку...

- Ешь, сынок.

Всё банально.

Они едят.

За слоем слой, один-другой, кто тут герой, кто здесь чужой...

Зачем варится-вертится в мозгу?

Мальчишка ест быстро.

Относит тарелки свои в раковину, бросив: Спасибо, па.

Ему - скорее бы в комнату, к смартфону своему, жалко, что день выдался столь кислым, никто не позвал в гости, не было футбола во дворе.

О! он так бушует, деля поле на траектории, следуя которым мальчишки разгоняются так, что, кажется, сейчас взлетят...

У меня нет горшка, дабы готовить в нём: в том мире мне ничего бы не грозило...

Но как научиться, Саня, жить без мамы: с этим чёрным обрывом - не поймёшь с какой стороны, с воспоминаниями, никак не переходящими в категорию светлой грусти, но продолжающимися обнажённо болеть?

Словно мама, живя, защищала о смерти, о которой думая всю жизнь, оказалось - играл мыслями, или они тобой, а теперь - вот, раскрылась смерть, колышется неизвестной бездной, и эзотерических способностей никаких, и, сколько ни читай эзотерические трактаты, ничего не открывается, всё остаётся просто буквицами на бумаге...

Сущности скользят, парят, окружают, входят в тебя; а куда вхожу я, пропадая во сне, например, растворяясь среди поданных горшка, всё чаще впадающего в сон...

Зачем он?

Зачем я?

Смыслы распадаются, деформируются, нечто манит, как пёстрая плёнка бензина на луже: манит разноцветно, превращаясь в нечто серое, будничное, заурядное...

Себя терпеть сложно, и выбора нет.

- Па, я купаться, - объявляет мальчишка.

- Хорошо, сынок.

Отец стелит кровати, сдергивает покрывала, взбивает подушки, сняв с них чехлы.

Эти делала мама...

Или нет?

Она столько всего делала, обихаживая дом, квартиру то есть, которая теперь - с вырванным сердцем...

...где у меня сердце, думает сонно горшок.

У всех оно есть: у всех этих, боящихся меня, раболепствующих, а где оно у меня?

Почему я такой?

Или - вырвали при рождении всего меня, отразили в чёрной бездне и выпихнули в эту реальность?

Он вспоминает (чем? понять бы...), как папа катал на саночках, сыпал снежок, салазки блестели.

Мама смотрела в окно, смеялась...

Потом мама заснула рядом с ним, уже сидящим на троне, и заснула навсегда, как заснёт он - такой невероятный, нарушивший все правила?

Двери тихо открываются, снова вносят подносы, нагруженные едой, бесконечная череда людей, умножаются они, увеличиваются в объёмах, и, почтительно кланяясь, привычно начинают кидать в него различную снедь.

Он вскипает.

Он выплёвывает и выхлёстывает вино, мясо, ошметки и расплётное мешаются с булками, в молоко попадает красная субстанция; всем становится страшно - горшок пыжится, гневается; и придворные, толкаясь, выдавливаются в двери, ставшие вдруг такими тесными.

Не одиноко ли луне?

Желтеет ранняя, с прозрачными краями, запутавшись в тополиной листве, чья мощная грива теперь кажется чёрной.

Лунные жители не шлют посланий, не узнаешь, как звучат их стихи, запускаемые в пространство суммами созвучий.

Жена на кухне болтает с мальчишкой, пересказывающим ей дневные свои впечатления.

Счастье одиночества луны описывающий отец, отвлекается на что-то, запутавшись в мозговом своём лабиринте, как луна в тополиных созвучиях...

Горшок вскипел на вечерней трапезе, и, извергнув предложенное, долго бухтел и ворочался, пока разбежавшиеся людишки жались по своим углам...

Что будет?

Если его гнев...

А вдруг?

И крались к дверям, подслушивали, и, удостоверившись, что никаких звуков не исходит из-за дверей, расходились, думая, обошлось...

Но всё равно утром советники не сразу решились войти, не зная, как будет...

Скреблись в двери, потом - осмелились...

На троне, нелепо и забавно смотрясь в недрах осевшего мундира, сидел маленький, славный, сверкающий горшочек...

Ой, какой милый! - восхитился главный советник...

А потом...

Они столпились около бытового предмета, не зная, не понимая, как могли бояться его, недоумевая, что за морок овладел всеми, и для чего было, как было...

Потом просто взяли заурядный предмет, и отнесли на кухню, и городу было объявлено, что горшка больше нет, и что грядут... выборы курфюрста...

- Па, я спать! - говорит мальчишка, проходит мимо сидящего за монитором отца, и забирается на высокую свою, двухъярусную постель.

- Спокойной ночи, сынок! - отвечает отец, надеясь, что история про горшок не приснится мальчишке.

Луна смотрит в окно, переливаясь желтизной.

У ПРУДА

Пруд мерцал гладко, черновато-золотисто, по-осеннему; он точно призывал отойти в сторону от проспекта, спуститься по одной из недавно отстроженных лестниц к береговой кромке, полюбоваться водой: нежно-оливковой у самого берега, сквозь какую видно дно - и ещё не пожухшей, несмотря на начало ноября, травой...

Пруд был недавно красиво обложен: сделали берега, и дальше белел лёгкий мост, но туда идти не хотелось: хватало берега, обходя который человек почти упёрся в церковную ограду, обнаружив кладбище...

Много раз проходил этим участком проспекта, видел церковь, кресты за низкой оградой, но работы вокруг пруда велись за ограждением, и вот - открыли.

Очень красиво, тихо, спокойно; противоречит творящемуся в сознание неистовству, среди которого выделяется ныне одна фраза: Когда не спорят о вкусах - торжествует безвкусица.

А что?

Вероятно, верно, но воде этого не объяснишь, не объяснишь и ушедшим в землю...

Кладбище, мерно стремящееся к воде, боковые ворота открыты, можно зайти, посмотреть на чужие могилы, попробовать представить пуды всеобщности, организующую жизнь, и пофантазировать на тему: мёртвых нет, все живы, просто по-разному.

Разные кресты, кое-где висится нечто гранитное, но скудность оград банальна, как на всех русских кладбищах.

Значит, если о вкусах не спорить - торжествует безвкусица.

Церковь очень бела, купола её зелены, и, данная в цветах жизни, совсем не привлекает представляемой начинкой своею - жизни противоречащей...

Точно пруд - гладкостью воды, мельчайшим, почти ювелирным слоением ряби - говорит о вечности куда больше.

александр балтин

Пруд, берега в красивом оформлении, зелёная трава, даже мост - точно парящий в воздухе, словно соединяющий не соединимое...

ПИСАТЕЛЬ БОРИС КОРИДОНОВ

Весть и воля Коридонова сочетаются в интереснейших рассказах, главный из которых - "Лабиринт" - петляет и проводит сложными тропами мысли и чувств.

Так, главный герой, также наименованный Коридоновым, отражаясь в зеркале, замечает странные изменения в своей внешности, расшифровка которых, как ему кажется, позволила бы объяснить цепочку преследующих его неудач.

Он делает разные попытки, обращаясь то к гадалкам, то к друзьям, но соль-то в том, что не может никому объяснить, в чём же эти изменения...

Тонко выписанные пейзажи собираются в семью языковой роскоши, и, постепенно странствуя вместе с героем, мы понимаем, что речь идёт о сумасшедшем - вернее: сходящим с ума человеку.

Далее линии рассказа точно продолжают в романе "Над нами...", где один из персонажей - Панфилов, утверждая, что сумасшествие - просто одна из форм нормальности, утром, бреясь, находит нечто невыразимое в блеске собственных глаз, на который потом обращает внимание его подруга - врач психиатр.

Несколько героев, замкнутые в пределах странной комнаты, пытаются решить, кто из них в большей степени связан с прошлым, чьи панорамы - словесно разумеется, они выписывают друг перед другом, распивая отменное Каберне.

Надо сказать, что вино, описания различных марок, живопись букетов и оттенков окраса, составляет интересные фрагменты в жизни текстов Коридонова - всегда насыщенных, славных, вкусных.

Собственно и проза его местами опьяняет: именно настолько, насколько нужно: лишнего писатель не допускает никогда.

И выдумка и гротеск работают у него также, и старый скряга из повести "Мультики" вовсе не похож на Гобсека, хотя, вероятно, от него ведёт свою родословную...

Но пиковые возможности Коридонова раскрываются в повествование "Образ", где центральным героем оказывается Иисус Христос...

Будто оживлены дороги Иудеи, даны так, что по ним хочется идти, и Христос - вовсе не сумма притч, которые толкуются по-разному: но живой, повествующий ученикам о том, как надлежит работать над собою, над внутренним своим составом, чтобы достичь результатов, достигнутых им, Христом.

Есть в этой книге нечто утешительное (помимо стилистической выверенности) - каждый, внемля правильно понятым Иисусовым словам, способен преобразовать свою жизнь...

...замечательный прозаик Борис Коридонов.

Жаль, что никогда не было такого.

РЫБОЛОВНЫЙ КРЮЧОК

Не так, чтобы всё шло изумительно, прекрасно, великолепно: но подобная избыточность чревата, прекрасно понимал, шагнув за пятидесятилетний рубеж, и, не ожидая ничего, кроме имеемого, выходил прогуляться - по всегдашней привычке, ибо график работы позволял: каждый день не было необходимости сидеть на службе...

Он выходил, погода ноября меняла пористое, ноздреватое небо на солнечную арфу, и хотя было довольно холодно, на траве даже виднелась морозная соль, идти было бодро, весело, приятно.

Он думал, что всё сложилось, как сложилось, что в молодости много метался, рвался, не мог ни к чему прийти, а сейчас... не сказать, чтобы установил в душе гармонию, но всё же стало полегче; и материальная сторона жизни наладилась: занимаясь компьютерной графикой, он получал достаточно заказов от различных фирм, и хотя душу уже не вкладывал в дело, технический навык оставался на высоте...

Жалко, что не сложилось с семьёй, ну не всем же...

И последнее время всё сильнее и сильнее хотелось купить собаку: вспоминал детство, и рыжий шарик маленького милого пса, с которым играл...

Но всё никак не мог решить, какую именно собаку хотел бы? Таксу? Карликового пуделя?

Он пересёк вечно шумящий, избыточный движением проспект, обогнул махину многоэтажного здания, и, перейдя ещё одну, маленькую улочку, оказался на бульваре - пустынном утром буднего дня.

Бульвар шёл пластами: вверх-вниз; деревья почти облетели, напоминали схемы, но трава островками была сочной ещё, прекрасной, зелёной, и захотелось, потянуло сильно сесть на скамейку, поглядеть на всё, точно вбирая, точно...

Влажными были скамейки, и сел на край - сухой, сидел, как скрючившись, смотрел, и вдруг...

Сложно сказать, что произошло сначала: замелькала пёстрая лента, где отец учил кататься на велосипеде, а мама, высунувшись из окна первого этажа, звала обедать - или острейший рыболовный крючок проткнул сердце...

Боль слоилась, мельтешила, разливалась по всей груди, напоминала экзотическую - со стальными шипами звезду, а перед глазами всё текло и текло: студенчество, девушка, которая должна была стать его женой, книги, споры; на заднем плане рушились колонны страны, в которой вырос; затем ходил в церковь, думая приобщиться к чему-то великому.

Они соревновались: чётко-чётко мелькающие цветные картинки - и боль, что опять оформилась в огромный рыболовный крючок...

Они соревновались.

Человек съехал со скамейки, и плавно, медленно опустился на зелёную траву.

Боль преуспела: сердце было поймано рыбой весьма странной формы.

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

Ёлку устанавливали между двумя окнами, и, поскольку потолки были высокими, за три метра, ёлка покупалась огромная; и, выбрав её на роскошно пахнущем и таком интересном ребёнку ёлочном базаре, везли на санках, а нежные, колючие, ароматные лапы подрагивали, и снег радовал так, как может только в детстве...

Великолепие новогоднего дерева, дарившего счастье!

Разрезав бечёвки, которыми привязывали к санкам, вносили торжественно в квартиру, и словно расправлялась она, пышная красавица, охорашивалась; устанавливали в ведро, наполненное водой, снизу заворачивали белой материей, и начиналось действо...

Были болгарские ёлочные игрушки: дружили с болгарской семьёй, и присылали они иногда сувениры: тонкие, богато расписанные шары, гномики, розовато-белые домики...

Были советские - поглубей и попроще; на верхушку папа, встав на стул, надевал трёхъярусное диво - вместо звезды - чью точную форму в памяти не восстановить, а помнится оно красно-снежным мерцанием...

А жили тогда в коммуналке, и ребёнок в бархатной курточке и синих штанишках долго смотрел на украшенное чудо, замирая, мечтая о чём-то; потом отходил к маленькому чёрно-белому телевизору, где показывали сказку, но, посмотрев немного, снова стремился к ёлке...

За окнами крутило и кидало серебром, и, поскольку жили на первом этаже, видно было близко, и радостно становилось, и казалось - жизнь не имеет предела.

...даже за пятьдесят Новый год связан с ожиданиями, смутными пряниками надежд, и ощущением - пусть не долгим - вернувшегося детства.

Чудо растворено в воздухе, и, такое лёгкое, реющее, обещает воплотиться вот-вот: может быть даже тридцатого...

Знаешь всё наизусть: долго варящийся холодец, что заиграет тугим глянцем, попахивая чесноком на полуночном столе, оливье, куда, презрев варёную колбасу, режется курица, рубиново горящая икра, соком истекающая сёмга.

Запах пирогов наполнит квартиру, и тесто, медленно, неспешно вызревающее в огромной, чем-то на чан похожей кастрюле, вызывает интерес, как в детстве: силы земного роста точно сконцентрированы в нём.

Бесснежный Новый год ужасен: вспоминается - бывший год два назад: всё чёрное, и коты орут, перепутав декабрь с мартом.

И ещё - странное взрослое ощущение: будто за праздником - нет жизни, навалится депрессии, и не просто будет сломать её бетонные слои.

...а было - вышли часов в семь вечера во двор, чтобы с малышами своими, с парой дружественных семей отметить немного, предварительно...

На одной из плоскостей хитро закрученной игровой конструкции расставили коньяк, конфеты, термос с глинтвейном, поднос с канапе, и дети, носившиеся тут же, старались быть осторожными.

Снег сверкал, осеребрённые деревья взирали благосклонно.

Лёгкое опьянение толкало поиграть с детьми, и, боясь задеть бутылку, взлетал на горку, ловил ловко уворачивающуюся Катю, и своего Андрюшку, только что получившего в подарок забавного, игрушечного хомяка, механически повторяющего сказанное.

...многое отбирает взросление: непосредственность, чистоту, одаривая возможностями, немислимыми в детстве; но ожидание новогоднего чуда остаётся - пуская омрачённое опытом, разочарованиями, поражениями; остаётся оно, сверкая и маня, и ждёшь его чуть ли не целый год.

ОХОТА НА ДИНОЗАВРОВ

Волевого оружия для охоты на диплодоков не изобрели пока, поэтому приходится упаковывать прочнейшие сети, множество острых, стальных игл для специальных ружей, и отличные, мощно работающие пилы, чтобы валить древесина.

Тираннозавров поражают из автоматического оружия, стреляющего стрелами, но высший шик, конечно, это сбить птеродактиля, парящего в высоте на своих кожистых крыльях, и тут применяется оружие дальнего боя, отправляющее в полёт маленькие ракеты: впрочем, всё зависит от точности стрелка.

На огромных, тяжело идущих грузовиках приближаемся к дебрям, начинённым страшной жизнью, в которую не верится, которая есть, и, выгружаясь, напяливаем амуницию, несём оружие; работая пилами, пробираемся сквозь заросли папоротника: разветвлённого и сложно устроенного; и рык, разносящийся по лесу, не пугает привыкших в охоте...

- Эй, нельзя ли придумать что-то более мирное?

- Нельзя, мы же из цепочки хищников, просто мозг наш развился сильнее, чем у этих громоздких рептилий. Впрочем, многое мы унаследовали и от тираннозавров, к одному из которых сейчас подберёмся...

Вот он.

Он бежит на могучих, чуть вывороченных лапах, роняя слюну, жадно озирая пространство и внюхиваясь в него.

Первый пускает стрелу, но, блеснув сталью, она проносится мимо; и только второй охотник поражает ящера в ногу.

Взвыв, тот останавливается на миг, но тотчас кидается на обидчика, чтобы получить второе ранение в мягкое довольно брюхо...

Пытаясь схватить одного из охотников разъявленной пастью, промахивается, и третья стальная, очень твёрдая и острая стрела, убивает его в глотку.

Он заваливается, воя, огромный хвост ещё молотит по траве, а когти корябают землю...

Какое-то время потребуется на свежевание туши и транспортировку мяса к грузовикам, оснащённым специальными холодильниками.

Между прочим, мясо тираннозавра - деликатес: нежное, с тончайшими жировыми прослойками, приготовленное на гриле просто тает во рту.

- Эй, эй, чем вы-то отличаетесь от ящеров?

- Сказали ж - мы умнее...

Мы продираемся теперь к озёрам, чья вода отливает золотом под отвесными лучами солнца.

Диплодоки неповоротливы и громоздки, но никогда не придут на выручку к своим, пугаясь странного, разбредутся, ища не опасного пространства.

Из специальной катапульты выпущенная сеть связывает движения массивного самца.

Он ворочает шеей, пытаясь освободиться, но сеть затягивается только туже, а дальше в дело вступает огненное оружие, посылающее смертельные заряды...

Вода в озере закипит, и, установив специальный, сборный кран, туша будет вытащена на берег...

Древний трактат, чьи страницы отдавали большей ветхостью, чем дебри известного завета, повествует об охотниках, существовавших параллельно с рептилиями, о всё возраставшем зверстве их, связанным с гибким, активно развивающимся умом, направленным не в то русло, и о постепенном исчезновении видов - в том числе и того, которому был посвящён трактат.

ЦАРЬ

Я был пастушком, привыкшим к пейзажу, как к своей жизни, я умел играть на дудке, развлекая стадо, и - скорее всего от скуки, не помню точно - научился владеть пращей: сильно и точно.

Хотя ремень для неё я сделал сам, как сам же и подбирал камни, разящие другие - более крупные.

Я знал, что есть народ, постоянно угрожающий тому, к которому я принадлежу, но не думал, что когда-нибудь мне предстоит сыграть роль, которая останется на свитках истории.

Я ничего не знал об истории, когда царь Саул - жестоковыйный, никогда не гнувший шеи - полил меня благовонным маслом, поражённый моею игрою, хотя играл я как обычно.

...и когда вышел гигант - мне стало не по себе: он смотрел поверх всех, убеждённый в своей силе и непоразимости, он был такого роста, что солнце слегка померкло, и стоявшие за ним воины щерили рты улыбками.

Смешок доносился до меня - маленького пастушка, раскручивавшего пращу, уверенного, что мне надо...

...я не помню своих ощущений.

Мне просто надо было точно метнуть камень - и он полетел, и, попав в лоб гиганту, пробил его кость, и падал тот, казалось, вечность, и замершие в ужасе противники больше не решились атаковать.

Я стал царём.

Вы знаете моё имя.

Оно звенит и играет, оно овеяно мифами и историей, она стало больше, чем легенда.

Я обучился ратному искусству - мои копыта, пущенные во врагов, поражали их с неумолимой силой, и мой меч работал также чётко, как когда-то губы выдували правильный звук.

Я стал жестоким царём.

Многие боялись меня, многие любили, и я, часто задумываясь, как и зачем путь ведёт так, как он ведёт, не находил ответа.

...я был сражён красотой женщины: я сам не представлял, что не представляю, как может действовать красота.

Я послал мужа её - своего вернейшего слугу и друга - в пекло, из которого нельзя вернуться, и он не вернулся, и я забрал его женщину, и Бог - для меня такой же тайный и закрытый, как для вас: поколения поколений - покарал меня многим.

Так хотелось думать.

Бог не открывался мне.

Но женщина осталась со мной, как навсегда со мной осталась моя память, пережившая века, моя легенда, известная вам по книге, объявленной священной, моя жизнь, демонстрировавшая такие взлёты и падения, что у самого меня, её проживавшую, захватывало дух.

СЕРО-СТАЛЬНОЙ

Всегда серо-стальное небо, и не бывает смутно помнящегося яркого, лучи испускающего солнца; стереотипные дома - пять этажей, и плоские крыши, и растительность во дворах отливает металлом.

Она причудлива - растительность эта: кусты, и кусты повыше, и совсем высокие, доходящие до четвёртого, пятого этажей, а листья крохотные, и такого же металлического цвета.

Но трогать нельзя - ни кусты, ни листья, никто не предупредил, но понятно как-то само собой.

Есть улицы - все ровные, точно прочерченные по линейке, но нет транспорта: он не нужен - скорость регулируется идущим самостоятельно, и можно развить достаточную, чтобы достигнуть учреждения.

Собственно в домах есть два варианта начинки: квартиры и учреждения, где работают все обитатели, толком не зная, что они делают, ибо в сознание всех поголовно мягкий, чуть расплывчатый туман.

В бессчётных комнатах учреждений всё из лёгкого блестящего металла: столы, стулья, приборы.

Никто не учит, как надо, никто и не спрашивает отчёта, просто необходимо какое-то время просидеть за столом, иногда вставая, чтобы отнести в соседнюю комнату тонкие листки металла, испещрённые письменами, и отдать их другому работнику, чтобы получить чистые.

Мерцают металлические экраны, ими не нужно управлять, они потухают, потом загораются и по ним лентами бегут суммы различных значков.

Некоторые надо фиксировать, переводя на листы, иные пропускать.

Звонков, отмечающих время нет, но каждый знает, когда ему надлежит встать, покинуть помещение, выйти на улицу, идти домой.

Больше некуда идти.

Никаких развлечений не предусмотрено; и птицы не поют, поскольку их нет, не встречаются и собаки с кошками, также не существующие в серо-стальном мире.

Погода всегда одинаковая, ровная: не бывает жары, тумана, снега, цветения.

И квартиры одинаковые - квадратные, по две комнаты на человека, хотя зачем вторая не знает никто.

В комнатах всё функционально: стол, стулья, экран.

Магазинов, и торговли вообще не существует: еды и воды для поддержания сил не требуется, и одежду вырабатывают сами тела.

И есть отдельный столик - по крайней мере, в квартире этого, конкретного человека: маленький, и экранчиком, оживающим самостоятельно.

Человек садится к столику, экран вспыхивает, и видит человек: ярко, многоцветно - своего сынишку, возвращающегося из школы, маму, расспрашивающую про уроки, накрывающую на стол.

Человек видит квартиру, где жил когда-то - до своей смерти, приключившейся два года назад, видит всё, что происходит с сынишкой.

Он знает, как можно войти в его сон, или фантазию, чтобы подсказать что-то, помочь.

И знает, что будет находиться в этом серо-стальном, мёртвом мире ровно столько, сколь будет учиться его сын: сперва в школе, потом в институте; а затем переместиться в другой - более радостный, светлый.

Но печали не испытывает рано умерший.

Просто знает, что с сынишкой всё в порядке, и он иногда может ему помочь.

Затем экранчик гаснет, и человек погружается - сознанием - в светло-стальной туман.

серо-стальной

- Ма, мне папа подсказал, представляешь, вот...

- Ладно, сынок. Я не верю в это.

За окнами бушует летняя зелень.

За два года мальчишка привык, что папы больше не будет в жизни.

ХРОНИКА МАЛЕНЬКОЙ ЖИЗНИ

Всммммм

Утки плавали на пруду, их кормили, стоя на бетонных бортиках.

Лодки, сдававшиеся напрокат, привлекали внимание мальчика, и отец, с которым гуляли по скверу ЦТСА, решил покатать его; и мальчик, глядя, как папа гребёт, вглядывался в расколы и разломы воды, игравшие на июльском солнце.

- Па, кто такой Аид?

- Аид? Почему ты спрашиваешь?

- Встретил где-то...

Мальчик недавно стал читать.

- Аид, сынок, это у древних греков царь подземного мира.

- Подземного? Как это, па?

Селезень, чья шея переливается изумрудно, проплывает близко от борта лодки.

- Ну у греков были такие боги... Три главных брата: Зевс, самый главный, Посейдон, бог морей, и Аид - подземного царства. То есть - царства мёртвых...

Вода пруда переливается, оливково чернея.

- А боги бывают, пап?

- Что ты, мальчик, это просто человеческие фантазии...

Лодка тыкается в берег, пора выходить, время закончилось.

Оно всегда заканчивается, но мальчик не знает ещё об этом: он думает, что будет вечно жить: с папой и мамой, в большой коммунальной квартире, в огромном доме...

Выходят из лодки.

Рельеф сквера красив, и папа с сыном, разговаривая, вероятно, выходят в пространство города, минуют огромный, в форме звезды исполненный театр Советской армии, и, вдоль трамвайных линий, идут и идут к этому дому: старинной постройки, массивному, где живут на первом этаже, так, что можно вылезти прямо во двор.

Решётки вделали потом...

Пока отец и сын проходят стадион, словно вдвинутый в глубину между домами, оставляют позади старинное здание: красное и таинственное.

Трамвайная развилка, и - церковь, красным взмывом поднимающаяся в высоту летнего воздуха.

Но церковь на тот момент почти под запретом.

Подземный переход, станция метро, оставшаяся позади, и - дом: жёлтого цвета, серьёзной массивности, кажущийся насупленным, но такой надёжный...

Узкий перешеек между ним и другими - гораздо более низкими, небольшой разлив двора с простенькой площадкой: сплошной круг карусели, невысокая горка...

Мама ждёт.

Обеденное время...

Коридор многоколенчат, живут в квартире три семьи, вернее - две, и тихая, одинокая алкоголичка Машка, работающая на бумажной фабрике, дарит порой мальчишкам то карандаши, то ещё какую-то мелочь...

Телефон на тумбочке проклеен лентой.

Кухня огромна, колонка висит, белея, и чёрная пасть её со вспыхивающей синеватой короной огня, пугала мальчишку, когда был совсем маленьким.

- Как погуляли? - мама как раз несёт из кухни супницу, папа открывает ей дверь.

- Хорошо, по-моему? Правда, сынок?

- Правда, па...

- Мойте руки...

Они моют их: в ванной, вбок продолжающей кухню, они моют их - вполне счастливые в выходной, предчувствуя вкусный мамин обед...

В первой комнате сидят за массивным столом, покрытым скатертью, всё чинно, и двор, живущий за окнами, словно плещется плазмой солнца и детской игры.

Огромный буфет смотрит в реальность насупленно.

Он огромен, его венчает своеобразный фронтон, и не перечсть всех завитушек и украшений, плетущихся по поверхности буфета.

Он принадлежал некогда Матовой - Александре Константиновне, солистке Большого театра, Заслуженной артистке...

Как пианино - чёрное и старинное, расположенное у соседней стены.

...Матова в 55 году, когда мама приехала учиться из Калуги, прописала её у себя: певица к тому времени потеряла голос, но молодёжь ходила к ней, кое-что показать она могла, и среди этой молодёжи был отец мальчишки, увлечённо поедающего борщ.

Какая она была Матова?

Напрочь лишённая тщеславья, не позаботившаяся о помертвой славе...

Мальчишка не знает об этом...

Мама рассказывала уже взрослому своему сыну...

- Был вечер, собрались гости, Александра Константиновна лежала в соседней комнате: тяжело было ходить. Обычный милый вечер.

Гости разошлись, я перемыла посуду, вернулась в комнаты, и... знаешь - будто нечто тяжёлое, свинцовое, давящее пронеслось, ворвавшись из другой комнаты, где лежала тётя Саша... Я не сразу решилась зайти. Она лежала мёртвая.

Мальчишку назвали в честь певицы...

Рассыпаются выходные, разлетаются, отсверкав...

В первую школу Сашу возили на троллейбусе: мал один ездить, а располагалась она в своеобразной низине, меж теснящимися домами, в колоритнейших московских дворах; его возила мама, вела, когда был первоклассником, за руку...

...будто и сейчас ведёт.

Его возили и встречали: мама, работавшая в ТПП СССР, могла отпрашиваться, или выходить на полдня (отец - физик, возвращался из НИИ в вечернее время)...

Лёшка Сазанов - друг ещё по детсаду - подбегал:

- Пойдём гонять после уроков?

- А то!

Велосипеды, войнушка, пистолеты...

Память, убывающая с годами, расцветивается суммами полувыведанных подробностей.

Строга ли Надежда Васильевна?

...стирается лицо первой учительницы, стираются миры уроков, нечто эхом звучит, не позволяя потерять себя окончательно в дебрях столь долго тянущейся, одновременно пролетающей жизни.

Олег Скороходов - двоюродный брат Алёши подходит:

- Ну, вы чего тут?

- Думаем, во что играть будем...

Дребезжат звонки.

Уроки размываются: как не самое интересное...

Детей встречают: всем куда-то ехать надо...

Детей встречают...

Саша сидит у пианино, стараясь одолеть мудрёную науку: рука должна как будто держать яблоко, и, отчётливо представляя его, спелое, не знает, как играть, воображая оное в горсти ладони.

Всё же пробует.

Учительница ходит на дом, но успехи Саши - скромнее скромного: словно и клавиши: о! чудесные клавиши, покрытые слоновой костью, с благородной желтизной (тайное золото) - сопротивляются его игре.

Однако, ноты завораживают: словно надписи на чужом, недоступном, чуть приоткрывающемся языке (папа шутит: Запомни, сынок, твоя сверх-задача - расшифровать язык этрусков)...

Он глядит в эти ноты, видя связки сушёных грибов, велико-
лепные формулы математики, надписи на древесной коре,
сложностью превосходящие язык далёких этрусков, потом
пробует играть, и - раздаётся звонок в дверь.

Бежит открывать, и Алёша Сазанов, стоящий в дверях, во-
просительно глядит на него:

- Ты что забыл?

- Я музыку делаю...

- Му-зы-ку... - Тянет Алёша, занимающийся спортивной
гимнастикой. - А сбачать можешь чего-нибудь?

Вот он - стоит у двери, и Саша, устроившийся на чёрном, тя-
жёлом, вертящемся стуле играет - как получается.

Алёша слушает кисло.

- Не пойдёшь, значит?

- Может, вечером?

- Ладно, созвонимся давай...

И - не стало Алёши, но и остаться один на один с музыкой
не получается...

Совсем уж собрался на двор, и - вдруг мелькнула коричне-
вая обложка: Легенды и мифы Древней Греции.

Кун появился недавно.

...дерзкие и требовательные, уверенные, что аура героев
оправдает что угодно, спускаются в Аид Тесей и Пейрифой:
дерзкие и мощные, уверенные в силе своей садятся на камен-
ные углубления, чтобы остаться там надолго, надолго...

Розоватое свечение мрамора: храмы, сквозящие тотальной
белизной.

Мальчик один раз был с тётей в русской церкви: насколько
же поразил контраст: хотя греческих храмов и не видел, но
представлял так живо...

Геркулес, спускающийся в недра Аида, влекущий на свет
Цербера, бедный зверь, ослеплённый дневным светом, роняю-
щий зелёные горошины слюны...

Жуток взгляд медузы-горгоны, шевелятся сонные змеи, но отражения медузы в щите спасает солнечного, на сандалиях бога летящего героя.

Сколько всего!

Хотелось вобрать сразу, сразу переосмыслить, будто и мир изменится, расцветёт новыми красками, сияя, великолепный...

Мама пришла - узнавал по тому, как открывается дверь.

- Что ты не гуляешь, Сашк? Ребята ждут, наверно...

- Я зачитался, ма...

Книжка съедает время.

Мальчик не знает о нём ничего: сжимающимся и упругом, длинном и пролетающим мгновенно.

Он бежит на улицу...

Пыльный асфальт мая сереет обыденно, но золото листвы уже насыщено летом: скоро на дачу, под Калугу, к родне.

Саша выбегает во двор, но площадка пуста, и... где теперь искать своих, а?

Железная гулкая лесенка дребезжит под ногами - вела в соседний двор, где стоял дом Алёши...

Вот же - Сазанов на самокате пролетает...

- А ты чего без? - притормаживает.

- Забыл...

- Совсем ты со своей музыкой!

...у меня нет пока своей, Лёш...

Возвращаться?

Ну его!

- Я и так тебя обгоню.

- Давай!

Сазанов мчится по двору, мелькают полосы света и тени, зелень словно слегка покачивается, плотно облепив ветви, и Саша, разгоняясь так, что в боку болит, мчится за ним, летящим...

...они упираются в голенастые ноги огромной птицы, мудро смотрящей на них с высоты...

Клюв её огромен, и, кажется, любой удар разнесёт бедную шашину голову.

Но птица вовсе не угрожает: просто смотрит с высоты: и в глазах её мерцают ум, даже мудрость... лукавство.

Горазд был на выдумки, а догнал ли Алёшу?

Или улетел тот на своём стремительном самокате времён - улетел в никуда?

Фонтан в центре одного из дворов белел массивно, и два медвежонка, жавшиеся к медведице в центре, казались ручными и милыми.

Нет линейного движенья жизни, организованной фрагментарной мозаикой: это не воспоминания, хотя и они, это жизнь сама, лепящаяся из чёрточек, красок, мазков неизвестного живописца, всей суммы, даже суммы сумм, которую познаёшь всю своей явью..

Взаимоперетекающие процессы, бесконечная алхимическая возгонка, и то, что алхимики объясняли сложное через ещё более сложное - логично, учитывая квантовую перенасыщенность жизни.

На Птичку - великолепный Птичий рынок ехать интересно, начиная от предвкушения: ибо предвкушение счастья вполне способно тягаться с накатами оного.

Метро гудит, заливая пёстрой плазмой жизни сознание; оно гудит, неуёмное, постоянное, и можно гадать: кому вот та массивная тётка везёт свёрток, или о чём просит, дёргая за руку, малыш маму...

Можно гадать.

Потом, сияя аквариумами, расступаются, словно ожидая нового мальчишку, ряды Птичьего рынка.

Интересуют только рыбки, аквариум готов, необходимо живое и пёстрое наполнение.

Глуповато глядят на действительность сквозь выпуклую плёнку глаз телескопы.

Треугольники скалярий проплывают косо.

Оранжевые меченосцы никому не угрожают мечами своих хвостов.

- Два телескопчика, пожалуйста, - говорит мама, и плотный, с корытообразным лицом торговец, вылавливает их, гоня сачком, пересаживает в банку.

- Ну, сказали ещё двух скалярий можно?

- Да, мам. А сомика?

- Не тесно им будет?

- Но сомик же необходим!

Мама улыбается.

Солнце тоже.

Покупают рыбок, потом ещё траву, корм...

Мальчишка держит банку так, будто это чаша Грааля, о которой он не читал ещё, но всё впереди, впереди...

Они едут домой.

Па, когда ты вернёшься сегодня, хочется же показать!

Аквариум установлен в простенки между двумя окнами второй комнаты; а над кроватью мальчишки висит пёстрая карта мира, и, засыпая, он думает: не осыпались бы осенние листья стран.

Пока они держатся, мальчик - на древе детства, опадание будет происходить постепенно, потом...

- Надежда Васильевна! Смотрите какой листок! - Ащеульникова (завораживала звукопись фамилии) бежит к учительнице, гордясь - и собой, и листком...

В сквере, напротив кинотеатра "Россия" собирают классом листву, будут делать гербарии, и она шуршит, огненоцветная, под ногами, рождая сонмы маленьких ассоциаций...

Каждый листок - как своеобразная карта: и не счесть прожилок и ответвлений, точек и крапинок, будто жар-птицы разроняли перья свои...

- Смотри, Лёш, что за страна?

- Аквалантия. - Смеётся Сазанов...

Собираются листья.

Разнообразные, каждый со своим лицом дома строго наблюдают за детворой.

Время не желает двигаться линейно: в разрывах возникают новые куплеты жизни.

Нравилось спускаться по грохочущей железной лесенке, попадая из двора в другой, покидая свой, но ненадолго, нет-нет...

Бежал, зажав пяточок в ладони: круглый медный пяточок, от которого плоть руки пахла своеобразно; бежал в булочную, чей скудный ассортимент воспринимался нормой, покупал песочную полоску с вареньем, чтобы съесть, торопясь получить сласть на ходу, во время краткого возвращения, минуя колоритную овощную лавку, где бочка, наполненная солёными огурцами, обросла мхом, а картофель ссыпали в специальный жёлоб: чтобы выкатился, прогрохотав, в сумку...

Папа вернулся - мальчик тянул скорее: показать аквариум...

Папа шёл, улыбаясь, едва успев раздеться, и смотрел не столько на рыб, сколько... на почти овеществлённые восторги сына своего, рассказывавшего о телескопах и скаляриях, о щедром неистовстве Птичьего рынка, одарившего такой красотою.

Машка, покачиваясь идёт по коридору - на кухню, и мальчишка, выскочивший зачем-то, натывается на неё.

- Ой, Сашк... Сейчас я тебе карандашей подарю.

Он стоит, ждёт...

Она, вернувшись в комнату, выходит, протягивает ему несколько цветных.

Прекрасных: ведь можно будет изображать радужных птиц и зверей...

Он благодарит, возвращается к себе, достаёт бумагу...

Оживают, расцветая, жители фантастического зоопарка: из арфы слона прорастает древо дельфина...

Нет, больно странно! - скомканный лист летит под стол.

На другом разрастается жираф, но ужасно хочется совместить его с кем-то, и...

В окошко стучит Алёша: Выходи!

Саша, оставив бумагу, выходит...

Дворы, спутанные праздничными гирляндами детства.

...собирались в Анапу, где будут жить в частном секторе, где счастье, захлёстывая, гарантировано продлится месяц...

Собирались, проверяли чемоданы, что-то перекладывали, вещи шевелились пластами...

Вечерело. Ждали такси.

Мальчик писал на листе бумаги: Прощай, Москва, на один месяц, вернусь! - и твёрдо знал, что сдержит обещание...

Грузились в такси, подъехавшее к подъезду, и машина гладко и бодро ехала по вечернему городу, ещё не скомпрометированному сегодняшним движением.

Мартемьяновы были уже на вокзале; дядя Валя - один из тех, кто ходил учиться пению в Матовой, провожал своих: тётю Таню, Севку, Светку, и, пока размещались в купе, пока выгружали необходимое, всё пропитано было таинственным предчувствием чего-то важного, почти сакрального, но ни Саша, ни Севка, стоящие у окна, глядящие на вокзал, не ведали значения этого слова.

Потом - плавно начиналось движение.

Мальчишки занимали верхние полки; и сон прерывался порой - краткими остановками, когда фонари и огни засеивали зёрна света в купе...

Страна мелькала за окнами: страна, казавшаяся вечной: ведь пионеру положено верить?

Страна мелькала городами, лесами, мостами, широкими разливами полей, уходящих в небесные пласты, а потом началась Анапа...

Она казалась вся состоящей из частных домиков: с цветниками, огородами, палисадниками, беседками.

Низкие тихие улицы, тутовые деревья.

Утренний завтрак в беседке: консервы и колбаса, яичница и хлеб, но это неважно, ибо самое важное впереди...

Опиши море, мальчик...

Мы, дети, мчимся, бежим к нему, огромному: бесконечная чаша сияний, и улыбается оно нам - даже маленькими крабами, ходящими в мыльной пряже пены; мы кидаемся в сине-зелёное, плавно колышущееся пространство, мы упиваемся нырянием, привкусом йода, солью...

По утрам кентавры приходят на берег: но Кун оставлен в Москве: впрочем, и не особенно нужен уже: ведь несёшь его прекрасные дебри в сознание.

- Давай замки строить!

- Давай!

С Севкой дружили.

Набрав в руку влажного песка, выпускали его, и росли они, зыбкие, отекающие, разные замки, росли, казались красивыми...

К двенадцати солнце обретало предельную силу, и шли обедать - в столовую.

Подносы надо было двигать к кассе, наполняя их тарелками и стаканами, и двигали, и молочный суп в тарелке мерцал опалово.

...высший пилотаж - плыть и нырять в маске: дно раскрывается по-другому, словно повторяя движение волн, песок идёт накатами.

Краб под камнем, державшим буёк, тянет предупреждающе клешни: не трогай...

Ловили кожистых рыб-игл, и, на берегу, набрав в маску воды, смотрели на них, чтобы выпустить потом...

Вечерами было кино: особенно чудесен кинотеатр без крыши, под открытым небом; и смутные оттенки приключений клубятся в мозгу... индейцы...ковбои...

Хотелось в чужой мир?

Конечно: и особенно хотелось быть таким, как Гойко Митич: чьё тело перекипало мускулами.

Ещё вечерами ходили с папой вдоль улиц, под деревьями, играли в города, и чудесно вспыхивали они - таинственные, словно сияющие своими названиями.

Анапа кончается.

Мальчишка возвращается домой, не обманув Москву, через месяц.

Он вообще старался не обманывать.

...а родители уже не вернуться: ни в Москву, никуда: в привычный на земле обиход...

- Саш, пойдём к Алёше Черёмухину...

- Пойдём.

Ещё один Алёша из детского сада: но в школы разные пошли.

Алёша жил в композиторском доме, в отдельной квартире, и коридор уже казался бесконечно-таинственным, уходящим в даль больших комнат.

Сидели в одной - рисовали.

Алёша чудесно рисовал машины: точно и остро, не спеша, они должны были сейчас сорваться с листа, понестись, гоночные, в основном.

Саша спешил.

Он не умел так тщательно, с тонкой отделкой.

О чём говорили мамы?

Фантазия здесь сослужит плохую службу: не за чем прибегать к ней...

Много было реальности, много ячеек заполняется чешуйками мозаики: добрая тётя Галя, у которой иногда оставляли мальчишку, пекла дивные куличи: в форме пасхальных агнцев, с изюминками глаз.

Она пекла их на Пасху, и было совершенно непонятно, что это такое, но куличи были вкусны, как интересны старые книги, где плыли корабли с парусами, наполненными ветром, и щекастые младенцы летели вверх.

Фикус вздымался в коридоре.

Семьи у тёти Гали не было, она жила с мамой - бабой Лидой; квартира была старинная, подоконник растрескался, но рыжие муравьи представлялись интересными, как и всё вообще.

Всё вообще...

На новой уже квартире жили, куда переехали, когда мальчику исполнилось десять лет; что-то отмечали взрослые: шумно и пьяно, и на балконе, куда выходили курить, а Сашка вертелся между ними, дядя Слава спросил у мамы: Ляль, как Галю похоронили?

- Мама, тётя Галя умерла?

- Да, сынок...

Мир застлало слёзной пеленою.

Мир потёк неправильностью свершённого...

Первое ощущение собственной смерти: после трёх дней колошматившего жара багрово-липкая муть застит мозги: где же буду я, когда меня не будет?

И жутко, жутко, безвыходно, безысходно...

Квантовая мера мира, сильно вмещённая в более чем полувековые мозги.

Странно и тяжко.

А было счастливо и легко.

И не представлял мальчик Саша, что будет говорить так:

- Вот первородный бульон, из которого пошла жизнь, что можно считать доказанным. Что напоминает сие? Лабораторию... кого-то огромного, кто сам не знает результата, заворачивая сложнейший эксперимент. При чём тут любовь? Прелесть якобы высоких понятий в том, что можно говорить о них всё, что угодно: ни проверить ничего, ни доказать...

Кому он будет говорить это, полуседой, истрёпанный жизнью, бесконечной чередой утрат?

Что выиграл мальчик от собственного взросления?

Чаша слёз в груди, заменяющая сердце...

А пока всё - на старой квартире, в огромной коммуналке, - легко и славно...

Саша ходил в бассейн, располагавшийся в огромном дворце пионеров: именно дворец - пышный, высокий...

Сквер, предварявший его, был пронзительно красив.

Ходил в бассейн, где синевой сквозила вода, и блики, как солнечные зайчики перекипали на бортах, и был комический случай, когда принимали...

Спросили: Умеешь ли плавать? - ответил гордо, уже бывавший на море не раз: Да.

Сказали - Покажи...

Прыгнул и поплыл, вода отдавала хлоркой, но было приятно рассекать её, и когда у бортика тренер опустил в воду шест, уцепился за него, и полез, и выкарабкался...

Все смеялись.

Шест был опущен, чтобы помочь с поворотом.

Приняли в секцию, стал ходить, тренироваться, увлекала... вода...

Мама забирала, как правило, папа - реже, а раз - не пришли.

Ждал напрасно, и, одевшись, побежал - близко, в общем, было.

Но - улицы казались пустынными: такие необычно недружественные, с большими домами, словно готовые поглотить.

Бежал, слышал стук своих каблуков, бежал, подгоняя себя, и, юркнув в подъезд, ощутил, освобождение...

Три года бассейна не сделали пловцом, как студия рисования в том же дворце - не превратила в художника.

Но кипенно-белый лист, ложившийся на соответствующую подставку, завораживал, и в сеть линий словно ловил собственные фантазии.

...девочку звали Наташа Раввикович, она была рыжая, и жила в доме - через двор...

Каменные их миры интересно раскрывались разнообразной стариной, и попытка вспомнить был ли когда-нибудь у Наташи в гостях не кончается ничем...

Но - гуляли вместе с мамами по скверу, предварявшему дворец пионеров, гуляли, и она, набрав пригоршни разноцветной листвы, кидала в тебя, и кричала почему-то: Я твоя весна, я к тебе пришла!

Хотя осень царствовала, крыла охрой и золотом предложенное пространство, играла последним теплом...

Арфа лучей...

Как сложилась жизнь этой девочки?

Попытки узнать равноценны попыткам вернуться туда: на Каляевскую улицу, а кто такой Каляев Саша тогда не знал...

Будешь ездить к старому дому, ходить вокруг него, мучительно вглядываться в четыре окна, из которых первые десять лет смотрел на мир, вглядываться, сидя на совершенно другой детской площадке: пёстрой, шикарной...

К дому прикасаться, как Антей к земле: будто сил просить...

...в церкви был Союзмультфильм, и мультики детства ожидали пёстрою чередой.

В церкви теперь церковь.

Как скучно.

В Политехническом музее была выставка миниатюр: даже мини-миниатюр, когда заходили, видны были одни микроскопы...

Подсаживали своих малышей, подсаживали взрослые, сами замороженно глядящие в глазки, а там - раскрывалось: Чарли Чаплин в ушке иголки, роза в человеческом волосе, шахматы на острие иглы...

Какие миры!

Неужели существуют ещё меньшие?

Пробовал представить: атом, электрон, и в каждом - созвездия, своя жизнь, свои мудрецы и храмы, свои Атлантиды и Византии...

Мир бесконечен, мальчик, не бойся!

Помнишь - в том же Политехническом музее рассматривал макет лаборатории Ломоносова, рассматривал так, будто представлял себя уменьшенным, участвующим в таинственных возгонках, которые сулят...

Лес алхимии закрыт, да и Ломоносов не занимался ею.

Но с алхимией жизни сталкиваемся постоянно.

- Подсекай!

Ёрш, отливая серебристо и словно распушив шипастый гребень, трепыхнулся в воздухе, и двоюродный брат перехватил его, воскликнув: Коржавый!

Сорванный с крючка, плюхнулся в ведро, куда мальчишки отправляли рыбью мелочь - для наживки...

Двоюродные братья, - и младший, московский, лето проводящий на даче под Калугой, с радостью ездит на рыбалку - на Оку...

Лес двумя массивными, таинственными крылами раскрывается за спиной, поле кукурузы остаётся позади, и вот - берег: крутой спуск, где вырубается лесенка: маленькой лопаткой, а

под самой крышей берега чернеют страшными глазами ласточкины гнёзда.

Череп Аргуса там спрятан?

Думает книжный московский брат, для которого поездка на рыбалку вдвойне занята: слишком отличается от обыденной его жизни...

Дядя Гена, где ты теперь?

Помнишь, как был моим крёстным отцом в калужской церкви: одной из?

Как ехали утром с дачи, как вибрировало (казалось мне) огромное пустое тело собора, и вдруг - в кадр реальности плавно вплыл твой друг, отец Михаил - огромный, чреватый, будто из Лескова изъятый.

...раскалённое поле моего не физического нутра, смутный страх многих ощущений, непонимание, как можно прийти к силе, запустившей мириады галактик: и - всё равно? решил креститься под тридцать...

- Бать! - кричит от реки Димка, мой старший двоюродный брат, - мы ведро полное наловили, принимай...

Гена ловил серьёзно: четырёхколенные удочки протягивались тонко чуть не до середины реки, играя неподвижностью, и вдруг - звяк колокольца, и Гена мчится вниз, по вырубленной лесенке, спешит: необходимо успеть...

Блюдо леща - и рыба будет сопротивляться, и Димка возможно подоспел с подсачником...

У него всё хорошо, у Димки, Гена, он устроен в жизни, ты, довольно рано умерший, знаешь...

У него всё хорошо, а я...

В воспоминаниях - при определённых жизненных условиях - жить уютнее: вот, на стареньком "Москвиче" - стареньком, исправно работающем, едем вчетвером через лес: Таня, супру-

га твоя, тётушка моя - всегда рядом с тобою, и мы с Димкой о чём-то болтаем на заднем сиденье...

Машина едет по дорожке: она логична, ибо дальше откроется деревня: черноватая, но живая ещё, живая, всё же Союз... который ошибочно кажется незыблемым...

Потом - лесной спуск, крутоватый, и - разъезженная дорога через поля.

Всё.

Остановка.

Достаётся палатка, складные стулья и стол, коробки с едой, скарбом, рыболовными принадлежностями.

И - начинается мистерия, что длиться будет дня три; зажигается она, вспыхивает роскошью костра, особенно яркого вечером-ночью; а река будет бездвижно течь, чернея нефтью, и роскошь её равнодушного движения напомним...

Да нет - ничего она не напомним восьмилетнему ребёнку.

Сейчас напоминает нечто - но что?

Не понять...

Калужские ракурсы яви: любимая ба, любимые дядя Гена и тётя Таня: она - мамина младшая сестра: всегда весёлая, не смотря на болезни - дитя войны...

Мамин старший брат умер рано, чуть до сорока, и о нём нет воспоминаний: никаких, ноль, только догадки.

Так же худо помнится и старый калужский дом: бревенчатый, многокомнатный, с запущенным садом, и только Фред - сеттер дяди Юры, мамино старшего брата, вдруг всплывает в кадр реальности.

Вот Димка говорит: Послушай, как урчит!

Наклонялся, толкал его ухом, и тот вдруг, играя, слегка лизнул...

Урчание провалилось.

...в грозу, в бабушкиной комнате испуганный ребёнок приподнимается на кровати...

- Не бойся, - говорит бабушка. - Иди ко мне.

Молния раздирает пространство, и словно в магниевой вспышке проявляются на миг пугающие иконы.

Потом калужане - дядя, тётя, братья - переехали в четырёхкомнатную квартиру: брежневский формат жизни был в силе.

Но лучше всего - их дача, за Окой, обычная шестисоточная нарезка земли, в случае калужан - двойной участок, второй принадлежит деду: отцу Геннадия, но... всё вместе текло, варилось...

В странном костюме, в маске, с дымовухой Гена приступал в сборке мёда...

Руки искусаны были, распухали.

Медогонка с погнутыми боками вызвала пышный интерес: рамы вставляли внутрь, ручку вертели, наклоняли бочку и в подставленную банку лентою текла драгоценная, такая вкусная струя.

Пчёлы - эти летающие цвета - обиженно жужжали.

Папа не любил калужских родственников, считал их мещанистами очень: они и были такими - драгоценные и любимые...

Бабушка наклоняется над тобой, первый день каникул сегодня, наклоняется, подоткнув одеяло, спрашивает: Удобно ли тебе, внучек?

Ах, как мне было удобно тогда, ба!

Как неудобно в жизни!

- Ты не был на Пятницком? - спрашивает Лёшка, старший двоюродный, кавторанг-подводник, тогда живший в Мурманске.

- Не-а...

- Пойдём?

- Конечно...

Идёте, пересекая Калугу, покупаете водку, пластиковые стаканчики, закуску...

Там лежит дядя Юра: могила довольно запущена, пламенеют жёлтые цветы.

Тут на Пятницком лежит и Матова...

Оно тесное, старое, будто произвольное соединение оград свидетельствует о людской всеобщности...

Всё хорошо - так кажется.

Логично второй к Юре легла бабушка; смерть Геннадия - вызывающе ранняя, также переместила его в траурные пределы.

Тётя Таня не стала жить без Гены: она - рядом с бабушкой и Юрой, и как давно это было, и смерть мамы, разорвавшее сознание внезапно, хотя и была матушка в возрасте, случившаяся недавно, стала апофеозом...

Чего?

Не ответишь, варящийся в пустоте одиночества, хотя по жизни не одинок.

Да, папа считал калужских родственников слишком мещанистами, не любил их.

Мы идём с ним в букинистический, где под толстым стеклом прилавков, будто глубоководные рыбы, мерцают ветхие старинные книжечки...

Отец встретиться, посетив магазин и ничего не купив, с тиниственным дядькой: который извлечёт из портфеля желаемое, и отец, заплатив изрядно, будет рассказывать о книжном дефиците в стране...

Книги, солнечно озарив реальность, привели мальчика к пубертатному кризу: слишком много и рьяно читал.

- Па, Достоевский лабиринтами, так туго закрученными, выводил к свету: всегда: вслушайся... Раскольников настолько чист, что убийство привиделось ему... А речь на могиле Илюшеньки? Это ж такая патетика всеединства людского, что дух захватывает.

- Что ты, Саша. Ничего подобного не ощущал. У него все бедные, несчастные, и лабиринты его - живое страдание...

- Вероятно, так нужно, па, иначе не выйти к свету.

Книги не должны заслонять реальность - понял, мальчик?

Понял - да поздно...

...Ибсен, похожий на летучую мышь, взирает с обложки книги из серии ЖВИ, на тебя, бессмысленно сидящего за монитором... ради пригоршни строк-воспоминаний.

Сладок ли мёд их?

Болгарские елочные игрушки доставали загодя: до покупки ёлки...

Была дальняя родня в Болгарии, приезжали они иногда, привозили... разное: эти игрушки, в том числе.

Они были тонкие, страшно брать, и брал остороженько, не побить бы...

Сияющие многоцветные шары, обсыпанные сверкающими блёстками.

Фигурки...конкретика стёрлось: игрушек нет давно, всё же побились.

А потом - покупали ёлку: торжественно, священнодействуя, и везли её на санках, и пружинящие, черноватые лапы распротраняли круговые ароматы... Везли, вносили, устанавливали...

- Осторожно, Саша, вот эту веточку отогнём.

Кололись не больно.

Отгibal, ища куда бы лучше пристроить богатыря на прищепке - нашего уже, советского производства.

Ёлка расцветала.

Ночью казалось - на ней, прячась в игрушках, живут гномы, нужно дожидаться только, не засыпать...

И всё равно засыпал.

И листва стран не осыпалась с карты.

Когда начала осыпаться она?

Может быть - в связи с переездом.

Все хотели жить в отдельных квартирах, и мама получила - в другом районе, в новом кирпичном доме, от ТПП.

Долго собирались, долго, сложно; огромные грузчики, ражиге, и, вероятно, пьяные, выносили пианино.

Мебель переезжала не вся: но книжный шкаф, буфет и зеркало, принадлежавшие Матовой, были обязательными участниками продолжающегося житья.

Дом - рядом с ВДНХ, где и проживёшь всю жизнь, медленно старея, мальчик.

А из того, на Каляевской ездили часто на выставку: больно нравилась - с вавилонскими павильонами, с пространством, будто прямо уходящим в небеса.

Теперь выставка стала совсем близкой.

Ничего - скоро опять оживут сквозяще-великолепные водные миры фонтанов.

Переезжали долго, болезненно: отец многие книги перевозил сам, частями, опасаясь чего-то...

Переезжали, вживались, и мысль о новой школе щемила сердце.

Если б не переехали, жизнь сложилась бы лучше.

Уверен? - немо спрашивает ногастая птица, в которую упираешься время от времени, и не клевала пока...

Уверен теперь, не понимая зачем вырос, сожалея об этом.

Страны осыпались.

Страны, бывшие листьями, осыпались, играя с мальчиком совершенно всерьёз.

Переезд был завершён, пеклись по этому поводу торты: и мама, и бабушка, и тётя Таня были ТАКИМИ кулинарками; переезд был завершён, и мальчишки - Димка и Сашка - устроившись на югославской кровати и глядя в невинный советский телевизор, поехали Наполеон и Мишку, аж постанывая от удовольствия...

Потом калужане уехали.

Нет соседней, нет огромной кухни, шестой этаж - заменой того первого.

И - новая школа: как обнажённая бездна.

...в четвёртый класс получилось, как в первый, и целлофан шуршал на гладиолусах также, но лица все не знакомы были - абсолютно, совершенно.

(Забегая вперёд - ни с Алёшей Сазановым, ни с Олегом Скороходовым, ни с кем другим из персонажей первой пьесы не встретишься больше никогда).

Сложно прирастать к новому классу, привыкать к новым учителям, искать алгоритмы; и мама уехала в командировку в Польшу, и бабушка, твоя любимая, Саша, совсем не ладит с отцом.

Бродил, плюнув на домашние задания, осенним сквером, глядел на гнущуюся под ветром траву, на медленно меняющие цвет листья, и думал, всё думал о странах, которые будут облетать постепенно, обнажая... что?

Так и не понял.

Срослось как-то - в новой школе.

Появился Митька: с которым Саша продружит все классы, насквозь; а тогда - выдумывали игру, где были странные звери-персонажи: курдли что ли?

Кудлы?

Рисовали их, чертили карту страны, выдумывали географические названия.

Псевдогеографические...

Пунктир жизни наполняется всё большими разрывами...

...папа, папа мой, умерший так рано, был бы ты рад внуку? Видишь ли - из своего неведомого далека?

Вот веду я, выросший внешне, старый почти Саша, поздний отец, своего мальчишку с каратэ: он занимается им в той же школе, куда ходит в третий класс, и в коридоре дома, мальчиш-

ка останавливается у коробки, куда валят рекламный мусор и ненужные газеты, и спрашивает:

- Папа, а сколько лет эта коробка стоит?

- Не знаю, Андрюш! - Нажимаю кнопку лифта, вызывая.

- Десять лет?

- Вряд ли...

- Пять?

- Не знаю, сынок. Это разве интересно.

- Па, - уже едем в лифте, - а если за коробкой последить?

- Ну что это за жизнь, Андрюш, следить за коробкой...

- А она потом с тобой разговаривать будет: по-своему, по-коробковски. Или по-коровьи...

Дома пахнет рыбой: жена готовит ужин, используя специи для создания вкусовой симфонии...

...для мальчика Саши Фихте не представлял особенной ценности, однако - я и не-я, интересовали чрезвычайно...

Где здесь я?

Где здесь другая сущность с приставкой не?

Волны Гомера слоились, завораживая звуком, опровергая Куна, сразу ставшего обветшавшим, в старенькой бахrome; Гомер громыхал, наплывая волнами на бытового и психологического Ибсена, выдвинувшего меру стойкости и твёрдости Брандта; потом Достоевский всех затмил наслоением усложнённых лабиринтов, и Кафка - с грустными чернильными глазами и птичьим носом вошёл, рассказывая переворачивавшие душу истории...

О, сколько их!

Читал томами, собраниями сочинений, сериями; зелёные Литературные памятники мешались с синими книжками Библиотеки поэта, пёстрая коллекция МСП оттеснялась изящными томками СЛП...

Школа?

Она грозила угольной чернотой и жалами двоек.

Саша бродил зимой, прогуливая её, хрустел снегом, покупал булочку за три копейки, долго стоял возле будочки часовщика,

заглядывая осторожно, стараясь проникнуть в тайны механизмов, похожих на всё сразу, вспоминая...

...там, в старом доме на третьем этаже жил дядя Костя-чавовщик, и маленький мальчик поднимался к нему, одолевая высокие ступени лестницы, звонил в дверь, спрашивал: Мозя?

Дядя Костя смеялся, и пускал мальчишку "пошуровать": порыться в ящиках с деталями.

Они сверкали колесато, жалили порой пальцы, и были такими замечательными...

Потом школьный Саша шёл в лесопарк, заснеженный и сонный, блистающий розоватым серебром, шёл, бесцельно бродить по дорожкам, думая, что жизнь его кончилась, что школу он безнадежно прогулял...

Самоубийство не удалось.

Вот ходим на подмосковной станции: мама, я, тётя Валя: медик, нашедшая хорошего психиатра среди своих друзей.

Мы идём к нему.

Корочка наста блесит под фонарями: сладкая, несъедобная глазурь.

Психиатр оказался пожилым, лысым, основательным, курящим беломор, а люстра в его комнате напоминала быстро брошенный на лампочку платок; и комната сама была - книжная берлога, бесконечный лабиринт...

Психиатру книгочею легко было найти общий с маленьким пациентом.

Стояли, обсуждали редкое издание Северянина, говорили о хронологически подобранных книжках советских поэтов.

Сурово глядел Маяковский с портрета...

- Ищите ему среду. - Сказал психиатр маме. - Иначе он погибнет.

Не погиб.

Может, и лучше было б?

С поздним мальчишкой Саша, остающийся внутри, душевно жителем детской, мистической Византии, много гулял, бегал, ловил его с горок, водил по всем площадкам, часы мелькали, уходя в безвозвратность, они уходили навсегда, навсегда...

Без конца читал ему на ночь, потом пел - как когда-то пел отец.

Потом уже учил читать.

Сосед - тушистый, вальяжный Лёнька, покуривая на лестничной клетке, сказал вышедшему - тоже покурить - Саше:

- Поздравляю. Сейчас быстро полетит. Я думал долго...

У него была взрослая дочь...

Мама сказала (миг - и нет нескольких лет): Какие-то странные цветы несли в соседнюю квартиру. Надо узнать у Гальки (мать Лёни)...

На другой день: Саш, Лёня умер...

Пустота, завибрировавшая за стеной, отливала страшным.

Нет, друзьями не были.

И всё равно.

Он оказался прав - всё замелькало, запестрело, сорвалось с петель.

А ведь был каждый день: круглый, как яблоко, большой, объёмный.

Где они?

В тебе, понятно, но ты не такой, не такой - каждый месяц, год, десятилетие...

Саша смотрит, стоя на лоджии, на дождь...

Двор любим: роскошный, тополиный московский двор, и дождь, начавшийся медленно, будто с ленцой, закипает гуще,

связывая и соединяя ветви огромных, в рост девятиэтажных домов деревьев; механизмы дождя обретают тугую силу вращения, это ливень уже, грохочущий и низвергающий ветви, и бой за тело Патрокла, закипающий в недрах тополиной светописи, очевиден, как собственная жизнь.

Нет, не подходит - она, как раз, вовсе не очевидна: ибо между мальчиком, засыпавшим под картой, юношей, хоронящим отца, поздним отцом, гуляющим с маленьким сыночком нет ничего общего: от кожи до мыслей.

А ливень кипит, становится лиловатым, сгущается - хотя некуда уже.

Он кипит, представляя, чередуя, портреты Византии, Атлантиды, много чего ещё...

В такой же ливень въехала электричка, везущая в недрах людской массы Сашу домой: из Калуги - провёл неделю с бабушкой на даче.

Ливень был такой же: и двое, пьющих белое сухое из горлышка, воспринимались колоритно: примитивный, с плоским и смазанным лицом мужик: из тех, кто произносят это словечко с гордостью, и старик, что-то бляющий невнятно; электричка буквально ворвалась в ливень, убежав от него под покрытие вокзала, а дома ждал отец.

Мама отдыхала в санатории в Прибалтике.

Поговорили, поужинали, всё было тихо.

Легли...

Саша, чувствуя непонятное беспокойство, встал, заглянул в комнату, где спал отец: тот маялся, стоял, растирал грудь...

- Сынок, вызови машину...

- Плохо, па?

- Сердце болит...

У него была стенокардия.

Вызвал.

Первая бригада, произведя определённые манипуляции, убыла, вынеся вердикт: для больного стенокардией, кардиограмма нормальная.

Вторая бригада констатировала инфаркт, и отца увезли в ночь...

Утром, после пробежки, Саша пошёл искать больницу, думая узнать, что и как, но там сообщили: В реанимации.

Дали телефон врача, но звонить было рановато...

Сквер напротив поразил граем ворон.

Саша сел на скамейку и зарыдал, втянутый в бесконечную ленту предчувствия.

О том, что папа умер позвонили через несколько часов.

...безграмотная фраза? Исправить?

Горем застигнутый человек не слишком заботится о расстановке слов.

Всем звонил, выяснял, как связаться с мамой - речь о 1987 году, такой связи, как сейчас, не было.

Завертелось колесо предпохоронной суеты.

Новые и новые люди звонили; калужская тётушка, бывшая по делам в Москве, пришла ночевать...

Запомнился похоронный агент: оранжевый галстук сильно контрастировал со строгостью костюма, и поразила огромная простыня услуг, где расписано всё было до унизительно звучащих деталей, вроде - снятие гроба с полки.

...дворик морга, и августовская листва уже виньетками - у стен.

Мы с мамой над гробом, и отец не дышит, не дышит - совсем; ведь это первые похороны в моей жизни.

Довольно много людей.

Мама плачет.

В крематории будут речи: вдохновенно дядя Валя Мартемьянов расскажет о пении отца, о бархатном его баритоне, о коронной Торне...

Где ты, папа?

Вся взрослая жизнь прошла без тебя.

Мы остались с мамой вдвоём, я относительно легко пережил твою смерть: вероятно, сказывались девятнадцать лет...

Да и мама была рядом.

Теперь, когда её нет, я словно на тоненьком волоске повис над бездной.

...в подростковые годы в реальность вошёл "Иллюзион" - один из немногих кинотеатров, где можно было посмотреть западные фильмы.

Папа переплачивал за билеты...

Потом Саша, немножко разобравшись в спекулятивном тогдашнем механизме, сам будет покупать билеты...

Таинственная яма зала, лекция перед фильмом - иногда весьма питательная; и - действие, завораживающее порой.

Входи в эти улицы, которые не увидать в реальности, растворяйся в чужом антураже, если не хватает своего.

А выходил, бывало, с мокрым от слёз лицом.

Когда появилось ощущение: мол, не укорениться во взрослой жизни?

...совсем маленький, отведённый в детский сад, вдруг обманутый: сказала мама - просто посмотрим; совсем маленький, ползущий с рёвом по пёстрому ковру, одолевающий частокол взрослых ног...

Бабушка сказала тогда: Пусть ещё год дома посидит. Я у вас жить буду...

Потом родители дружили с Ниной Анатольевной: воспитательницей, дружили долго, мама общалась с нею до последних лет: когда та, одинокая, перестала уже отвечать на телефонные звонки.

Вдруг вспомнишь её, вечно путающий "я" и "не-я", входящую в квартиру, где зеркало занавешено, где сейчас будут поминки по отцу, которого никогда больше не будет.

Резко бьёт в тишине в сознание: никогда!

Резко, страшно...

Никогда не услышать - сынок: в свой адрес от мамы, никогда не поспорить с папой о Достоевском, никогда не искупать годовалого своего, белого, как зефиринка, сыночка...

...девочка Маша из соседнего дома, бежала, раскинув руки: Гражданин Андрюша!

Мальчишка, ещё плохо говоривший, Маша старше на пять лет, мчался к ней...

Снежинки особенно ярко мерцали, попадая в световую сферу влияния фонарей...

Зимние игры: вплоть - до ангела: надо лечь на засыпанную снегом площадку и водить руками, пока не получится некий гибрид бабочки и ангела: как встанешь...

Обменялись телефонами с Машей, стал перезваниваться с ней, договариваться о встречах, и когда весна разоружила зиму, отправились в путешествия: по ВДНХ, где площадки были особенно оригинальными, по дворам разным...

Маша выдавала о себе информацию... из Новосибирска... здесь живёт с мамой... отличница... занимается танцами...

Весна входила в силу, площадки расцветали детьми.

Прогулки стали ежедневными, дети совсем сроднились, и когда Маша сообщила, что в начале лета уедет, малыш приуныл.

Да и пожилому Саше стало скучновато...

Летом гуляли вдвоём: мальчишка ещё не дружил с ровесниками, ждал Машу.

Были на даче они - мальчишка и жена Саши, а Саша гулял с мамой: как в детстве почти.

Голосок раздался:

- Здравствуйте!

Тихий, тонкий...

Саша, о чём-то заболтавшийся с мамой, глянул вниз: Маша!

- Ой, когда вернулась? Мы тебя так ждём!

Она странной была, точно опалённой чем-то...

- У меня мама умерла...

- Машенька! - воскликнула мама. - Пойдём к нам, накормим тебя, мультики посмотришь.

Маша пошла.

Саша писал жене, слал смс...

Жена - всегда активная - быстро выяснила: в Москве Маша с отцом, оформляющим документы, забирающим её в Новосибирск, мама погибла под мотоциклом: возвращалась с корпоративной вечеринки, выпила, вероятно, чуть, решила срезать угол...

На другой день приехали - жена с сыном: с Машей встречали их у метро.

Последние дни не расставались.

...за день до отъезда Маши гуляли во дворе с фонтаном, в центре которого уютно белели медвежата, и пожилая тётка с пегой, старой собакой, залюбовалась: Какие милые ребятишки!

Маша стала играть с собакой.

После её, Машиного, окончательного отъезда, пошли в тот же двор, встретили ту же... женщину; собака шла за ней.

- Где же ваша сестрёнка? - спросила дама. - Дома осталась?

- Она не сестрёнка, подружка, - ответил Саша грустно, и не стал уточнять.

Сложность плетения жизненных орнаментов слишком сложна.

...бурлит квантовая пена: все мы уходим в неё, свершая квантовый переход, меняя частотность.

Эзотерик, к которому обратился Саша, чей внутренний состав после ухода мамы завешен безнадёжностью, сказал про тот свет: Живём, конечно. Просто частотность меняется.

Подвал был достаточно уютен, наполнен разными символами, карты таро соседствовали с менорой, и сам эзотерик вызывал доверие: плотный, с восточной бородкой...

И денег толком не брал: Оставьте, сколько сможете...

Но поле разговора... не верилось, что зацветёт цветами успеха.

Пусть...

...маленький мальчик убежит из-за частокола взрослых ног в детском саду: поскольку будет рядом мама...

Мальчишка, выходящий из школы, уверенно смотрит на отца: почти старого уже Сашу...

...старая, будто залитая кислотой времён фотография: трёхлетний мальчишка на трёхколёсном же велосипеде: он только что вывел его из большого дома в маленький дворик, и тут... был снят отцом...

Маргарита Григорьевна - чудесная англичанка, эрудитка, мыслившая столь не стандартно, задалась целью составить список книг, которые необходимо прочитать: и обратилась к Саше, срывавшему, бывало, уроки разговорами о книгах, с тем, чтобы помог.

Энергично вычеркнул Джойса - какой "Улисс" в Советском Союзе?

...его переводят только, но мало кто знает об этом.

Саша дополнял список, что-то убирал, обращался к отцу, корпел - как не корпел над английским.

Листы были развешены по стенам класса, ребята не заглядывали в них: испещрённые классическими именами и названиями листки.

...везёшь синюю коляску с мальчишкой своим спящим по бульвару: поздний отец, столь сложные чувства испытывающий, везёшь, перебирая в сознание кадры жизни и ленты слов, и Маргарита идёт навстречу - из школы к метро: она раскидывает руки, улыбается, произносит:

- Ещё и сын! Поздравляю...

Улыбаешься в ответ...

Плетутся нити разговора.

...иногда встречался с ней, с Маргаритой после школы - с единственной учительницей встречался; от неё же узнавал скупую информацию о других учителях: Земцов, колоритный словесник, умер вскоре после распада Союза: логично - не смог выдержать такого потрясения...

...твой мальчик в школе, Саша.

Помнишь, как нумизматическая страсть охватила класс, перекинулась на другой - все собирали монеты, иностранную мелочь, охали, заморожённо глядели на кругляш... какого-нибудь Парагвая?

Потом, одному из мальчишек, родители, ездившие за границу, привезли запечатанный годовой набор монет Сан-Марино, и он, не выдержав, распатронил его, стал меняться...

Привлекали 500 лир: с птичками, исполненные в серебре.

Саше помогал собирать отец: ходили в клуб нумизматов, в СССР собиравшийся раз в неделю, и сначала мальчишка ждал в подворотне: из неё шёл спуск в подвал; а потом, когда клуб переехал, расположившись в бывшей церкви, отец платил трёшник и Саша был единственным ребёнком, бродившим заморожённо среди нумизматических сокровищ...

Саше помогал отец - у него было больше всех стран, и он, закрутив сложную интригу, познакомился со старшеклассником, у которого оказалась серебряная пятисотка, и выменял её, отдав двенадцать африк и америк...

Нумизматика гипнотизирует.

Монеты - каналы связи с историей, географией, культурой...

Твой мальчик в школе, Саша...

Идёте с Алексеем, старшим двоюродным по новогодней Калуге, идёте в твой период, когда кажется нормальным всё: ма-

ма ждёт дома, в Москве, жена в калужской квартире, а мальчишки нет ещё, но будет же, будет...

Воздух, прокалённый морозом, блестит и переливается мириадами таинственных соцветий; чернота прозрачна, и старые дома, возникающие в перспективе, таинственны...

Мимо девятой школы, где учился Алексей: красные стены подбиты инеем...

- Куда мы? К Слите?

Прекрасный собеседник, но втроём не получается серьёзный разговор, шуточный... если только.

- Давай к нему.

- Звонил?

- Зачем? Он точно дома...

Повороты, переулки, людей мало...

Заходите в кафешку, принимаете у стойки по пятьдесят коньяку; потом - магазин...

Крутой спуск, уводящий к реке; Слита живёт в деревянном частном доме; на втором этаже - родители, на первом - Игорь с семьёй...

Лай собак слышится за воротами: но добрые они, крутятся рядом, когда гостите...

На веранде бы: да холодновато: значит - разместитесь на кухне, будете пить за Новый год, растекаться в счастливом безмыслии, шутить.

И будет плыть, сияя звёздным инеем, пространство над старинным городом.

...первого звали - Джек: тогдашняя твоя знакомая подобрала щеночка на улице, а у самой жили - собака и две кошки; принесла тебе.

Он был очарователен: йодистого окраса, с белыми чулочками и белым на груди пятном, и с глазами - такими огромными, словно в них отражалась вселенная...

Он был очарователен: собачий принц: типичный двор-терьер...

И вошёл в квартиру органично, будто был всегда, и мама замирала над ним, маленьким пока, таким деликатным, мудрым - потом...

Он сопровождал вас с мамой одиннадцать лет, и когда умер, было так - будто шар разорвался в голове.

Завернув в простыню, положили в коробку, несли хоронить в лесопарк, в роскошно-пламенеющий, византийский лесопарк, и рыли землю, и рыдания застили глаза...

Потом появился Лавруша: маленький пудель - золотистый, хотя в паспорте значилось - абрикосовый: скандальный такой, забавный, так мощно прыгавший - словно перелетал с кресла на диван...

Когда Саша писал, Лавруша (он же - Карлуша, Лаврентий) сворачивался на стуле за спиной, было так тепло, будто разливалось счастье: в пространстве комнаты, в пределах квартиры, которая без мамы - будто с вырванным сердцем.

Лавруша маму признал хозяйкой, спал у неё в ногах, утром приходил к тебе.

Джек признавал хозяином тебя.

Собаки редко переживают хозяев.

Во всяком случае мне этого не удалось изведать.

Когда умер Джек, ты писал стихи его памяти, растворяясь в них, собирая слова в строчки так, будто это - последние стихи.

И вдруг - ощутил: самую алхимической бездной сердца, а - как будто увидел: огромный Джек, размером со льва, но весь - небесно-золотистый - возлежит на роскошной поляне, и словно идут, лучась на тебя, мудрые его слова: Не переживай! Я здесь теперь!

...мы гуляем по Софии с мамой: в Москве идёт Олимпиада, и папа фиксирует тщательно всё, подсчитывает очки, медали; а мы... гуляем по Софии, приехав по приглашению, и степень родства с дедом Борей мне не восстановить теперь.

Мы гуляем по Софии: и нумизматический магазин на главной улице завораживает ребёнка (покрытый патиной купол университета мерцает вдали).

Заходим, но ассортимент не богат, и только советские олимпийские монеты, которых не достать в Союзе, сияют - по запредельным ценам.

Ловкий парень подмигивает: мол, отойдём.

Я толкаю маму, выходим вместе, идём в переулок, сворачиваем в тишину подворотни, он начинает говорить на болгарском, но, услышав ответы, переходит на русскую речь.

Достаёт пару монет: отчеканенных в пруфе, зеркально сверкающих, с матовым рельефом, упакованных в специальные коробки, и мама покупает мне их: сияющие, великолепные.

В монетах качества пруф видно своё отражение, но лицо кажется странноватым - это я?

...это я вообще?

Или давно не-я вытесняет?

Мы гуляли по Софии и с дедом Борей, повествовавшим о старых церквях, переулках, о моментах истории; он, будучи кадетом, бежал в семнадцатом, в отличие от большинства соотечественников осел в Болгарии, женился, родил двух детей...

Ему под девяносто, он живёт один (хотя дети навещают часто), в набожно аккуратной квартире, читает, используя лупу, на болгарском, французском и русском, готовит нам национальные блюда...

- А Лёшку помните? - кусок разговора на кухне его, сверкающей чистотой, всплывает...

- Мальчишку? Под стол пешком ходил?

- Завтра жениться...

Мы не были на свадьбе у старшего двоюродного брата.

Дед Боря смотрит поражённо: и теперь, представляя, какая дуга времён мелькает в его сознание, понимаю его...

Воздух пропитан ароматами детского счастья: море в Бургасе смеётся, в Пловдиве мама заходила к коллегам, бывшим тогда в командировке; и там же заглянули в мечеть...

Пёстрые ковры, лазурь и бирюза, тайна чужого космоса.

...тайна космоса в нас иногда, причудливо искажаясь алко-голем, им же просвечивается многоцветно.

Одноклассник, заснувший на угловом диване на кухне, где пили, пробудившись, откинув плед с ягуаром, глядит тяжело - как ты, Саша, пивший с ним вчера: долго и упорно, заносясь в вихри метафизики и блуждая коридорами воспоминаний...

- О-о-о, - гудит одноклассник. - Постарели, да. Раньше бы такую дозу и не заметили...

Стол ужасен: шкурки колбасы мешаются с распотрошёнными семечками, хлебные крошки повсюду, посуда с остатками еды - как поле битвы...

Водки в литровой бутылке под столом достаточно.

- Осталось?

Кто спросил?

Может быть - не-я.

И Саша, и одноклассник ныряют под стол, но на смех нету сил: пока...

Рюмки не зачем мыть - продезинфицированы.

Первая - обнажает похмельную суть, приводя сознание в плавучий остров...

...мозг проплывает мимо - лови его!

Саша, оживая после второй, встаёт, посуду относит в раковину, моет, отчищая.

Затем - жарит яичницу, пристрастно глядя, как прозрачность превращается в почти византийскую эмаль...

Я ходил этими улицами!

- Знаешь, Тоха, - обращается к однокласснику. - Я жил в Византии, я чувствую это...

- Реинкарнация?

- Да... Хотя это не делает более лёгким настоящий процесс бытования...

- Где же сохраняется носитель информации, когда из тела вырастает груша?

- Возможно, есть другие тела, которых мы не ощущаем в жизни этой... Об этом можно прочитать, но сложно почувствовать.

Яичница на столе.

Счастливый яд наполняет рюмки.

...кажется, девчонки из класса сейчас появятся: было несколько красавиц!

Уже давно многожды мамы, не поняли бы такого алкогольного загиба.

...плавание на синевато-мерцающем водочном облаке продолжается, даря симфонией ощущений.

...бродил теми улицами, заходил в мастерские, наблюдал за рождением эмалей: и синий цвет был столь концентрирован, что, если разбавить бы, хватило окрасить море.

А в порту качаются башнеподобные корабли: тот из Венеции, сей из Рагузы...

Мальчишки играют, поглядывая на них с завистью, но и с ощущением грядущего: и мы когда-нибудь поплывём.

Слух василевса за обедом услаждает орган: инструмент, ещё не подозревающей о своей церковной сакральности.

Лестницы сияют, и внушительные золотые львы у оснований, свидетельствуют о вечности империи: столь же вечным мнился СССР.

Приземистые, плечистые базилики: и иконы, иконы, мастера которых проявляли "искусство глаз": взгляд прожигать должен, призывая жить по-другому.

Сложно-кропотливый труд переписчика, вершащего эстетические сады с бесконечной внутренней молитвой.

Виноградники, чьи гроздья наливаясь соком, сулят благородство вина.

Бесконечная история - с такой летописью властителей, что простое перечисление читается, как художественное творение.

...кем я там был?

Мальчик, превращающийся в средней руки чиновника?

Или?..

Майский жук летает, нарушая законы аэродинамики.

На даче под Калугой Саша и Димка замирали, ожидая тяжело летящего, великолепного: надо непременно поймать!

Поймать, рассмотреть, посадить в коробок, послушать, как скребётся там, выпустить...

Коричневатые, с седой опушкой, с цепкими, переборчивыми лапками - таинственные вестники природы, пусть и непонятна весть...

Шёл недавно, шёл - уже в нынешнем своём воплощении, и на пыльном асфальте увидал - ворочающего, на спине лежащего...

Не получается у него перевернуться...

Поднял осторожно, и двигался дальше, осторожно неся, чувствуя такие приятные касания острых лапок...

Потом - посадил на траву...

Как он воспринимает жизнь?

Зрение животных можно изучить, построить картинку, что видят, но никогда не понять, как воспринимают виденное.

Тем более - жук; возможно - он одно, сплошное восприятие яви?

...дуга, резко мелькающая в сознание: дуга, финальным своим хвостом возвращающая в коммуналку, где сегодня к Машке пришёл брат Володька: заострённо-вертикальный, тощий, чем-то похожий на волка.

Никогда не скандалили, запирались у Машки, тихо пили, но сегодня Володька притащил Саше морской бой: чудную игру: затянута плексиглазом нарисованные морские просторы: надо расставить маленькие кораблики с двух сторон, и, щёлкая

крошечными пушечками, испускающими ядра, стрелять по кораблям противника...

Саша сидит на полу, щёлкает один, думает, кого позвать: Алёшу? Олега? Обоих?

Пока Машка и Володька плывут в алкогольном облаке счастья, которое Саша узнает через много-много лет.

Область снов порою пересекается с действительностью, которая окружена этой областью, плотно в неё закутана...

Шёл в недрах метели, разыгравшейся в городе, шёл, чувствуя студёное её, великолепное дыхание, и возникший впереди величественный контур не русской церкви показался слишком контрастирующим с белой этой, живой и живо меняющейся наволокой...

Шёл на контур, смутно рисующийся, высоко и резко вытянутый в исчезнувшее небесное пространство; и человек, мелькнувший впереди, показался знакомым даже со спины...

Заспешил, что-то странно чувствуя.

Метель крутила виражи, выписывала формулы себя же; стихала, как будто, но снова добирала сил...

Метель играла, а человек впереди шёл не так быстро...

Я догнал его: он был в кожаной куртке, привезённой мамой из Польши, у которой вечно не застёгивал ремень, так и висели хвостики, я догнал его, обошёл, заглянул в лицо, воскликнул: Па!

Незнакомое лицо упёрлось в мой взгляд...

Я растворился в метели сна, спутанного с реальностью не-расторжимыми волокнами.

Синевато-мерцающий неприятный свет в отделе кадров, и - юноша, пришедший с мамой: домашний, книжный, устраиваться на работу в библиотеку вуза, заполняет анкету, чувствуя себя муторно, тяжело: ибо хочется в жизни только писать и читать.

Надо жить.

Пубертатный криз, пережитый в школе, сильно перерезал крохотную жизнь, и, заполняя анкету, думает, что не сможет влиться в коллектив, не сможет тут... работать.

СССР.

Восьмидесятые...

Вот он выходит на работу, говорит с заведующей: что такое библиотеки тогдашние?

Замшелые тётки, мрак и беспросветность бумаг, жуткие мону-менты томов классиков марксизма-ленинизма...

На абонементе стеллажи были деревянные, чтобы снять верхние книги, надо лазать было по полкам скрипящим, и - не-ожиданно коллектив оказался молодёжным: система такая - не поступил на дневной, поступаешь на вечерний, и год работа-ешь... в библиотеке, например, или на кафедре...

Он не такой - ощущалось...

Они - молодёжь - на счёт романов, компаний, выпивки, а он сидит, когда время есть, книжки читает...

Его надо втянуть?

Или - он хочет втянуться?

- Пойдёшь пивка попить? - спрашивает Борис: разухабистый матерщинник, пошляк, не интересующий никакими книгами...

Соглашается - внезапно для себя...

Они выходят в коридор, где стоит, подпирая стену Шереме-тьев, с которым знакомит Борис: вместе учатся на вечернем.

Говорлив, вальяжен, шутлив, габаритный, весёлый...

Идут, топча снег, ранний вечер февраля переливается фо-нарями: безнадёжно советскими...

Пивняк - огромный ангар, набитый людским скарбом, и ал-каши - в пальтецах, подвязанных верёвочками, мешаются со студентами, и мелькают интеллигентные очки, всё кружится, течёт...

Нужно стоять к автоматам: с подносом, на который водружены толстые кружки, и в них льётся жидкий янтарь...

Место занять сложно, но этим троим удаётся.

Они говорят о девчонках: Борис и Шереметьев, говорят пошло, а Саша пробует пиво - горечь вливается странно, не слишком влияя на мозг.

Гуд и шум пластаются в пространстве.

Кто-то решает кроссворд, другой чистит серебристую воблу.

Разговор вдруг вспыхивает тройной: просто перебираются разные мелочи, Шереметьев интересуется, будет ли Саша поступать, анекдоты мелькают.

Саше становится хорошо на миг, он начинает о литературе, потом понимает неуместность сего, проваливается в какую-то весёлую историю.

Потом Борис и Шереметьев увеличиваются в размерах, распухают, всё качается; шатаясь, быстро простившись, Саша уходит...

Дорога окажется долгой, будет парня рвать в сугробы в тёмных дворах.

Попробовал пивка?

Через месяц Саша стал своим в библиотечной компании, и то, что работа тут растянулась на тридцать лет, волокнами взаимоотношений мешаясь и переплетаясь: разными с разными - кажется странным самому.

Долго работал уже печатаясь вовсю, ничего не понимая - зачем? Кто заставил писать?

...покачиваясь на узлах которых, интересно скользнуть в бурлески и бури Гофманианы, когда грустный Гофман, пообщавшись с девушкой-смертью, переносится в квантовый мир, чтобы перестать быть грустным, и увеличивая лёгкость фантазий...

О! майские жуки, используемые Гофманом для сказок, бдут сверкать золотыми перепонками, которых нет у настоящих,

и Саша, раскрывая том, увидит чернильное озеро, в которое загонят мерзкого Цахеса обстоятельства...

А в чём он, собственно, виноват?

В том, что Гофман, используя метафору, сделал его уродцем?

Бедный, маленький, страдающий, пожалела фея...

Гофман, как летается в свободных пространствах, пласты которых подарят столько фантастических образов?

Рядом ли с тобой великолепный, в халдейской хламиде архивариус со снежной бородой, развевающейся до звёзд?

Тронуть рукой?

Снять одну - чтобы поместить на ёлку, вместо болгарской игрушки, давно разбитой, как облетели листья стран с детской карты?

Круги Гофманианы стягиваются туже, Гофман спускается в кабачок, чтобы заказать много кружек пива, и видит перо, которое, не требуя автора, изображает историю славы и огня, фантазмагорий и скудости жизни, смерти, смерти, смерти...

...о чём разговаривали ёлочные игрушки, когда никого не было дома, - мальчишка играл в снежки, родители на работе?

Прозрачная темнота зимы, исколотая не больно белыми иглами, располагает к фантазиям...

Гномик, посверкивая красным колпачком, сообщал шару, что круглое, не значит верное, а шар, надменно молчал...

Возможно олень, слишком гордо вздёрнувший голову, замечал звёздочке, что её высота не свидетельствует о богатстве опыта, и она соглашалась, отмечая, что мол да, олень не хуже...

Снежки летели в Алёшу, он уворачивался, кидал свои.

Дом смотрел насуплено, заштрихованный белизной.

Новый год шёл, переваливая через сугробы.

Гномик, глядя на верхушку, венчавшую ёлку, и думал, что до неё не добраться.

Она была властная, светлая, сильная, готовая всем всегда помочь, стремящаяся всех всегда накормить: готовила прекрасно.

...30 декабря Саша, мутно плавая в ощущениях, воспоследовавших обычно за днём рождения, взял завибрировавший мобильный.

- Ты сидишь? - спросил старший двоюродный.

- Да. А что?

- Марина умерла.

Повисла клякса паузы, тяжело расплываясь в воздухе.

- Маме ты сообщишь? - спросил Саша, видя, как в пространстве образовалось зияние.

- Нет, уж сам давай.

- Ладно, пока...

Мама на кухне, мальчишка там же... что-то делал.

Мама на кухне, Саша идёт туда, не зная, как сказать, слова теснятся, собираясь пёстрыми комками.

Говорит.

Мама, вздыхая, захлёбываясь почти, не плача, ложится - как сидела...

Она бормочет: Меня собиралась хоронить, Саш. Я ей говорю: Саша же растеряется, она отвечает - не переживай, всё сделаю, всё куплю...

Марина - калужская двоюродная сестра - помогала всегда и всем, хотя резкой в жизни была, экспансивной, импульсивной...

Нельзя сказать, что дружили: разные города, потом она с семьёй одно время жила во Владивостоке.

Нельзя сказать, что дружили, но - шло дополнительное тепло друг к другу, и когда переписывались по интернету, и когда перезванивались, и когда бывал в гостях.

Офицерский дом (муж - полковник) вырос в пространстве, открывавшимся за поселениями дач; такой - дом на ветру, и, бывая у них, всегда попадал в недра уюта и тепла.

Господи! Как не хватает тепла из-за смертей!

Что же громоздится везде - страшное, равнодушное?

Марина умерла.

Всего 65 было.

Шли, как в детстве: сквозь лесополосу, резко извергавшуюся вниз, к реке; шли, нагруженные сумками со снедью и питьём, шли к реке, отмечать день рождение старшего двоюродного: он, Саша, и один из сыновей Алексея...

Корни, мощно разрывая землю, тянулись живя своей жизнью; органические стволы деревьев сильно, хоть не слышно звуча, входили в небо; река мелькнула - маленькой казалась отсюда, ещё надо пройти...

- Как кто переправляться-то будет? - спросил Саша...

- Переберутся как-нибудь...

Уже несколько человек ждали: брат общителен, дружелюбен...

Партия других гостей махала приветственно с той стороны Оки, лодка курсировала медленно...

Дуб - роскошен и силен: крона кажется бесчисленной, и именно под ним расстелили подстилки, стали выгружать снедь...

Всё закипит быстро: шутки, тосты, на отдельные группки разбивающиеся люди, ведущие свои разговоры; и Саша, счастливо опьяневший, подходит к здоровому Аркашке Троицкого, неожиданно для себя говорит: Вот тебе моя книга, а то будешь думать, что я только пью!

Аркашка...о нём не знаешь толком ничего: друг брата, технарь, очень здоровый человек: и вдруг он вскакивает, поражённый, кричит жене, чтобы дала ручку, объясняет - Мне автор впервые книжку дарит.

Закорючка надписи прозмеилась...

А дальше - вечер проводили вместе...

Помнится, сцепив руки, войдя в воду, подбрасывали девчонку Аркаши, говорили о чём-то, выпивая постоянно...

Компания под конец раскололась: наиболее стойкие пошли допивать в квартиру Алексея, Аркашка пропал...

Через много лет позвонил Алексей: Аркашу Троицкого помнишь?

- Да.

- Ну всё...
- Что - всё?
- Приказал долго жить.
- Как?
- Так вот...

Алексей рассмеялся нелепо: всегда говорил: не боится смерти, что её бояться...

Боюсь ли я, вспоминая тот вечер на берегу Оки, бархат воздуха, пьяные голоса, великолепие веселье?

Метафизическая Ока течёт, всех смывая.

...замшевые мешочки, посмеявшиеся и над Койлем и над Кротером: замшевые мешочки, введённые в мир персонажами в рассказе Додерара, вероятно, не понравились бы Ульриху, стремящемуся к отказу от свойств ради точного выяснения собственной тайной сути: ускользящей от бесконечных усилий ума...

Таинственно работающие щупальца памяти, так живописанные Прустом, бесконечным ловцом былого, какое столь своеобразно показано растекающимся временем Дали; мощно организованный космос культуры: разнопланово-объединённой, со вспыхивающими звёздами мыслей, с музыкой, исходящей от небесного органа.

Красота органа земного, организованного воплощённым музыкальным текстом: в потенции вся музыка мира заключена в молчащих трубах и не тронутой, тройной клавиатуре...

...крутые виражи дантовского спуска завораживают полёт: избыточная плотность всего, вмещённого в поэму, утверждает бесконечность бытия, не требующую доказательств, и, снова перебирая золотые звенья, вдруг вскрикивает пожилой Саша: А-а-а... все они не отменяют смерть.

Не отменяют.

...маленькая женщина с сине-стальными глазами сразу по-
ризила, спросив:

- Что вы чувствовали, когда с вами работали со свечой?

Ещё на "вы" были.

Вздрыгнул - откуда знает?

О том, что посещал магический салон не рассказывал никому.

Двоюродная сестра спросила: У меня - кабинет в кабинет - биоэнерготерапевт работает. Милая дама. Хочешь пойти?

Это - в Калуге, сестра врач-массажист, и вот - отвела.

Жизнь распалась, как намокший хлеб в руке; и, мрачно-насушенный вошёл за сестрой, в кабинет к Галине Андреевне, где на столе стоял таинственно мерцающий стеклянный шар на подставке, а в окне был фрагмент тихой, ветшающей Калуги...

Галина зажгла свечу.

Она горела ровно, огонь поглощал тонкое восковое тело.

Разговор пошёл как-то сразу легко, и, словно затягиваемый внутренним составом в нечто необычайное, Саша ощущал странные вибрации: будто космос с бесконечностью параллельных миров, становился ближе.

Подружились потом.

Бывая в Калуге: а некогда это случалось часто, заходил к ней всегда, разговаривали, и всё тщился узнать: как там - за гранью, за физическим пределом?

Смеялась часто, отвечала, как могла, иногда оговариваясь: об этом я не могу сказать...

...не представить - умерла в 55: наклонилась на работе и... разбил инсульт.

Могла ли знать об этом?

...было - переживание бездны, обрыва...

Не переживай, мальчик!

Выводи скорее свой трёхколёсный велосипед, малыш: выводи его, тебя хочет сфотографировать папа, которому ещё столько жить, какой так молод...

Выводи велосипед! - впереди вся жизнь.

МАЛЫШОК

Скат горки был волнообразен, забираться на неё можно было по лесенке, напоминавшей корабельную, или по сетке, скрученной точно из тонких канатов, и малышок, забираясь, придерживаемый отцом, на верхушке площадке - своеобразном плато - крутил сначала руль, управляя кораблём горки, а потом слетал по волнообразному скату, ликующе крича; иногда падал, но чаще ловко приземлялся на ножки.

Уютная пёстрая площадка была пуста - никто не пришёл гулять с малышами: финал мая плавился жарой, и многие были на дачах.

Трава вокруг ограждения площадки разрослась мощно, и мятлик был столь высок, что малышок наполовину скрывался в нём, когда надоела горка, и он, забыв про пластиковую цветную машинку, на которой гонял обычно лихо, выбрался за пределы площадки.

Круглые шары одуванчиков белели, отливали сероватым, и малышок, сорвав один, запустил в воздух целое облако.

- Ой, ой, - подпрыгивал он, отбросив стебель.
- Одуванчик, - сказал отец, - и малышок повторил:
- Одуванчи...

Из-за сирени выскочила девочка, очевидно постарше, мама шла за нею, говоря:

- Смотри-ка, доча, одуванчиковое поле.
- Ага...

И малышок побежал к девочке, а отец, свернув на площадку, подхватил машину за зелёную спинку, понёс.

Теперь они рвали одуванчики вдвоём - малышок и девочка - наперегонки, сдували зыбкие шары, напуская лёгкие текущие облака, а мать с отцом шли за ними.

Малышок отвлёкся, сорвал три одуванчика сразу, и, не сдувая их опушку, понёс тёте.

- Ой, ты мой маленький, - воскликнула. - Мне принёс? Да?

Малышок застенчиво потупился.

- Ну, спасибо тебе, спасибо.
- Девочка подбежала, стала рядом.
- Это моя мама, - сказал она в воздух.
- Сколько вашей? - улыбнулся отец.
- Три и два, - ответила мать.
- Нашему два и девять. Плохо говорит.
- Не страшно. Мальчики позже начинают.

Малышок, кинулся к машинке, стоявшей под жилистым, раз-латым кустом, взгромоздился на неё, и, толкаясь привычно, подкатил к девочке. Рельеф тропок вокруг площадки был неровен, и приходилось перепрыгивать через корешки и другие пустячные препятствия.

- Ой, какая машина у тебя! - деланно восхитилась мать девочки.

Малышок, заулыбавшись, стал нажимать разные кнопки, и музыка нежно заиграла; он трогал фигурки из мультфильмов, они уходили вниз, выскакивали, смешно подмигивали, потом крутил часы - не показывавшие истинного времени, нет-нет.

Девочка сделала шаг к машине, и малышок уступил ей.

- Вот так, спасибо скажи, - молвила мать. - Покататься тебе дал.

Девочка, толкаясь, ехала сквозь поле одуванчиков, а малышок шёл сзади, иногда срывал один, сдувал сероватые брызги.

Воздух ласкал, тёк муаром, сгущался легко, оставаясь прозрачным.

Машины подъезжали к дому, люди выходили, таща сумки, недалёкий проспект гудел плазмой движенья.

Потом катался малышок - легко мчался вниз с асфальтового дворового большака, радостно гикая, победно.

Девочка бежала за ним.

Отец курил, зная, что сынок вернётся сейчас.

И девочка каталась с горы.

А потом малышок, не прощаясь, развернулся, и помчал к дому, лихо скрылся в соседнем дворе.

малышок

- Побежал я, - отбросив окурок и затоптав его, сказал отец.
- До свиданья. Забыл почему-то сказать пока.

- Ничего, - отвечала девочка. - Ещё увидимся. Мы рядом живём.

Малышок гнал меж гаражей, по тропинке между огромных пней некогда спиленных дубов, оборачивался на собачий лай, замедлял движение, говоря: Ава; он мчался домой, насыщенный прогулкой, и отец, быстро шагавший за ним, ощущал, как идут они через жизнь - будущее его, крохотный пока сынок, и он сам - пожилой, довольно уставший от многого, седобородый.

КОРОБОЧКА КАРТОШЕК

Движение лифта кажется чрезмерно долгим, от момента нажатия на кнопку, до того, как она погаснет, и двери растворятся, проходит путь, ведущий в Византию его памяти - где лестницы сверкают белизною, пёстрые павлины символизируют царствие небесное, а базилики приземисты и плечисты...

Лифт ждёт, но в зеркало, когда заходит, смотреться нет сил, ибо возраст отрицает благообразие, и впадины щёк похожи на ущелья, где гнездится опыт, не говоря о горизонтальных морщинах-разрезах на лбу.

Кусты двора зимою кажутся медвежатами, спрятавшимися в снегу - и короткий огонь воспоминания гаснет тут же, задутой прохладой июльского дня, - ночь пред которым была набита дождём, как подушка перьями.

Огибаая кусты, вступает в тополинное царство: выше девятиэтажных домов, и жаждущие жизни, сколько бы ни спиливали их ветви, двигаются они - верхами и ветками - под ветром, - ленивым, впрочем.

А в лужах уже листва - золотистая, ржавая, жухлая: такая, что должна быть осенью, до коей рукой подать.

Лодочка плывёт - как на папском пиастре старинной чеканки, когда монеты изготовляли вручную, и на монетных дворах всё кипело и переливались литые, мускулистые тела в отблесках разноцветного огня. Так представляется, по крайней мере.

Лодочка листа узкая, она заинтересует чуть позже малыша, вышедшего гулять, и он, переворачивая её, превратит в географическую карту - вернее обрывок оной, с кусочком не существующей страны.

Страна двора раскрывается собачьим лаем, медленным проходом сгорбленной старухи, усердием таджиков-дворников в оранжевых куртках, и - сквозь тополиные, спутанные ветки - частичкой неба: единого целого, постижимого лишь во фрагментах.

Подъезды минуя, выходит он к углу дома, где несколько высоких ступенек ведут в магазин: не очень большой, но с обширным ассортиментом, и - прямо против входной двери выгородка с кисломолочными продуктами, плюс прилавок с лакомствами.

Десять шагов до лакомств - а до смерти, что полакомится тобой, как и каждым из нас, сколько?

Подобье ответа вращается ртутным, очень быстрым штопором в мозгу, и не остановишь этот ничего не открывающий штопор.

- Доброе утро!

Полная продавщица профессионально улыбчива:

- Доброе утро. Что пожелаете?

- Будьте добры упаковку картошек.

Быстро вытаскивает пластиковую, хрустнувшую коробочку с пирожными.

- Всё?

- Да.

Деньги кладёт на пластмассовое блюдечко прилавка; у каждого своё представление о деньгах - взъярившихся ныне чёрным вихрем мятущегося перца, чьи злые крупинки оседают в извилинах всякого мозга, отчасти портя сложные лабиринты.

Несколько монеток сдачи и бумажный параллелепипед чека ложатся на тоже блюдечко.

Он сметает монетки в карман, и выбрасывает чек в корзину.

А потом совершает обратный краткий путь (а путь в Византию - духовною свою родину - не совершить, не совершить никогда, даже небесные ладьи-облака бессильны помочь, и остаются недра памяти, дающие то этот образ, то иной, пестроту эмалей мешающие с ощущением улиц, и отсекающие реальность - как главу отсекают преступнику).

Лифт на этот раз на первом этаже, и отсутствие ожидания радует, как ребёнка порадовала бы полученная шоколадка.

Чистота взрослой радости всегда замузнена пеплом опыта.

александр балтин

Ключ плавно входит в замок - а всеключа, подходящего ко всем дверям, включая метафизические, не существует в природе; и, сделав своё дело, ключ падает на плоское блюдо, покоящееся на банкетке.

Мир кухни, взирающий привычной суммой предметов, не может быть преображен утренней прогулкой хозяина: крошечной, как мечты гнома.

Чай заварить.

Карминно-крепкий сулит он несколько минут сладости - бездумных минут, безассоциативных, когда коробка с пирожными открыта, а чашка полна, и так устал от потока воспоминаний, сравнений, догадок, образов, что минуты эти - лучшее в предстоящем дне.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АВГУСТА

Трамваи медленно съезжают в низину маленькой улицы, вечером напоминая огромные аквариумы с цветными рыбками, но звёзды, что срываются иногда с пантографов, разубеждают в этом...

Тополями обсаженная улица пряма, переходит в мост, за которым начинается лесопарк, чьи пруды мерцают зеленовато, а ближе к осени отливают чернотой.

Огромный красный дом - мини-страна! - предъявляет мемориальную доску, посвящённую герою войны, в честь которого улица и наименована...

- Смотри, яблоки с неба падают!

Сын несёт сумки, выглядит мрачно, он видит краснобокие плоды под ногами, и не хочет смотреть в небо.

Мама говорит:

- Вон яблоня. Надо ж, сколько яблок, смотри!

Он смотрит - чтобы её не расстраивать...

Тётка кричит в мобильный, стоя у края дороги, и густой мат омерзительными пузырями лопается в тяжёлом августовском воздухе.

Жара соперничает с эфиопской, и вечерние часы не приносят отдохновения: точно небесные печи, не зримые, разумеется, работают всюду, раскаляя пространство, выжигая небесную синеву тяжёлым, мощно льющимся золотом.

Машины несутся - пёстрые ленты машин, словно выкупанные в переливающемся свете; ленты обрываются на переходах, и малыш в коляске рыдает, точно горе знакомо ему крепче, чем взрослым...

Почти осень - август висит на волоске, и несколькими днями не составит труда перерезать его.

Смуглая бронза листвы причудливыми изделиями украшает ещё густо-зелёную, налитую малахитовой силой траву; а во дворах мальчишки гоняют в футбол на площадках, наслаждаясь последними днями свободы.

Рядом - горки для малышни; горки разные, пёстрые, закрученные на подобье улиток, с многочисленными лесенками, переходами, прозрачными, набок положенными огромными колбами, через которые надо ползти, и со стороны малыш смотрится, как отражение в одном из зеркал комнаты смеха.

- Жизнь вообще - как комната смеха, - говорит, закуривая, один одноклассник другому.

- Не понимаю, что ты имеешь в виду.

Проходят под яблоньками - китайками - разронявшими массу мелких, кислых плодов; и толстый, чёрно-белый кот перебегает асфальтовый промежуток двора, чтобы спрятаться под машиной.

- Что имею в виду? - дым сед и сер, иногда напоминает профиль дракона, а порою - кольца судьбы. - Что мы, привыкнув к себе, не знаем собственной сути, а она, вполне возможно, столь же уродлива, как отражения в кривых зеркалах комнаты смеха. И тут уже - не до смеха, коли, по правде.

Второй приятель хмыкает, и начинает говорить, оживлённо жестикулируя, о фильме, который смотрел вчера.

Лента машин вьётся, прерываясь на переходе...

Старик ковыляет из булочной, и из пакета его выглядывает горбушка батона.

Собачий ла во дворе перекликается с вороньим граем, чьи шарики падают на землю, как яблоки, но не грозит им разбиться, нет-нет...

- Жаль, фонтан не работает.

- Вспомнил! Давно в клумбу превратили.

В одном из дворов был - слюдяными струями салютующий солнечному дню замечательный фонтанчик, и на скамеечке возле него было так здорово сидеть, мечтать, потягивая пиво...

А клумба в запустенье теперь - ведь финал августа, и последние несколько дней легко перережут нить, на которой подвешен в календаре наших сознаний...

КАК ТАМ НА ТВОЕЙ ПЛАНЕТЕ, ПАПА?

Извини, отец, я не помню, с каких лет помню тебя - прости за тавтологию: фразы рождаются, как миры, чтобы жить своей жизнью, и иное причудливые словесное вкрапление может сулить своеобразие, как погрешность - прелесть.

Мне кажется, вот оно - первое воспоминания: ловлю за хвостик: старая квартира в огромном доме, наполненном коммуналками тесно, как сотами, и мы играем с тобою, вернее - ты со мной, ты улыбаешься, а я прячусь за ножкой стола - большого, со скатертью, белеющей снежно, и выскакиваю, и смеюсь...

И ты смеёшься, и я пробегаю между твоих ног, а ты ловишь меня, и палец у тебя забинтован...

Первая улыбка мира была явлена твоею, папа.

Сколько мне? Года три...

А вот уже... шесть что ли?

Ты учишь меня читать, и тонкая книжица - Подземные жители, - шуршит в моих пальцах листочками, но буквы никак не складываются в слова, и мне кажется, ты сердисься, папа.

Твоя ладонь на моём плече... Я долго почти не читал - до десяти, чтобы потом утонуть в чтении, на десятилетие заменившем внешний мир...

Сколько мы гуляли с тобой! Помнишь?

Вот Екатерининский парк - как он тогда назывался? Замечательный, отливающий золотистой зеленью пруд с утками, и кормили мы их, кроша батон, или ситник, а потом брали лодку на прокат, и ты грёб...

Мешаются воспоминания, теснятся, заливают, захлёстывают сознание...

Мне девятнадцать - и в ночь тебя увозят с сердечным приступом, и я не знаю ещё, что вижу тебя в последний раз.

Утром следующего дня я был в больнице, папа, но в реанимацию не пускают, и я, выйдя из здания, массивно серевшего огромным корпусом, плакал на скамейке соседнего парка под вороний грай - предчувствуя, вероятно.

Позвонили днём - что ты умер.

Суэта была - не до горя, мол, - мама тогда отдыхала в санатории. Помнишь?

Я вызывал похоронного агента, обзванивал знакомых, родных, вызванивал маму в Латвии - советской тогда...

Наплывает из опалового тумана былого - книги, марки, монеты...

Как мы ходили в клуб нумизматов, где на столах мерцало старинное серебро, а люди были хитры и самоуверенны, а ты - физик, путешественник, певец: чего ты только не мог! - в чём-то наивен был... да... едва ли нынешнее время подошло бы тебе, может, поэтому так рано и умер - в 52?

Морг, поминальный зал.

Меня потрясло - не дышишь, хотя знал, что это тело твоё, не ты...

Прогулки по Москве ветвились, тянулись - мы, наверно, проходили в общей сложности несколько лет; мы изучали московские переулки, как науку, ты брал с собой путеводители, старые книги.

А буки, очарование тех старых московских букинистических, где ветхие книги под синеватым стеклом прилавка, казались причудливыми бабочками, несущими собою миры?

Встречались со спекулянтами - ты всегда хорошо зарабатывал, мог позволить дорогие покупки.

Когда я заболел историей кино, ты перезнакомился со всеми тогдашними подпольными торговцами билетами в Иллюзион, и переплачивал столько, что дух захватывало!

Один из этих торговцев, кстати, звонил через месяц после твоей смерти - так странно было.

Мне сейчас чуть меньше, чем тебе, когда ты умер.

Видишь ли ты меня?

как там на твоей планете, папа?

Вечная иллюзия, или не постижимая правда?

Мне мнилось часто, что рядом ты, смотришь на меня, продолжаем говорить, раз так мучительно не договорили за жизнь, за короткие её годы.

...а было - шёл я в снегопад - яблочный, роскошный, шикарно пахнувший - шёл переулками, и собор, встававший на фоне чернеющего неба, был мистичен и таинственен, и почудилось мне, что обогнал ты меня - да, да, это ты, и твоя кожаная куртка, что мама привезла из Польши, поскрипывает, и я спешу за тобой, и ты оборачиваешься, улыбаешься, говоришь:

- Сынок...

Нет, чужой человек обернулся, смущённый, видимо, моим ускорившимся шагом - и я просто обогнал его, думая, как мучительно мне тебя не хватает, отец...

Не хватало все годы...

Где твоя планета, папа? Какие там парки?

Вдруг там слышны мои стихи, а?

У тебя внучок родился - три года ему, сегодня отвели в сад - а я, помнишь, рыдал и бился в первый день, хотел сбежать из сада...

Малышок, который никогда не узнает тебя, тоже не хотел идти, но не рыдал, нет.

Он похож на маленького ангела - светловолосый и голубоглазый... И я иногда, смотря ему в глаза, точно гляжу в себя...

...машины, вдвинутые в арку роскошного леса; вы, взрослые, жарите шашлыки, открываете бутылки вина.

Пруд чернеет неподалёку, и в нём видел я тритона - нежного, золотистого, точно озарившего на миг тёмную воду, видел первый и последний раз в жизни.

А вот вы, выпив, гоняете мяч с дядей Валея (его убьют в 94 году) и дядей Витей (он жив, он похоронил Игорька, сына, который разбился в автокатастрофе 23 лет от роду), и виртуозность с которой ты обводишь их, отбирая у них мяч, лёгкость твоих движений - хотя ты полный уже - поражает обоих: не верили, что много и страстно увлекался спортом, что имел разряды сразу по нескольким видам...

александр балтин

Мимолётное воспоминание, краткая ласка пепельных осенних сумерек - ибо мы гуляем с малышом, твоим внуком, я везу его на детском велосипеде, и скоро он увидит пёструю площадку, и выскочит, побежит к ребяткам...

А это... это что? Тополя золотисто склоняются надо мной, лежащим в коляске, которую везёшь ты, папа, читая одновременно газету - но этого нельзя помнить, приснилось, наверно.

Иногда мне кажется, что приснилось, будто ты умер, что не мог ты умереть, так, шутка, и вот же - зайдёшь, вернувшись с работы, и я выйду тебя встречать, и спрошу:

- Как там на твоей планете, папа?

КОММУНАЛЬНАЯ КАНТАТА

Вороны роняют круглые шарики грая, и медленно плывущий белый пух - тополиный июньский снег - контрастирует с ними, звонкими...

Двор, образованный суммой домов, есть часть сложной, разветвлённой лабиринтом системы - и несложно заплутать среди бесчисленных переходов, арок, тупичков, ежели не знаешь чёткого алгоритма пути.

Один из домов жёлт, громоздок, напоминает старинную хребтообразную крепость; голуби на карнизах его - что ноты, но мелодия не звучит, не звучит...

Дом наполнен коммуналками, и жизнь в нём густа, быт - что крепкозаваренный, настоящий чай, не то борщ, сваренный столь круто, что ложка стоит в нём, не падая.

Скрипят, стреляют половицы паркета; двери массивны, а потолки высоки - и любо ребёнку вглядываться в тонкие трещинки, представляя географическую карту несуществующей страны, мечтать.

На втором этаже живёт часовщик - дядя Костя - и ребёнок порой отправляется в гости к нему: пошуровать. - О, заходи, - приветствует его старый, с желтоватым пергаментным лицом часовщик, и ребёнок, немного робея, проходит к пузатому комоду, из какого выдвигается ящик, наполненный блёстками - колесатыми и с камешками - деталями, и, зачарованный, перебирает их, тихо бормоча что-то...

Пожилая болгарка на четвёртом этаже гадает, и пёстрые карты быстро мелькают в худых склеротических пальцах, обнажая скрытую схему чьей-то судьбы.

- Маш, рассольник выкипает! - режет воздух крик, и спешит заболтавшаяся хозяйка, спешит по длинному, коленчатому коридору на огромную кухню, где четыре плиты организуют пространство, как дома организуют двор. В пасти колонки синие языки пламени - трепещут они, как крохот-

ные флажки...А сковородок! кастрюль! Скарб людской должен бы характеризовать хозяев - да нет, всё похоже: подумаешь - сковородка обожжена сверх меры, да не вычищена кастрюля...

Володька - в истёртом пальто, подвязанным сальной, перекрученной верёвкой, с худым, волчьим лицом - заходит к Вальке-сестре - тихой алкоголичке.

- Буишь?

- А то!

Пьют из грязных, щербатых чашек сладкое тягучее пойло - портвейн, принесенный Володькой, дымят Беломором, пускают ядовитую - по загубленным жизням - слезу.

Витёк - сын Олега: атлета, мастера спорта по толканию ядра - катит по коридору на трёхколёсном велосипеде и распевает что-то, пока Любка - мать - не заорёт на него, или не позовёт ужинать.

Густо дана жизнь, мазки её пестрят, золотятся, чернеют...

Ребёнок во дворе слушает вороний грай, мечтая собрать блёсткие шарики в коробочку...Качели скрипят, и две девочки в песочнице строят нечто.

...гроб вынесли из подъезда, установили на табуретах; старуха рыдала, глядя лоб дорогого покойника; полукругом стояли люди, и ритуальный автобус был запылён.

Мальчишки семи и девяти лет глядят на похороны с лестничной площадки.

- А умирают навсегда? - спрашивает младший.

- А то, - басит тот, кто постарше в ответ. - Страшно?

- Ещё б...

- А давай поклянёмся не умерать никогда!

- Давай, - соглашается младший.

Летнее солнце подчёркивает запылённость окна.

Что дому чья-то конкретная смерть? Чужая трагедия? Провал в смертный проран? Массивный - стоит он вторую сотню лет; выдавший так много смертей, свадеб, радостей, горя, буд-

коммунальная кантата

то пронизанный токами времени, хранит он в себе густую-густую плазму необъяснимой жизни, хранит надёжно - будто и впрямь противореча проискам смерти.

БОЛЬНИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

В боксе инфекционной больницы мариновали долго - брали кровь, меряли температуру, ждал врача - и бронзовые завитки осенних листьев за окнами не развлекали поэта, ибо медленно плавился в незримой печке жара, и только что вскрыли абсцесс.

Под пятьдесят.

В больнице первый раз.

- Пойдёмте, - слышит.

Идёт. Садится, ведомый тёткой, в машину, потом лифт, долгий подъём.

В палате - двое обедают: парнишка и кавказец.

Здоровается, не зная, принято ли представляться.

- Занимайте любую постель! - возглашает санитарка, и он начинает возиться, шурша грубым одеялом, пробуя на вес каменную подушку.

Переодевшись, ложится, и тоска наваливается, давит - надолго ли?

Медленно вызревают сумерки, плавным кораблём из них выплывает вечер...

Появляется четвёртый человек - высокий, круглолицый, улыбчивый...

Нет, думает поэт, и рифмы вяло шевелятся в мозгу: неживые, тусклые, - представляться, наверно, не принято...

Комковатый ужин из вязкой еды, все садятся за стол, быстро шебуршат ложками.

К вечеру доставили ещё одного - полусонного, тоже с высоким градусом жара.

Да, ещё - мусульманин - Хасан, оказалось - совершал намаз, расстилал коврик, становился у стены, закрывал глаза, опускался на колени...

Лор-кабинет находился в слепой кишке, в отростке помещенья, и был мал, тесен, узок.

Зато сам врач - могутен, колоритен: с таким бы посидеть за бутылкой.

- Сейчас раскроем края раны, выпустим гной! - сообщил весело. - Будет бо-бо. Ну-ка.

И пшикнул в рот анестезию.

И сидел поэт - с открытым ртом, беспомощный, испытывая омерзение к себе, к ситуации.

Заглянула заведующая отделением.

- Михал Ваныч, бабушке бы у меня повязку сменить, на какой там день?

- Я подъеду, - обернулся к ней лор. - Вы же рядом тут?

- Ага. Очень обяжете. Бабушке 85.

- Напомните, голубушка только. - И, обращаясь к поэту: Готовы к бо-бо? Ну, поехали...

Отполаскивал горло фурацилином; раковина заплёвана, вся в мерзких сгустках...

- У меня в прошлом году машину вскрыли, - говорил, оторвавшись от планшета Роман. - Занятно - вскрыли, ничего не взяли.

- А было что брать? - поинтересовался Хасан.

- Да было всякое в бардачке.

- Ясно, шпана хулиганит. - Этого зовут Евгений. Крепкий, хозяйственный, матерщинник. - А во - анекдот, - восклицает.

Поэт ложится на свою кровать. Подушка очень неудобная, и хочется домой.

- Уйду в пятницу, - говорит Роман. - Ну его, тоска здесь лежать...

Под капельницей - 15-летний мальчишка. Температура не спадает пятый день. Кашляет, хрипит.

- Тоже сдёрну в пятницу. - Лягает Женя. - Температуру сбьли и ладно...

Коридор, серый линолеум в наشلёпках, решётка перед дверью.

Взад-вперёд.

Коридор. Несколько окон.

Во всех - бронза спокойной осени, лёгкая синь небес.

Смеркается, и город оживает, наливается огнями, безвестный мост вспыхивает нежно-красным цветом, точно повисая в воздухе...

Стой, смотри.

- Мальчики, на уколы.

Гуськом тянутся в процедурный кабинет.

Самые популярные шутки - Ж..а же не железная! Не искал приключений на свою задницу - а вот получи...

Ужин также скучен, как обед и завтрак.

И завтра будет тоже.

Повторяемость скуки убивает мелодию жизни.

Тётка-уборщица балагурит:

- Внучка совсем от рук отбилась, шалава. А где я ей денег возьму, а? На панель что ль мне? Да старовата!

- Избаловались мужики? - хохочет Женя...

Тётка матерится в ответ, смеётся.

От половой тряпки глянцево блестят разводы на линолеуме пола.

Трое сбежали в пятницу, как и обещали.

Суетились, буквально лучась счастьем, балагурили, бросали уходя: счастливо, мужики, поправляйтесь.

Каменная тоска давит поэта - тоже хотел, да не решился, и вот...

Лежит, рифмует, температуры нет, ощущения странные, голова пухнет прозрачным звоном...

В понедельник, бормочет под нос, в понедельник.

Час идёт, как три.

Чернота медленно разливается за окнами.

Нечто томительно гниlostное тянется из души, которой нет никакого дела до приключившейся ангины...

КЛУБ НУМИЗМАТОВ

- А это, простите талеры?

Тощий и какой-то зигзагообразный старик в потёртом костюмчике глядит вполне дружелюбно на подошедшего мужчину средних лет, рядом с которым топчется мальчишка со светящимися глазами.

- Они самые, - отвечает старик.

- И какова же, к примеру, цена?

- Нижний ряд - по триста, верхний по девятьсот.

Мальчишка заворожённо глядит на тёмные крупные кругляши с таинственными изображениями...

В СССР клуб нумизматов помещался в церкви.

Смуцало это кого-то? Едва ли.

Давно переоборудованная под клуб, по субботам принимала она нумизматов.

Столы выстраивались рядами, и на них - в альбомах, планшетах, просто россыпью - монеты: тусклые, яркие, переливающиеся; монеты всего мира - дорогие, очень дорогие, бросовая мелочь, какую покупают обычно детям - пусть географию учат!

И - только один мальчишка, поскольку вход до 16 воспрещён; но отец платит трёшник - зеленоватый и мятый - и проходят вдвоём.

Талеры!

Точно срезы каналов, ведущих в далёкое, практически непредставимое время...

Отец о чём-то говорит со стариком, а мальчишка всё глядит, представляя извивы улиц, толстый кирпич стен, дымоходы, трубы, замки, харчевни, где над огнём медленно вращается вертел с тушей...

- Ну, пошли, сынок.

Они отходят.

Аркадий - важный, как средневековый курфюрст - восседает рядом с вечным своим дружкой, которого кличут - Доктор.

Розовощёкий, с пухлыми ладонями, напоминает он постаревшего херувима.

И, разумеется, и у того, и у другого много чего имеется, но отец покупает сыну только мелкие иностранные монетки, и укладывает их мальчишка в специальную, бабушкой сделанную коробку, смакуя даже и названия стран - Мавритания! Маврикий! Непал!

Мощно тарашится со столов разнообразное серебро.

Стас одноглаз, второй глаз его - стеклянный, а живой - хитрый, бегающий, острый.

- Что? Юбилейники европейские? Садись, гляди. У самого-то что есть?

Некто протягивает небольшой альбомчик.

Стас листает с видимым равнодушием.

- За Сан-Марино пятисотку что хочешь?

- В обмен только.

- Ну, гляди, у меня тут много всякого.

Два дедка - оба седые, с прожелтью - уютно устроившись в уголке, беседуют.

- Ну как?

- Да ничего интересного.

- Не скажи, взял я один ангалтский талерок.

- Ну-ка, ну-ка...

И тусклый кругляш появляется на свет, и выносят ему оценку, и...

- А я, было, у алкаша дукат взял с Цвингли.

- Да, в нашем деле бывают счастливые случайности.

- А то!

Гудень витает над столами.

Страсти варятся в незримом котле.

А где мальчишка с отцом?

А вот они - выходят уже, покидают столь интересные пределы, и мальчишка ощупывает в кармане несколько милых, маленьких монеток, вспоминая талеры...

Интересно - торговали в алтаре?

клуб нумизматов

Седобородый, старый человек, бывший некогда тем мальчишкой, проходит мимо церкви, где некогда помещался клуб нумизматов, глядит в окна, за которыми мерцают острые огоньки свечей, и думает - торговали тогда в алтаре или нет?

И чем-то сам себе напоминает отца - давным-давно умершего, всегда живого, ибо код крови, тайна рода остались в нём - формально взрослом, а на деле таком же мальчишке.

ЖЁЛУДЬ ПАМЯТИ

Продолговатый, туго оформленный жёлудь в складках плаستيкового пакета, где лежали машинка и шарик, показалось, завяз - так показалось отцу, одновременно сажающему малыша на детский велосипед, и старающемуся удержать пакет, по складкам которого, как по ступенькам, жёлудь, точно колобок, убежавший от бабушки с дедушкой, спустился к машинке и лёг между нею и шариком.

До этого малыш скатывал машинку с гладких покатых поверхностей, беловато желтевших вдоль лестниц пустого, огромного павильона на ВДНХ; скатывал, сбегал за нею, победно задирали вверх ручонку, и снова взбирался, чтобы снова спустить машинку.

Гуляли более трёх часов, и игра возле лестниц была последним этапом прогулки, малыш устал, на личико его легла тень сна, и отец понял - пора домой.

Он усадил малыша, пристроил пакет на ручку велосипеда, и покати́л его - выехали с территории выставки, миновали гигантских, вавилонски-роскошных "Рабочего и колхозницу", и застряли на светофоре, чей красный свет длился долго-долго - из-за огромности представленных тут пространств, насыщенных пёстрым движением густой на него метрополии.

Малыш дремал, сложив ручонки на руле, положив на них кудлатую головку; зелёный свет брызнул, наконец, и отец покати́л велосипед - вниз по улице, под взглядом седоватого, но всё же синего, ещё будто летнего, несмотря на сентябрь, неба, и потом - дворами, спускавшимися вниз, мимо детских площадок, проржавевших тополей, и разной обыденной разности - к их дому.

Внёс малыша осторожно по лестнице, вверх повлёк лифт, в зеркале которого привычно своё отражение...

- Спит? - вполголоса спросила мама.

- Спит, - ответил сын, словно сам внутренне преобразаясь в малыша.

Жена в офисе, на работе...

- Давай переложим остороженько. Жалко, до обеда уснул.

И - вынимали, стараясь не беспокоить, малыша, отец нёс его на кроватку, где и раздели: осторожно, медленно.

Малыш перевалился на бок, тихо сопя, глубже уходя в сон.

- Иди обедать, сынок, - сказала мама.

- Сейчас, мама. Переоденусь только.

Они сидят на кухне, едят.

Борщ густ, как мечты о счастье, и сметана расходится в нём плавными полукружьями.

Гуляш с обильной подливкой, созидающей островки и архипелаги в картофельном пюре, и крепкие малосольные огурцы с пупырчатыми спинками и боками.

- Мам, а где у нас на старой квартире книжный шкаф стоял, не могу вспомнить. Буфет в первой комнате, а шкаф?

- Шкаф во второй сынок.

- А-а... Это у стенки, да? платяной, лакированный - и книжный?

- Ну да.

Старая, по наследству доставшаяся мебель, вернее - три предмета: буфет, книжный шкаф, огромное зеркало. Массивные, роскошные изделия, густо покрытые резьбой, где завитушки виноградных листьев переплетаются с тонкими, непонятными элементами декора, а символическое нечто, венчающее буфет, напоминает голову совы. Стёклами глядит книжный шкаф как из-под очков, призывая не забывать о его замечательной начинке.

- А книжные полки помнишь? Гена делал...

- Да, это в первой комнате. - Сын пьёт чай, заедая его золотистым мёдом.

Старая коммуналка, где жили втроём: отец, мама и он - теперь почти пятидесятилетний...

Поздний отец, ребёнок в душе.

Будто в янтаре густого воспоминания всплывает: огромность пространства той коммуналки с трёхметровыми потолками, две комнаты, разнообразье мебели. Письменный стол, чья столешница покрыта замечательными фантастическими разводами возраста у окна первой комнаты, а всего окон было четыре, первый этаж - и выходили они во двор, куда выбегал играть, потом выводил велосипед, потом грузили различные предметы обихода на грузовик, чтобы не вернуться сюда никогда.

Ребёнок сидит за столом и глядит на пышный, ёлочный снегопад - внутри каких-то сложных узоров и орнаментов вспыхивают то изумрудно, то рубиново, и скоро Новый год - и будут везти ёлку на санках, и огнями брызжущий город будет струить пестроту на её тёмное тело.

- А во второй комнате, ма, что стояло между окон?

- Там трельяж был. Мы его не взяли. А потом - аквариум на столике.

Он помнил аквариум: зелёную радость детства, и вспышки, пёстрыми, калейдоскопичными картинками мешалось: посещение Птичьего рынка, где покупали телескопов и скалярйи, и магазинов, где брали для них корм...

А ещё... Хомячок сбежал, - да, он жил потом, после рыбок, и как выбрался из своей клетки было непонятно - но он нашёлся, милый, палевый хомячок, он вывалился из вентиляционного отверстия во второй комнате...

- Надо ж! - удивлялся отец.

Собаки были уже потом.

Белый тюль занавесок тёт, переливаясь, играя складками, и коралловый муар сумерек медленно просачивался в комнату.

По складкам пластикового пакета медленно падающий вниз жёлудь.

- Пойду, посмотрю, ма, как там малыш - спит?

- Сам пока ложись, отдохни.

- Ага. лягу рядом с ним.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ЛАБИРИНТА

В сеть упоительных, московских переулков пойманные ядрышки человеческих жизней...

О, ничего страшного! Ядрышки подвижны, и снабжены сгустками воли, они активны и грустны, делают много, или ничего - так, или иначе живут, как могут...

Первый день осени означен для мальчишки троллейбусной поездкой с родителями, и целлофан делает дачные астры более городскими, лишёнными природного ореола; путь дальше - в низину переулка, откуда поворот ведёт между каменными, весьма красивыми, впрочем, нагромождениями домов, а первый класс представляется мерцающей массой неизвестности, однако не страшщей вовсе, нет-нет.

- Да, сынок, вот ты и школьник, - говорит отец.

Форма жёсткая, и не привычна она пока, не привычна; а у жёлтого здания школы, уютно расположившейся в каменной городской низине, точно в нише, пестреет толпа...

Речь не помнится - вероятно, речи, всё же; а вот десятиклассница, взявшая за руку, и сейчас вызывает интерес - как любой представитель человеческой плазмы: что с ней случилось? Как выросла? Родила ли детей?

Советский мир тяжёл и массивен, как динозавр, не зыблем и огромен; и песни звучат вновь - хотя и ушла советская Атлантида под воду, хотя и оделась ностальгическим радужным светом - звучат вновь советские песни, когда четверть века спустя наступает очередное первое сентября; и мальчишка, смотревший сквозь целлофан на астры в троллейбусе, проходит мимо школы - совсем не той, в которой учился - седобородый, пожилой мальчишка, отведя своего трёхлетнего сына в детский сад, - минует тяжёлое, серо-мрачное здание с портретами классиков, видит совсем других детей - не похожих на тех, советских, - слышит старые песни, и думает - тягуче, мрачно - о многих годах своей жизни, спрессованных разноцветны-

ми слоями, думает о ядрышках человеческих, перетекающих из одного переулка в другой - и всё почему-то кажется игрушечным, не настоящим.

Где он вход в настоящую действительность? Где они - таинственные врата, сулящие большую яркость, чем привычный физический свет?

- Свет - это просто длина волны, - говорит вслух пожилой, седобородый человек, и случайный прохожий вдруг оборачивается:

- Что вы сказали?

- Ничего, - краснеет человек, проходя, ускоряя шаги.

Ничего.

Только этот физический свет и доступен, и жизнь, текущая внутри него, слишком завязана на деньгах, еде, поисках развлечений, разнообразии ощущений и однообразии дней.

Должны быть формы иного света, определившего массивы физического существования, размышляет всё тот же мальчишка, седобородый, пожилой человек, задумчивый мечтатель...

Коридор квартиры играет янтарём паркета, а громоздким библиотечным подобием - ибо стеллажи, уходя под потолок, тянутся вдоль стен - призывает уйти от реальности в художественные миры: переливающиеся, играющие красками: уйти, как было некогда в детстве.

Но это невозможно уже: иго реальности слишком значительно, чрезмерно давяще...

Представляет: старый, мудрый Оккам, медленно отшлифовавший свою бритву, выходит, вооружённый ею, в пространство жизни, покинув чудесную, как рай, готическую библиотеку, и видит несущийся поток машин... Вот они - ложные сущности, думает старик, вот оно - умножение сущностей без надобности...

Или просто пугается - как пугается седобородый персонаж, зайдя в супермаркет: там всё фальшиво, хотя и пригодно к употреблению.

В коридоре, за бра, отражённым высоким зеркалом, заткнут экзотический музыкальный инструмент, некогда привезённый

отцом из Египта: было это в семидесятых, и великая страна ещё не была омрачена бесконечным постсоветским туризмом.

...маленькие, в пластмассовых рамочках кадрики вставлял в диапроектор, и возникали они - пирамиды, желтые и беловатые колоссальные изваянья, возникали, рождая в сознание такое, что реальность московской жизни, бледнея от стыда за себя, удалялась...

На кухне - всё ли, всегда сводимо к быту, пока не явится смерть? - чайник ставится на огонь, и банка кофе достаётся из шкафчика.

Масса деталей, подробностей.

Не есть ли художественная литература просто умножение сущностей - без особой на то надобности? И хочется ещё размышлять про искру Божью - ибо если бы благодаря ей возникли стихи, рассказы, романы, то и судьба большинства подлинных писателей - и уж во всяком случае, их текстов - должна бы быть благополучней, чем была.

Но - тяготы, бесконечные мытарства множества творцов (с маленькой, с маленькой буквы, конечно) - заставляют думать о причудливом устройстве нейронной сети определённых людей, сочиняющих и сочиняющих, вновь и вновь, упорно - как строили египетские пирамиды.

Чайник свистит - так свистел, бывало, в не нужный свисток от старого чайника, разыгравшись, мальчишка, который резвится сейчас в детском саду.

Кофе коричневатый, и струя молока, низвергаемая в него из пакета, опалово мерцающая, рождает новую субстанцию.

Пить кофе, стоя у окна, глядеть на двор - исхоженный, изученный, как собственное прошлое; здесь у гаражей гулял с собаками своими, смерть которых пластами тяжести ложилась в мозг, хотя пласты становились чуть тоньше с годами.

В многообразии бесконечных сил, действующих в мире, всё равно, что делать, ибо капельки любых действий растворяются в огромном океане всеобщности, ничем не меняя перспектив, чей корень никогда неизвестен.

В многообразии мирового коацервата текстов не всё равно добавлять какой? Беспорядочное движение литературных аминокислот не рождает молекулы белка новой жизни, и реальность остаётся прежней, никак не меняясь от книг.

Толстое их могущество!

Дебри мозга, где мхи ассоциаций покрывают камни ощущений собственного возраста... Да, брось! Неспособность разобраться в нейрофизиологии вовсе не повод громоздить слова.

Кофе ли действует?

Сознание ли обнажено до предельной нервной оголённости?

Я и ты путаются, умножаются на не-я, и тень Фихте возникает на стене, отброшенная опытом чтения, возникает, мрачная и одновременно насмешливая, чтобы тут же провалиться в проран вполне индивидуальной жизненной гофманианы, закружившей скучного седобородого человека, путающего я и ты.

Ты погиб на Тридцатилетней войне, в сраженье, когда отряд, крошечной каплей которого ты бы, попал в засаду, и меч здорового шведа, подданного Густава Второго Адольфа, рассёк твой череп, пройдя слои янтарно-золотистого, серо-прожилочного мозга.

Реинкарнация... Не доказуемо и не подтверждаемо, но как переливается в ощущениях! Длинные одежды - чёрные, конечно - рядового иезуита, идущего коридорами консистории; а вот он же - разочаровавшийся в огне веры, не справившийся с чем-то важным, истерзанный сам собою - сует голову в петлю... Не за его ли поступок расплачиваюсь теперь, стягивая и сводя свои мысли и ощущения в тугую точку себя?

Телесная оболочка тяготит под пятьдесят, но желание взлететь, вырваться из неё обманно, ибо камни быта трудно дробятся, а большинством - не дробятся вообще...

Каменные лица часто встречаешь в церкви: отяжелевшие от забот, с глазами, цветом напоминающими отработан-

ный антифриз - обладатели их всё вымаливают что-то, выпрашивают...

Пестрота икон кажется потусторонней, хотя и связана с реальностью нашей - прочно, конкретно: переведите инобытие в наши краски - что получится?

Сколько времени?

Что делает сынок?

Ведь, на полный день в сад пошёл во второй раз всего лишь.

В первый день минут десять стоял у двери, не хотел идти, потом ещё десяток минут неопределённо медлил в раздевалке, и - побежал к ребятам, помчался... Он социабельным будет, сынок, не то, что ты - социофоб.

Ты или я - что предпочтительней?

Но времени мало накапало в чашу дня, рано идти за мальчишкой.

Летними долго-золотистыми месяцами много гуляли по ВДНХ, возил его на детском велосипеде, который надо толкать, и малыш вылезал у фонтанов, забирался на бортики, возил по ним машинки; потом погружался, окунался, растворялся в упоительных мирах детских площадок, и любил спускаться к прудам, где старая лестница уходила в чёрную воду, а подводный мох зеленел и ленивые кувшинки висели на поверхности; а утки кричали, проплывая...

Потом ехали с сынком на "камни", как я говорил - некогда был водоёмчик, но осталось лишь это слоистое, изломистое нагромождение, и малыш забирался на горы, отмахиваясь от моих попыток страховать...

Заурядно находишь себя сидящим у монитора, сочиняющим очередной текст - вязкий и витой, лёгкий и тяжёлый, медлительный, неповоротливый, быстрый, летящий...

Ворона вычерчивает зигзаг за окном - взгляд отвлёкса; птица садится на ветку, чтобы граять, или оглядеть пространство.

Наверно, известно, как она его видит, но ты не знаешь этого, не знаешь, где прочитать об этом.

Мир её другой - и вместе: единый, всеобщий, хотя дело всеобщности осознаётся не многими.

Лестницы ведут наверх, сияя мрамором, и тащат вниз, чернея провалом.

Ворона то же черна, она взлетает, покидая мой взгляд, отдавая его на поживу очередного текста, перескочившего на новую страницу... Слова - странники страниц - перемещаются во фразах, и путешествие их бесконечно - хотя ничего бесконечного не существует, кроме, разумеется, самой бесконечности, которую не представить никак.

Как и рифмующуюся с ней вечность - о чём вы, господа поэты? если о литературе Атлантиды мы не имеем никакого понятия - равно, как о самом факте её существования.

Убеждённым не надо ничего доказывать.

А на сомневающихся - стоит ли тратить силы?

Текст длится, как день, он может быть прерван этой точкой, а может - другой.

Точка, поставленная уверенно, вдруг собирается в сумму мелких круговых волн, вырастая до жажды продолжать текст, как жизнь - так, в школе, отвлѣкшись от материала, излагаемого тем, или иным учителем, видел в разводах школьной парты нутро троянского коня, и водил пальцем по древесному узору столешницы, пока тишина, повисающая в классе, не оказывалась мучительной: снова тебя вызвали, а ты ничего не знаешь.

Бесконечный лабиринт подразумевает бесконечный тупик, ибо золото смысла теряется в бесконечности.

Одиноко ли в лабиринте?

Изведавший много тупиков сомневается в собственной реальности, однако, тело властно предъявляет претензии на явь, и она, разлитая повсюду принимает эти претензии.

Длительность текста не соответствует протяжѣнности мысли - как длина волна способна объяснить только зримый свет.

Рыцарь, убивающий другого, будет убит третьим - идёт война.

Снова часы, их бледное личико в чёрных морщинах стрелок, снова рано - идти за малышом в сад.

Время обеда, и густота рассольника способна отвлечь от чего бы то ни было, на несколько минут сводя к себе всю реальность.

Снова точка, за которой последуют другие...

Гречневая каша с куриной печёной в соусе, и специи усложняют вкус, как всякий новый день усложняет жизнь, удлинняя её лабиринт.

Белизна бумажных листов монитора стала привычной белизны чистых страниц - и сиявших и пугавших когда-то.

Часы дробят время, как мысли и строчки косные камни быта; терпи, так было всегда...

Тобой ли возвращены ассоциативные кусты сознания, или время возделало их, используя книжный опыт, мешая его с опытом самой жизни, где одно наплывает на другое и переходит в третье?

Не знаешь, разгоняя новую фразу, входя в новую фазу бытия.

Сентябрь сияет за окнами, зияя летнею бездной, и только полосы жёсткой ржавчины в тополях свидетельствуют в пользу осени.

...однажды приятель отца, с которым тогда общались, и который говорил, что он один из первых в стране (Советской) начал заниматься парапсихологией, спросил:

- Ты доверяешь Богу?

Хмыкнул, пожав плечами:

- Не знаю, я с ним чай не пил.

Как можно огромно-непредставимую реальность, обозначаемую этим словом, загнать в рамки столь бытово-примитивного вопроса? Не понял он - мальчишка, пожилой седобородый человек, рыцарь, убитый на Тридцатилетней войне...

Вот он в пустотелом внутреннем мире калужского храма, где принял крещение; он смотрит ввысь, стараясь ощутить нечто: вибрации, колебания - в мозгу, в душе.

Вот в католическом соборе в Москве, на Малой Грузинской, громадою своею напоминающим крепость средневековья; он

александр балтин

сидит на скамье, и на колене покрывает четвертушку бумаги рифмованными письменами; потом стоит у вертепа, смотрит в пёстро-сказочный, детски-наивный, густой в подробностях мир.

...и снова глядишь на часы, в поисках точки, и снова нет её - или сжимается, пружиня, ускользая.

И снова проходишь московским переулком, ведомый родителями в первый класс.

И снова ведёшь малыша в детский сад.

Картины наслаиваются друг на друга, медленно созидавая жизнь, из которой уходят люди, оставляя прорехи в пространстве, уходят, чтобы продолжили другие - жить; чтобы никогда не было окончательной точки, и ветвился бесконечный лабиринт, пусть и не в силах сознание представить ничего бесконечного

ОРНАМЕНТЫ ЛИСТВЕННОГО ОПАДА

Миновал белый, как соль, параллелепипед советского ещё кинотеатра, за которым стальным свинцом мерцал квадрат пруда, прошёл мимо сквера, где сентябрь, продолжая работу августа, разорял тополя и клёны, ссылая жёсткие, красиво окрашенные листья на асфальт и траву; прошёл мимо библиотеки, названной в честь классика, мимо несколько, переливающихся стеклом и товарным глянцем, витрин магазинов...

Искал одно из отделений внушительной конторы - известной, разбросанной по Москве множественными филиалами; искал, заглядывая в пакет: на месте ли паспорт, в которой был положен обходной лист - небольшая бумага с графами, дающая освобождения от 30-летнего сидения в одном из отделений могучей конторы.

Сюда поворот?

Но переулки прямые, пересекающие друг друга под таким же углом, и во дворы - манящие московские дворы, с тополиной тенью, и пестротой детских площадок, с милыми собачками, часто резвящимися на траве и непременно толстым котом, уходящим ото всего под облюбованную машину - очевидно не надо сворачивать.

Значит прямо.

Да, вот появилась ограда - серьёзная и прямая, как туповатый охранник в коробке пропускного пункта - куда и надо пойти, чтобы попасть на территорию одного из филиалов.

Кружило, мелькало в голове: вот пришёл работать, восемнадцатилетний, ещё в советские времена, вот компания весёлых парней и девчонок, с несколькими из которых крепко дружил, хотя и пил многовато, после, вот уходят многие из них - кто в раннюю смерть: крематорий, цветная толпа, из которой многие знакомы, косые туши ритуальных автобусов, и гроб сгружают на специальную тележку, и бодрый пузан, какому тамадою быть, катит его к пространному поминальному залу, от-

куда конвейер увезёт в печь; а кто уходил в жизнь - на другие работы, в семью, в отказ от пьянства, с мотивацией: Сколько можно! А на деле: здоровье трещит, и печка печени работает с перебоями...

Вставив пластиковую карту (а фотография на ней! что за ужасное фото - неужели это я? хотя, наверно, так и гляжусь со стороны, ведь под пятьдесят, вся жизнь прошла!) в щель турникета, прошёл, двинулся к зданию кремового цвета и заурядной наружности.

Многодверным оказалось оно, закурил бы, волнуясь, да нельзя на территории.

Ткнулся не в ту дверь, исправил ошибку, обогнув угол дома, и отправился вверх по лестнице - помпезной, с красной ковровой дорожкой...

...когда-то казалось, что после 50 никакой жизни быть не может, отец умер в 52, дед, какого не мог знать, хотя представлял многожды, в 54; и вот давно, 18-ти, 19-тилетнему мнилось, что за пределом, означенным острым алмазом полтинника - ничего нет: мерцающая пустота, копи разочарований, и теперь, когда сам топчется у рубежа, понимает, что многое, если не начнётся за гранью, пойдёт иначе, будет выглядеть по-другому.

Дверь роскошна, явно из дорогого дерева, из цельного, как отлитого природой, массива, и снова надо вставлять пластиковую карту - столь ненавистную почему-то.

Коридоры белые, высоченные потолки наводят на мысли о лабиринте, а синеватый искусственный свет продолговатых ламп даёт ощущение удлинившейся аудитории, где преподают на бегу. Абсурд часто вторгается в сознание, раздвигая его портьеры, и хотя в лицо его не рассмотреть, вынужден смиряться с его суфлёрским шёпотом: бегущий, тощий, подвижнее ртути преподаватель, и за ним несущаяся дранная рать учеников, многоголосье, обрывки афоризмов, скомканные тезисы, и чей-то шепот: Когда же всё это закончится?

Для меня - через несколько дней, улыбается он сам себе, а на деле промелькнувшим теням.

Идёт, читает надписи на дощечках, прибитых к дверям.

Главный юрист.

Когда-то ведь дружили с нею - дамой с юмором, заходившей к ним в отдел, спрашивавшей: Где мой любимый мужчина? - про него. - Никто не обижает? А то всех уволю!

И смеялся в ответ. Пили чай, шутили...

А его непосредственная начальница и вовсе была не-разлей-вода с дамой юристом, властной на деле, но камуфлирующей всё бойким юмором.

...начальница много лет назад вышла на пенсию, выучила дочь, да так удачно, что та стала если не миллионершей, то почти, и ездили с матерью без конца, изучая заграничные уклады, наслаждаясь свободой и покоем денег; а хоронили бывшую начальницу три года назад, на подмосковном кладбище, где сосны рвались в небо, и дочь была деловита, собрана, бесслёзна.

Вот бухгалтерия.

Бухгалтерский учёт всегда казался воплощением скуки, серым сгустком её, и вместе - манил историей, волновал истоками своими так, что представлялась пышность Венецианской республики, где различные товары обретали графы, куда вписывались их названия, а одежды купцов были так пышны, что теперь не представить.

Пышность исторического декорума! По лестницам Византии я спускаюсь к фигурам львов и павлинов, причём последние, окрашенные пёстро, как в жизни, символизируют царствие небесное.

Стукнул в дверь.

- Можно?

За пластиковыми выгородками - десяток тётки, слышно тихое урчанье компьютеров.

У каждой сотрудницы здесь - своё одиночество.

Подписать - быстрее, чем найти.

Снова коридор - что могут символизировать павлины? вот коридоры - да, бесконечно символичны; спустился на второй

этаж, нашёл ещё требуемую службу, получил завитушку подписи в обходном.

И - во дворе; через пункт охраны на улице: как пойти - тем же путём, разматывая его в обратном направлении, или новым, к другой станции метро?

Обратное направление интересней - как будут выглядеть с возвратного ракурса библиотека имени классика, кинотеатр, сквер, пруд?

Иные мелочи бросятся в глаза, остро заденут память, задержаться в ней, другие - промелькнут листьями, с какими играет осенний ветер.

Когда-то страстно любил бесцельное хождение по московским переулкам, перетекание из одного в другой, рассмотрение необычных, имеющих своё лицо зданий, старых церквей, дворов, где можно опуститься на любую скамейку, дымить сигаретой, глядеть на голубей.

Но сегодня ему надо вернуться на службу.

Завтра - ехать в другой филиал, за другими подписями, а послезавтра: в последний раз выпить чаю с коллегами, принести им торт (какой купить? иногда изобилие становится большей проблемой, чем дефицит), распрощаться, и больше никогда, никогда не вспоминать о 30 тяжёлых, таких пустых, страшных, малоденежных годах сидения на службе.

А пока - сверкнул за кинотеатром пруд, и нежный сквер приветствовал идущего новыми орнаментами лиственного опада.

ПОТЕШНАЯ ХРОНИКА

Из ниоткуда - из разливов лугов и лесополос - материализуется, точно мираж, вдруг оказавшийся реальностью - городок: невысокого облика, должно быть скромного нрава, без особых претензий на историческую хронику, да и история, казалось бы, должна обойти его...

Дома всё одноэтажные, и улицы тянутся меж них скучные, пыльноватые, но жителям, видать, по нраву подобное житьё...

Приезжающий ночью выгружается из светящегося жёлтым огнём автобуса, чтобы оказаться на антрацитом отливающей площади - с непременно памятником, - и долго думать, в какую сторону пойти, чтобы найти единственную в городе гостиницу, в номере которой попытка открыть окно обязательно закончится падением рамы...

Городок расширяется дальше: после улиц с низенькими частными домами - редко среди них мелькает более высокий туз - следуют кирпичные коробки, и четыре, пять этажей воспринимаются "небоскрёбным" ростом после низких партикулярных владений...

Будет и ещё площадь, обрамлённая особнячками - из девятнадцатого века, и даже пораньше; тут же и горуправа, и почтамп, и здание суда... А меж двумя магазинами помещается, мерцая гладью, синеватый пруд. И туго, с неохотой верится с длинную историю одного городка, в её тернии и богатства.

Сжатое до сегодняшнего дня время, не позволяет представить монголов - вот мчатся они в захлёсте вихреобразном, налетают на посад, и стрелы свищут; городок был строптив, а наказание за стропливость - кровавым...

...ветшают слои истории, распадаются, и власть иная меняет предшествующую, и долгое время царит здесь Рыбный царь.

Царит он - как всякий царь почитая лишь то, что любит - всё сводя к рыбе, к уловам, всех заставляя тягать в речушке и прудках разнообразную снедь, сдавать ему данью.

Даже сверкание серебряной чешуи приятно ему, такому царю, а уж пиршество!

И терем его был высок - расписной, переливался крышами, где цветные деревянные чешуйки закручены были рыбьими хвостами; и несли, и везли к терему рыбу - много, разнообразно, до бесконечности.

Впрочем, бесконечность не складывается у любой власти, как бы ей того не хотелось.

Рыбного царя сменит Мясной - поведёт бригаду свою, улюлюкая, на роскошный терем, и бригада, упитанная мясом, сокрушит предшественника.

Крики понесутся:

- Что рыба! Рази ж еда! Вот мясо - да!

И рыбьи хвосты на крышах упразднят, а заменят их чем-то неопределённым. И хроника возьмётся писать рифмоплёт и виршеслагатель, не зная, как выслужиться, чем заработать полтинку, тоже стремясь к мясу, к изобилию его...

Прудки и речки теперь нужны только для выращиванья скота, а травы, лугов в окрестностях довольно; и поэтовы хроники не нужны, как не нужна никому мыслительная обуза, ибо есть - наше призвание, есть и торговать.

Купцов принято выводить из яиц, а яйца сии добывать из почв: есть такие золотящиеся слои, и кто нашёл яйцо - будет тому свой купец.

Правда, долго надо возиться, чтобы яйцо возросло, напиталось силой: поливают его разными водами и составами, ждуд кропотливо, и вот - лопается скорлупа, отлетает, как ненужность, и выскакивает он - маленький, розовощёкий, румяный...

Всех купцов свозили к Мясному царю, но каждый привезший получал долю в мясном управстве.

- Самоуправстве! - кричали не способные добыть яйцо и вырастить купца.

Но их затыкали быстро - молодцы, упитанные мясом и кровью, верная надежда мясного царя.

А купцы росли.

Яйца, что находили уже они, были другого свойства - из какого подвода вылупится, из какого товаров упаковки...

Стали купцы потихоньку встречаться в укромных местах, в тёмненьких, жизнью обойдённых закутах; встречаться стали - шушукаться: мол, зачем нам царь? Сами управимся.

А поскольку питались хорошо, да в телах все были - пошли, да и разорили терем, да и повыгоняли бригаду Мясного.

И стала власть купецкая - торговая, тороватая, с прищуром.
- Кто не торгует - виноват! - объявлен было.

И побежал простачок - куда глаза глядят, и поэт припустился было, да купцы границы поставили незримые: прочнее прочного, чтобы ни одна дребедень не просочилась, ущерб торговлишке нанесся.

Меном увлеклись купцы, коли уж удалось набрать столько мелочи:

- А вот кому простачок зуб-с-присвистом?
- А кому поэт что-хощь-зарифмовщик?
- Дурачка нос-с-нашлёпкой не желаете?

Ибо чем они все отличаются - кто не торгует, да у кого деньги с гулькин нос?

У одного глаз косит, у другого бородавка на щеке - вот и вся разница.

Мен у купцов богатый.

Новой власти не предвидится.

Деньга течёт и каплет.

Стали ту деньгу в землю сеять - вдруг да взрастёт?

Сеяли, поливали, минеральные удобрения добывали, руки потирали.

...а шёл к ним в город уже - шёл, аж пыль по дороге клубилась - Начпрям.

Так и именовался, ибо утверждал: Главное, чтобы прямо.

Иначе, полагал он, яма.

И сам был рослый, прямой, с прямыми такими, точно по линейке выкроенными чертами лица.

Шёл, пыль клубилась, вилась за ним - в пыли той купцы, так и не дождавшиеся денежных всходов, и задохнулись: а кто не сумел, того столбом завихрённым унесло.

- Зачем нам купцы-то? - Глаголил Начпрям. - И без них житьё получится. Главное - чтобы прямо.

И стали все всё равнять.

А что?

Не на далёком острове живём - у себя: ровное значит правильное.

Вылезал хроникёр, что-то там кропавший в своей домушке, ворчал - мол, ровной история не бывает! Но жители, устав от купецких кривоватых загибов, быстро с ним разобрались: и в домушку затолкали вновь, и хроники его изорвали, раз не разровнять, и пригрозили - ровненькими такими голосами: Будешь мешать, и тебя выровняем.

Были придуманы даже уравнивательные машины: чтобы всех! ВСЕХ! вытянуть: до Начпряма не получится, конечно, но хоть так, немножко.

Прямомашины стали двигаться по выровненным улицам, и прямоденьги шелестеть приятно, всех радуя...

Всё налаживалось, в общем, только вдруг стал Начпрям кривиться.

Стал - и всё тут, сгибаться стал в сторону всё больше и больше, и вышел - Начкрив.

Тотчас объявлено было, что суть всего в Кривизне, и те, кто раньше прямили охотно, стали кривить: улицы вышли с загогулинами, хроникёр, стервец, оказался прав: прямого история не знает...

Да уж изорвали его хроники-то, а больше он не писал: боялся.

Кривили жители, кривили, да Начкрив взял и загнулся.

И ловко так - через перильца перевалился, будто телом перетёк, лужицей по земле расплылся, да и испарился.

Стали жители, руки расставив, рты раскрыв, кто же управляться-то будет?

Али позвать кого?

- Да не, - выступил хроникёр. Надо ж ему было заместо хроники чем себя занять: Сами найдём, среди себя.

- Кого ж искать-то? Всяких видали - теперь на кого поглядим?

- А вот хоть меня возьмите, - хроникёр сверкнул глазком.

- А что ты нам предложишь?

- Хроники писать! Каждый сидит себе дома, и пишет - об чём заблагорассудится.

В затылках чесать не стали - и без того чёсанные.

Сели - писать.

Каждый у окошка пёрышком скрипит, про шариковые ручки не слышали, скрипит себе - жизнь описывает.

А она - не подарок в конверте к Курицыну дню: такие при Мясном царе праздновали.

Диво потом появилось: помощники хроникёровы, из самых писучих, притащили откуда неизвестно: пишущие машинки.

Стали раздавать.

Каждый брал, и хроники теперь на машинках отстукивал: быстрее шло.

Дома запустили, хозяйство по боку: сидят, стучат.

Дети от голода пусть хоть рёвом надорвутся - некогда: пишем.

Все в писанине погрязли, а хроникёр пуще всех: прямо - как при Начпряме - лентами бумажными всего завернуло, захлестнуло, и удушило, не разорвать было.

Опомнились жители, стали тут уж затылки чесать: как, мол, так вышло, что за писаниной этой и жизни не взвидели?

И давай думать - что теперь...

А уж топал Новак, хлюпал носом, бормотал:

- Всё обновим.

Что ж, встретили и Новака.

Залез он на возвышение деревянное, вытащенное им же из пустующего терема, и стал правой махать:

- Всё обновим! - кричал. - Всё! Всё!

И стали обновлять помаленьку - где старая помойка, там новую навалят, где старый домишко - снесут, новую развалюху вкривь-вкось нагородят.

- Главное, - лозунг был - процесс обновления. А какой уж там результат - хоть чёрт не брат.

С логикой у жителей худо, зато страсть к обновлению разгорелась! Только держи.

А Новак свешивается с балкона терема, кричит:

- Обновлям-с! Миром, дружно! Все в Обновлям-с.

Обновлям-с, - так городок решили звать.

И обновляют - новые помойки растут, развалюхи поднимаются, старый пруд закопают, новый выкопают, да воду, как пустить не знают - и растут ямины: обновлям-с...

Трудились, трудились, а потом подумали - надо бы и Новака обновить, а то что ж... Всё обновлённое, а этот уже старый какой-то: всё с балкона свешивается.

Вытащили его из терема - и давай обновлять.

Он верещит, отбивается - а им-то всё равно, сам же говорил - главное процесс. Тут от него кусочек отрежут, там пришьют.

Стала из него начинка вывалиться, подбирают, на ломти стругают, новую суют.

Не выдержал Новак, да и весь развалился.

Стоят обновлялы над ним, думают - что ж теперь?

Кусочки валяются пёстрые - куда девать-то? На какую из помоек новых оттащить?

Оттащили.

- Что ж мы теперь - не Обновлям-с? - загорюнились.

- Стало быть, нет! - хмыкнул некто.

- Кто ж сам-то? - интересуются.

- Из простецов буду, - говорит.

- Во, и будь нашим водителем! простецов ещё не было.

И стала власть простоватая, жизнь простоватая, всё - проще некуда.

Утром проснулся, чаю попил, да до обеда дрыхни, а жизнь сама идёт, и жизнь эта - простецовая, здоровская.

То за водкою, отоспавшись, соберутся, и давай галдеть:

- В простецах-то лучше, чем в Обновлям-се - делать ничего не надо...

И пьют дальше, и спят дальше, а главный Простец, что в терем перебрался, знай себе позёвывает, да в затылке почёсывает.

Однако, оказалось, что совсем ничего не делать не получается: помойки смердят, в ямины дети падают, да и жрать нечего становится.

Вспомнили и Мясного царя, и Рыбного, и - к Простецу в терем:

- Давай придумывай чего не то!

А он:

- Чего ж я придумую? Простец и есть... Рази вам протецовое житьё надоело?

Суть да дело, ухват да корыто, поглядели сердито, да пошли помойки убирать, ямы засыпать.

А Простец знай себе водку дуёт, да в ус не... дуёт.

Помойки убрали, ямы засыпали, стали даже чего-то делать, о Простеце вспомнили, да расправляться не стали - просто на руках из терема вытащили, да - пинком, катись, куда знаешь.

Дела-то накапливались, накатывались, стали помаленечку переделывать, да тут странный какой-то явился - в платишке, не в платишке, не поймёшь: Мол, как живёте? Не так надо - без Высшего Существа - никуда.

Замерли, глядят на странного, пальцами в ладошках скребут.

- А какое оно - Высшее? - интересуется.

А в платишке им отвечает:

- Невыразимое. Не здешнее. Будет в тереме жить, а вы ему служить обязаны.

- Как же - а ты что ль видал такое?

- Видал. Я - тута, а земле представляю. А вы работайте давайте, надрывайтесь, да меня питайте. И будет вам потом счастье.

- Когда потом-то? - вопрошают.

- А этого, - речёт важно, - никто не знает. Когда Существом заблаговолится.

И - пошёл в терем.

Стали так жить: что наработают, тащат к представителю Высшего Существа.

Тащат, спрашивают, притащив:

- Ну, как оно? Ворочается?

- Сдурели? Нешто дел у него других нет - ворочаться! За всем бдит, всё видит, всех наблюдает, вам счастье потомшнее готовит. А вы - знать себе работайте, да меня питайте.

Работают. Питают.

Стал представитель Высшего существа пузат, мордат, а левым всегда и был.

А жители тощие-претощие, всё работают, всё питают его.

Да устали больно, роптать стали.

- Что это за высшее - когда такого прислал? Не пойдёт так, не хотим больше.

И - в терем.

Лежит представитель на диване, почёсывается.

- Вы, - вскочил, верещит, ногами топчет, - как посмели! Да он... Да оно...

- Ты разберись сперва, кто - Он, Оно... А пока пошёл-ка вон, цел покуда.

Хотел было представитель кидать в них, чем придётся, да они шустрой оказались, даром, что тощие - вытащили его, навалившись гуртом, и - никаких потом.

До границ городка несли - там пинками, катись, мол, и пошли себе, руки отряхивая.

Через какое-то время собрались, сели, задумались.

Стали обсуждать, что у них было, кто ими правил.

- А Кувалд-Задирина помните?

- А то, - галдят. - Всё про кувалды трындел: у кого есть, тот и задира. А кто задира - того и победа. А на что победа, коли делать с ней что не знаешь?

Был у них такой, был, меж Рыбным и Мясным царями, всё задиратьса призывал: главное - победа.

- Недолго мы его терпели. Н-да.

- Точно - зачем такой? Одной из кувалд его же и приголубили. Нехай, победу празднует.

- Гы-гы...

- Хм-гмы...

Всех перебрали - вплоть до последнего.

- Вышшему, мол, служи. А служили-то пузу его ненасытному!

- Точно!

- Так - как же нам дальше жить, а, жители?

Пригорюнились.

Думали, в затылках чесали, да порешили - жить, как все.

Экспедиции наладили - к другим, ездили-путешествовали, узнавали, судили-рядили.

Каквсешное житьё оказалось не трудным - работой чего-нибудь, домик строй, деток расти.

Ну, огородик там ещё, садик - поглядеть, коли от трудов утомишься.

...и с тех пор городок влился в плавный, хотя порой и с воротами крутыми, исторический поток, стал таким же, как все, хоть маленьким, не приметным: из ниоткуда - из разливов лугов и лесополос - материализуется, точно мираж, вдруг оказавшийся реальностью - городок: невысокого облика, должно быть скромного нрава, без особых претензий на историческую хронику, да и история, казалось бы, должна обойти его...

Коль и заедет кто - про историю их не узнает, а в хрониках (их уж потом написали), всё, как у всех.

ВАШЕ ОБЕЛЬЯНСТВО

В одинокой глубине своей ночи бесщётный раз задавал себе вопрос: имел ли право на такой эксперимент? На чрезмерное вторжение в тайны мозга - ибо отвечая многочисленным журналистам и заученно улыбаясь, поскольку кроме хирургии, был вполне светским человеком, даже попадавшим иногда в соответствующую хронику, он заявлял, что наука и этика не совместимы, что эксперимент по пересадке человеческого гипофиза обезьяне имеет тонкое, чисто научное значение; но в недрах ночи - а бессонница была привычна удачному профессору - мучился, не зная: стоило ли...

В институте утром ему сразу же докладывали о поведении обезьяны, собственно - не совсем обезьяны уже, о медленной утрате звериного облика, о режиме питания.

Он шёл в специально оборудованную лабораторию, и там, глядя на своего, как шутил, гомункулуса, поражался изменениям в сером, точно расползающемся, тяжёлом лице: не обезьяньем, не человечесьем.

Дальше следовали анализы, изучения кожного покрова и хвоста - ох, этот хвост! сокращался он постоянно, будто втягиваясь в тело...

- Должно быть, совсем исчезнет, - замечал ассистент профессора.

- Должно быть, - эхом отзывался тот, делая запись.

Он предпочитал тетради, владея, естественно компьютером, но бумажные листы и шариковая ручка были ему домашнее, милее, теплее.

Тяжёлые и как будто мёртвые глаза питомца глядели на всех - на мир, преобразавшийся для изменённого мозга, на творцов, изувечивших шимпанзе...

- Он пропал, профессор! Пропал! - так встретили его в институте в один из осенних дней.

Профессор замер, толком не сняв пальто, застряв рукою в рукаве.

- Утром охранник делал обход, и... окно разбито, провода разорваны, всюду клочья шерсти... И ещё - исчез ваш спортивный костюм (Иногда, ночуя в институте, если много работы было, профессор переодевался в заношенный, удобный).

Суэта завертелась огромной юлою, звонили в полицию, давно знавшую об эксперименте, и сыщики, прибыв, долго возились в кабинете, брали для исследования клочки шерсти и проч.

- Как вы объясните это, профессор?

- Извините, теряюсь в догадках...

Пронюхавшие журналисты осаждали институт:

- Профессор, что произошло с вашим гомункулусом?

- Куда он исчез?

- Каковы будут последствия его исчезновения?

- Удалось ли что-то сделать полиции?

Профессор отшучивался устало, ему не хотелось говорить, не хотелось думать.

Прошло какое-то время.

Безуспешные действия полиции ни к чему не привели, профессор стал заниматься новой работой, и про обезьяну, подвергнутой сложнейшей операции, стали постепенно забывать.

Смутное время волнами накрывало страну; богатые богатели - жирные слоны банков возникали там и здесь; остальные - то есть большинство - точно жили для того, чтобы быть пищей и обслугой богатых; процветал шоу-бизнес: как-то надо было отвлекать массы от хлеба насущного и пота, связанного с добыванием одного хлеба; и дешёвые содержательно, но пышные и дорогие внешне, шоу сверкали повсюду, переливаясь дрянными огнями грошового обогащения тщеславных шутов...

Не мудрено, что в таких условиях возникла партия с угрожающим названием: Разорвать!

Плакаты её - ярко-красные с белыми, горящими, зовущими к мести буквами развешены были повсюду, полиция уставала

срывать их - а потом, как-то неожиданно, оказалось, что множество полицейских состоит в этой партии, или симпатизирует ей; листовки появлялись на гаражах, на заборах, на дверях подъездов.

Программа была проста, бесхитростна и жестока: Разорвать! Тех, кто мешает жить простому люду - рвать! Банки громить! Интеллектуалов-болтунов, доведших страну до адского состояния - вниз, в земляные работы! Безголосых певунов - на каторгу!

Однообразно-примитивное содержание листовок и прокламаций будило и будоражило толпы, и совершенно естественно лидер партии - некто Обельян, чьё прошлое пестрело бело-мутными пятнами - пользовался необыкновенной популярностью.

В кафе за пивом:

- Слышали новую речь Обельяна?

- О, он прав во всём!

- Разорвать-ать-ать...

- Но не всех же!

- Жирнопузых точно.

- Пиво, может, лучше появиться. Официант, кружечку светлого ещё.

Так говорили всюду, поддерживали, ждали изменений.

Официальные структуры, будучи не в силах нейтрализовать рьяного лидера, попробовали приручить его: ему предлагались посты, он гневно отвергал предложения; ему сулили барыши, он посмеивался.

Он был невысок, с длинными руками и корявыми, но ухватистыми пальцами; с тяжёлым, плоским лицом, морщинистым лбом, несколько вывороченными ноздрями, и глазами, цвет которых напоминал осенние лужи.

У него оказалось масса подручных - огромных, тяжелорукых, каменнолицых, готовых ради лидера на всё.

На площадях ради выступлений Обельяна громоздили помосты, их декорировали красной тканью и украшали такого же цвета флагами, и полиция помогала охотно.

Толпы валили слушать.

Он появлялся - он вылезал из дешёвого автомобиля, и толпа начинала аплодировать, впадая в раж.

Он забирался на помост, и голос его - мощный и хриплый - не нуждался в микрофоне, заполняя все закоулки сознаний.

- Разорвать! Всех жирнопузых, мешающих жить вам - простецам, работникам, бедным отцам - разорвать! Кто не пожелает делиться - к ответу! Вас кормят дешёвыми шоу - вон! Сколько можно слушать эту дребедень! Эта пёстрая рябь превращает вас в дебилов! Рвать! Рвать! Рвать!

И толпа бесновалась, готовая рвать уже сейчас.

М., считавшегося звездой, убили в парке собственного особняка, развалив ограду и нейтрализовав охрану.

Банкиры бежали - многие, ибо иных также, как М. либо убили, либо покалечили.

Кровь лилась - явно и тайно, и полиция усердствовала, помогая проливать её.

Ноздри людей раздувались, кулаки сжимались, они жаждали действия - низового, кровавого.

На выборах в парламент Обельян победил, партия его оказалась главенствующей.

Другие депутаты, шурша бумагами, готовили ограждающие законы, путаясь в бессчётных параграфах, и бродя в лабиринтах юридической казуистики - но на первом же заседании люди Обельяна - молчаливо-огромные, деловитые, действующие совместно с людьми в полицейской форме - парламент арестовали.

Вечером Обельян выступал по телевидению.

Он рычал и ревел, он пересыпал свою речь бесконечными: Ры-ы-ы, Гы-ы-ы, Ы-ы-ы, и не было в этой речи ничего, что не слышали бы ранее готовые к ярой крови люди.

Шоу запрещены!

Жёлтая пресса отменена!

Остаются только три правительственные газеты!

Нет банкам - будет один государственный банк.

Предыдущее правительство уже арестовано!

Полиция и моя личная гвардия - вот две силы, на которые мы обопрёмся, восстанавливая построенное некогда, замечательное, разрушенное нечестивцами!

Будем строить!

Ры-ы-ы!

Гы-ы-ы!

Ы-ы-ы!!!

Люди, глядя в телеэкраны на кухнях, в скромных гостиных, в барах, ещё не закрытых (да и вряд ли закроют, ибо Обельяна в них только хвалят), аплодировали, потирали руки, проговаривая - тихо, или вслух: Наконец-то.

В одном из старинных дворцов, в тронном зале, серой мантией окутав своё неказистое тело в сером же мешковатом костюме, на древнем, золочёном троне забытых владык восседал он, поигрывая символами имперской власти. На голове его красовалась корона - крупные жемчуга украшали её.

- Вы нашли его? Почему не притащили? - спрашивал он одного из своих громил.

- Уже везут, Обельян.

- Ха-а... Гы-ы... Я теперь - Ваше Обельянство!

- Так точно, Ваше Обельянство. Уже везут.

...с мешком на голове тащили, руки сзади были замкнуты наручниками, били в живот, но не сильно, давали подзатыльники, чтобы не дёргался; влекли по коридорам, толкали в спину, и, наконец, сорвали мешок, и кинули к подножью трона.

Хирург посмотрел на...

- Узнаёшь, гад? - точно выплюнул Обельян.

- Ты... моя подопытная...

- Заткнись, тварь. Подопытная обезьяна, вишь, я ему. А ну-ка...

Профессора повалили на пол, пинали ногами.

Окровавленный, едва дыша, оставленный на время, он глядел на обезьяну на троне, и ужас тёк из его глаз.

- Вот теперь, гадюка, придётся править вами. Так бы скакал себе по ветвям, бананы кушал. Гы-ы-ы...

ваше обельянство

Ражие молодцы глядели на него с восторгом.

- Вы... - залепетал врач.

- Ваше Обельянство! - пнул его сапогом здоровый полицейский.

Врач - точно в предсмертном накате вернувшихся сил - вскочил и заорал:

- Какое Обельянство! Это же обезьяна, прооперированная мной! Вы что не видите - кому служите!

- Гы-ы-ы...

- Ры-ы-ы...

- Ы-ы-ы...

Неслось отовсюду, ибо полицейских и охранников было много, не сосчитать.

Хирург ополоумевши глядел в лицо...в морду Обельянства: он видел тяжёлую, с грубым рельефом черт плоскость, мутные глаза, прыскавшие злобой, отвратительный, серый, морщинистый лоб. Это было последнее, что он видел, ибо крикнув:

- Банан ему!

Был свален сильными ударами и тут же, у трона, забит на смерть.

- Псам его! - рычал Обельян.

- Слушаем, Ваше Обельянство! - отвечали преданные чело-векообразные.

И наступила эра Обельянства - эра тупой простоты, среднего серого цвета, всеобщего восторга, тотальной милитаризации, вторжения на соседние земли, скучной пропаганды; эра плоской усреднённости, отсутствия чего бы то ни было яркого.

Будет ли она хуже эры неравенства?

Как знать...

Но, как ни прискорбно, похоже других вариантов, кроме этих двух, не существует на земле.

ТЕНЬ СЫНА

Большая белая собака часто встречалась во дворе - дворняга, не прибившаяся к стае, спокойная, мудроглазая.

Её подкармливали, выносили сосиски, хлеб, котлеты - кто, что мог: она ела всё, глядя благодарно на дающих еду.

А потом исчезала - на какое-то: краткое, или долгое время - чтобы непременно вернуться в этот тополиный, уютный двор.

И старик со второго этажа - одинокий, крепкий ещё старик - решил взять псину себе.

Он подкармливал её всегда, когда видел, гладил по холке, говорил с нею.

- Пойдёшь ко мне жить? - спросил раз.

И собака, посмотрев на него круглым взглядом, кивнула.

В специальном магазине - в районе была развитая инфраструктура - он купил шампунь, поводок, миску.

- Вот, - говорил он собаке. - Это будет твоя миска, вот тут, под раковиной. А воду я буду наливать тебе в простую, алюминиевую. Или ты даже молоко пьёшь?

Он вытащил из комода серую миску, и попробовал налить собаке молока, но она отказалась.

- Значит, воду? - спросил старик.

Собака (ему показалась) кивнула.

Теперь он, мучимый бессонницей, рано выходил с ней гулять.

- Решил взять, Иваныч? - спрашивала уборщица.

- А что? Вдвоём веселей.

- Как назвал?

- Джеком.

И собака глядела на уборщицу.

Они гуляли по двору, иногда забредали в соседний, потом возвращались домой, и старик варил овсянку - себе и Джеку.

Потом в кресле старик читал газеты, а Джек лежал у ног - большой, тёплый.

Старик иногда рассказывал ему новости:

- Ты подумай, что делают! Ну, всё у нас против человека!
Вот, дожили...

Джек вздыхал.

Потом старик собирался, и они шли в магазин: покупать еду.

Старик привязывал Джека у перил, тот садился, ждал, озирая знакомое пространство.

Дома старик часто рассказывал о своей жизни - двадцать лет назад с ним случилось страшное: он похоронил сына.

Жена потом ушла от него, уехала к родственникам в Белоруссию, и он доживал один.

Тень сына жила со стариком, и он показывал Джеку старые фотографии.

- Гляди, Джек, вот ему три годика всего. Какой хорошенький, а? В садик только пошёл. Ему нравилось. А вот мальчишки уже - на велике всё гонял. А вот...

Джек кивал понимающе.

Тень сына стояла за креслом.

- Как, Иваныч, - спрашивали на улице - веселей стало?

- Гораздо, - улыбался старик.

- Костей-то тебе занести?

- Всё несите, что есть.

И ему несли - кто кости, кто оставшиеся котлеты, кто обрезки колбасы: к Джеку привыкли.

Интеллигентный какой пёс, говорили.

И старик гулял с ним, говорил, рассказывал про сына и газетные новости, а вечерами глядел телевизор.

Джек устраивался на коврике возле кресла, и ждал, когда старик пойдёт спать, чтобы улечься рядом с кроватью, точно охраняя хозяина.

Однажды старик проснулся оттого, что тень сына очень отчётлива улыбалась ему.

- Мне пора, сынок? - промолвил старик, приподнимаясь на локте.

Тот кивнул, по-прежнему улыбаясь.

- А как же Джек? - вдруг спросил старик.

Сын не ответил. Золотистый ободок сияния окружал его.

Джек проснулся от тяжёлой, давящей тишины.

Он проснулся сразу, резко, и, услышав чёрную, провальную тишь, всё понял.

Он встал лапами на кровать и лизал мёртвое лицо старика.

Потом сел и завыл.

- Что так Джек воет? - спрашивали соседи на второй день.

- Не к добру.

- Надо Иванычу позвонить.

- Звонили, не открывает.

Звонили - и по телефону, и в дверь.

Вызвали милицию, слесаря, тот ломал дверь.

Джек метался между суетящихся ног.

Деньги собрали.

Старика хоронили миром.

Прощались у подъезда, гроб стоял на табуретах, и Джек сидел рядом, и казалось, - он человек.

Потом гроб с телом убрали в машину, двое доброхотов поехали на кладбище, а Джек, уже не воя, бросился вслед, но далеко не смог бежать.

Он сел, и сидел, глядя, пока машина не растворилась в потоке других.

А потом сам он растворился во дворах - сложно устроенных, перетекающих один в другой, и больше никогда не появился.

Где он теперь?

Вероятно, это знает тень стариковского сына.

Но у неё не спросишь.

ОТЕЦ И МАМА

Мама была калужанкой, приехала в Москву в середине пятидесятых - поступать в институт.

Она жила у старой певицы, дальней своей родственницы, некогда блиставшей на сцене Большого: лучшая Аида тридцатых годов, и не было меломана не знавшего её.

Но - потеряла певческий голос, самое страшное, что может случиться с певицей; и всё же ходила к ней весёлая стайка молодёжи, ибо многое могла объяснить, многому научить.

Мама поступила в Пищевой институт, и певица сделала ей прописку.

Отец - коренной москвич, живший в крепком, хотя всего четырёхэтажном доме в Хохловском переулке - был одним из тех, кто ходил к певице.

О! эти вечера у неё!

Никакого, разумеется, алкоголя, только крепкозаваренный чай и сдобные булочки, иногда сладости.

Все молодые, талантливы, все поют, у отца - профессиональный баритон, мог бы делать оперную карьеру, да посчитал занятие это несерьёзным для мужчины, и стал физиком.

Но - страсть к пению оставалось, от Дома учителя он ездил на гастроли в летние месяцы, и хорошо знал обширную мощь Советского Союза. У певицы и познакомились мама и отец.

Я помню эту квартиру, ибо прожил в ней десять первых лет жизни, а певицу не мог знать: она умерла в году, в котором я родился, - хотя скорее так: я родился в году, в каком она умерла - и мама назвала меня в честь неё, ибо имя Александр, как вам известно, двустороннее.

Квартира - в огромном старинном доме, коммуналка с высоченными потолками; и никогда не было склок с соседями, но мир царил, вежливость, помощь.

Клочки первых моих воспоминаний связаны с играми: вот проношусь, как под аркой, между ног отца, он смеётся, ловит

меня, я уворачиваюсь, прячусь под столом, опять выскакиваю. Мама вносит обед с общей кухни... Рассаживаемся за массивным столом, и скатерть пестра, и мне снова хочется нырнуть, спрятаться в полутьме, отмеченной краями скатерти.

Мы много гуляли с отцом - до ВДНХ было недолго ехать, а станция Новослободская поражала взлётом пёстрых, роскошных витражей; мы гуляли по ВДНХ каждые выходные, и всегда только с отцом; мы ходили в Екатерининский парк, называемый тогда иначе, а как? не вспомню уже... Когда я стал постарше, мы путешествовали по Москве, растворялись в её бесчисленных переулках, и отец рассказывал мне об истории той, или иной улицы, того, или иного дома...

А мама ждала нас с обедом.

Она чудесно готовила - и готовит сейчас, несмотря на возраст, и субботние и воскресные семейные трапезы были надёжно окрашены цветами счастья...

Во что мы играем с мамой? Это очень раннее воспоминание, и солдатик в моей руке символизирует нечто, чего не поймать уже, не пощупать.

Мне дарили много игрушек: солдатик, машинки, паровозики; они выстраивались рядами, создавая причудливый и многообразный мир детства.

Лет с шести - моих, разумеется - мы ездили на море: каждое лето, в Анапу, к одним и тем же частникам, у которых снимали комнату.

Ездили и ещё, но это в другом возрасте, с отцом - в Эстонию, и таллинские мистические переулки заворожили меня на всю жизнь, как и дома, и парящие над городом соборы, и цеховые символы, и Старый Томас; и с отцом же - в Ленинград, а с мамой - в Болгарию, где было много солнца, и такую обилие впечатлений, что их не унесёшь ни в каком чемодане.

Мы ходили по букинистическим с папой, собирали монеты и марки; это уже после переезда, когда старый дом остался позади, и мы перебрались в отдельную квартиру - как раз в районе ВДНХ...

- Мам, а где на старой квартире стоял книжный шкаф? Буфет помню - в первой комнате, а шкаф?

- Во второй сынок, у дальней стены.

Припоминается: вторая комната, родительские кровати, моя у одной стены, у другой - платяной шкаф и с ним рядом - старинный, книжный. И шкаф этот, и буфет - все в завитках резьбы - перебрались с нами на новую квартиру.

...настройщик приходил - лечить пианино: колоритный, эффектный старик, и вот - говорят они с отцом о музыке: конкретика стёрлась, но помнится их высокий азарт, великолепная страсть, возвышенность речи.

... гомеопат приглашали ко мне, ибо были проблемы с горлом, и я испугался в первый раз, убежал, прятался в ванной, но - именно он посоветовал поездки к морю, и подобрал нужные препараты: сладкие крохотные шарики прятались в маленьких коробочках, как сокровища, и принимать их, медленно рассасывая, было приятно.

Мама и отец. Определившие жизнь, подарившие её.

Отец умер рано, очень рано для разносторонне одарённого, блестящего мужчины.

Он умер в 52 года, и я, ныне почти достигший одного рубежа, говорю с ним всю жизнь, рассказывая о новостях, о событиях своей, не особо удавшейся, но всё же имеющей какой-то смысл, отмеченной определёнными свершениями - жизни.

Мы ездили в колумбарий с мамой к отцу, в старый крематорий на Шаболовке, входили в пространный, прохладный коридор, со стен которого глядели бесчисленные фото.

Лестница была тяжела, её надо приставить к стене, и подниматься, минуя лица, чтобы положить крохотный букетик на каменную полочку у отцовской плиты.

- Вот, отец, - говорила мама. - Сын - член Союза писателей, и...

- Да не надо, мам, - обрывал я. - Не надо.

Я рано увлёкся литературой, и писать было столь же естественно, как ходить, и книжная реальность надолго заслонила реальность обыкновенную.

Рано стал писать, рано.

Слышал однажды, как отец говорил маме:

- Сын понимает то, что мне уже не понять. Его разговоры про стилистику! он чувствует книги сердцем, иначе не могу истолковать.

И я нечто объяснял отцу, горячася, говорил, как трактую то, или иное место из очередной книги, важно комментировал собственный комментарий.

Однажды, много лет спустя после его смерти, его коллега и друг, - ещё в Союзе, помимо физики занявшийся парапсихологией, - сказал мне:

- Я чувствую, отец доволен тобой.

Я хмыкнул - кто ж поверит парапсихологу?

И всё же - а вдруг?

- Мам, а вдруг и правда, отец доволен мною?

- Конечно, сынок. В это стоит верить.

Маме много лет, но она бодра и деятельна, и еда, которую она готовит, по-прежнему великолепна.

...мы идём по заснеженной Москве: мама, папа и маленький мальчик...

Мощное ядро солнца испускает холодное золото лучей, и лепная небесная синь сияет бездонно.

Город великолепно опушён, зачехлён чудесно - сколько снежной сметаны пролито! сколько накрошено рассыпчатого творога! Розоватые звоны точно слышны в крепком, прокалённом морозцем воздухе, и я начинаю скатывать снежки, кидать их в папу, он смеётся, тоже подхватывает горсти снега, лепит шарики, кидает в меня.

Мама улыбается.

И верится, что никогда не кончится всё это - светлое, хорошее, столь необходимое в жизни.

Верится, что смерти нет.

МУЗЫКА СКОРБИ

Трамвай - из этих новых, напоминающих гоночные болиды - гладко подкатил к остановке, встал, и пожилой человек, вспоминая богатство рынка, с которого возвращался с мамой, вышел за ней, таща тележку на колёсиках, полную снеди...

Мама...

Ей идёт восемьдесят пятый год, но кажется... молодой даже: когда соберётся, когда сама ходит в магазины, готовит обе-ды...

Мама и сын спускаются по ступенькам трамвайной поднож-ки, пересекают свою улицу, и дома глядят на них многоглазо.

Раньше мама часто ездила на рынок одна, теперь - реже, и сын с нею: она пристрастно выбирает продукты, зная торгов-цев, всегда мило общается с ними...

Уютная улица, тихая такая, и множественность дворов, пе-ретекающих один в другой, радуется тополинным избытком, пес-тротой детских площадок.

Мороженая рыба лежит в тележке, и прочее, прочее, а ры-бы мыслей, без конца проплывающие в сознание, не дают по-коя ему - пожилому, остающемуся ребёнком, живущему во вну-тренней Византии собственных сочинений...

Он не знает, что счастлив.

Он не ведаёт, что мама живёт последние месяцы: ведь этого не может быть: она сама шутила, что вечная, понимая, как худо ему, сынку, будет без неё: несмотря на жену и отличного маль-чишку, позднего сынка, - ему, пожилому, седобородому, такому насквозь одинокому, словно обнажённому перед миром.

Они пересекают свой двор.

Мама порывиста, она идёт впереди, у неё столько домашних дел, у неё сын, внук.

Не поверить, что маме идёт 85-ый год.

Не представить, что делятся, переливаясь обыденной разно-стью, последние её месяцы.

Что делали тогда, вернувшись?

Разгружали тележку, квартировавшую обычно на балконе, где мама летом разводила цвета: и сияли они, всей красотой обращённые в мир, переливались огнями лепестков крупные герани...

Разгружали, мама деловито сортировала, куда толстого, скупко отливающего перламутром сазана, куда тугие, налитые помидоры, курчавую зелень, сыр, слезливо глядевший на явь.

Сортировали: обыденно, хозяйски, а он (или ты, не разберёшься с этими определениями) рвался к монитору: всегда казалось, что вот сейчас-то и напишет самое главное, столь необходимое, на деле - не нужное совершенно, хоть и будет опубликовано.

Мальчишка был на даче - со своею мамой.

...как тянул он её, позднюю бабушку, тянул за полу халата: Оля, ку-ку...

И смеялась она, называла его "родной", "котенька" - от котёнка - играла с ним в прятки, с таким забавным, маленьким...

Сколько всего делала ему: одеяльца, подушки, читала стихи, засыпал у неё бывало...

Он живёт и растёт так, будто Оли никогда не было, заняв её, ныне девятилетний, комнату, как она и обещала ему, говоря: Вот, когда меня не будет, комната эта будет твоей.

Страшная правда чудовищных слов овеществилась, и он, мальчишка, живёт весело, гости к нему приходят...

А ты чего бы хотел: пожилой, седобородый, сходящий с ума от невозможности обращения: Мама...

Чтобы рыдал он без конца: как рыдаешь ты, когда никто не видит?

Путаются я и ты - попытка смотреть на себя отстранённо, мол, миллиарды живут без мама, проваливается в собственную малость, нелепость, неумение устраиваться в жизни...

Вот другой мальчишка: совсем в ином районе Москвы, везёт на саночках ёлку, и мама, конечно, рядом, и чёрно-зелёные ветви-лапы пружинят смачно, и снежинки, ювелирные перлы зимы, ложатся на ароматную хвою.

Сколько раз ёлку наряжали с мамой?

Разноцветно вспыхивали тонкие болгарские ёлочные шары, переливались красиво, и украшалась красавица: таинственно, как в сказке...

...помнишь, мама, Болгарию?

Деда Борю, некогда бежавшему из революционной России, осевшему в ней, обретшему там второй дом: семья, дети...

Мы жили у него: чрезвычайно аккуратного, несмотря на возраст всё делал сам, и чистота в квартире была какая-то набожная; готовил нам блюда национальной кухни; а когда гуляли по Софии, рассказывал о многом.

Церкви поразили: совсем не похожие на русские: иной тип православия - о чём не думал тогда, не думал совершенно.

А ты так молода была, мама, ты всегда оставалась молодой...

Тяжёлая скорбь сочится из меня, выходит в мир тугими кольцами, мне не становится легче...

Музыка скорби окрасила мою жизнь - то, что осталось от неё, все пятнадцать месяцев после мамы слушаю эту музыку, не чувствуя маму: ведь должна же где-то быть!

Ведь не могло такое чудесное человеческое существо исчезнуть бесследно...

Вот она в пёстром байковом халате, что висит на гвоздике за дверь её комнаты, разбирает холодец: он будет очень мясной, плотный, крепкий, хоть и дрожащий, как положено.

За день до моего дня рождения: обыденный ритуал: только не вообразить, не представить, что это последний день рождения вместе...

Мама разбирает мясные волоконца, я мелко режу чеснок, что ложится на дно специальных судков; и большая красная кастрюля на плите почти опорожнена.

- Быстро управились,- говорит мама устало.

Последние дни её...

...там должно быть всё иначе: но - насколько не представить жизнь вне тела, настолько не оторваться от мозаики воспоминаний, причём какое-нибудь мелкое, - вдруг подбрасывает память, -становится столь саднящим, что ни слёз не сдержать, ни дома усидеть: идёшь наугад.

Дом, квартира эта: теперь - с вырванным сердцем, со звенящей пустотой, пронзающей весь твой состав...

Халат висит на гвоздике, за дверью маминой комнаты, занятой теперь мальчишкой.

Халат висит: снимал его, заворачивался в тёплые слои, выл, чувствуя, как всей жизнью своей виноват перед мамой, и не становилось легче - совсем, совсем...

...отец умер, когда тебе было девятнадцать, и не серьёзность возраста примиряла с потерей: а тётушке, очень близкой, с которой дружили, на вопрос, ответил: Совсем...

- Папа умер. - Сказал в телефон.

Она охнула - Как?

И ты ляпнул это нелепое, острой молнией режущее - Совсем.

Тогда не думал - о Боге, том свете, посмертье; потом передумал и перечувствовал столько, что не пришёл ни к чему, ни к чему, ни к каким выводам.

Совсем.

В одиночестве было уютно: можно было заворачиваться в мягкие его слои, видеть парящие замшелые мосты, византийские лестницы, дороги Тридцатилетней войны; видеть космос:

музыка скорби

ощущать его - космос духа, соприкасаясь с которым писал свои...

...стихи, рассказы, сказки...

Мама читала всё.

Публикаций было много, возможно, мама гордилась тобой, делилась с подругами: там напечатали, такую-то премию дали...

Какая чепуха!

Всё это, весь этот словесный хлам не стоят и капли живой жизни мамы.

Мы были вместе, ма, драгоценная вечная ма; была полнота бытия, и - прокололи её, сдулось всё, осталась эта полумёртвая квартира, и я - твой пожилой, ничего толком не понявший в жизни сынок, вновь пытающийся строками оживить былое, хоть так вернуться в него, навсегда запретное.

ДУШЕВНАЯ АТЛЕТИКА

Льются ленты времени, штанга ходит вверх-вниз, вверх-вниз: до тугого упора, пока есть силы...

Качалка от завода: но занимаются не только заводчане: и студенты ближайшего вуза ходят, и даже сотрудники его иногда.

Излом советский времён: крошащихся уже в руках истории: скорее - в лапах её, не чувствительных к людской боли.

Вот это - сотрудник вуза: молодой, в очках, столь не соответствующих тренировочным нагрузкам атлетической гимнастики, - но занимается, упорен.

С грохотом падают гири, кручёный мат повисает в воздухе, разматываясь грязными верёвками...

Общаться здесь нужно - бодро, молодецкато, мол, бед нет, есть одна вот эта примитивная накачка силы.

Снова и снова.

Подошёл к стоякам, взял густо нагруженную дисками штангу на хребет, присел, поднялся...

Хорошо!

...тело становится бодро-литым, никакие мысли о Боге и вечности не лезут в голову, о смерти не думаешь...

О душе?

Какая душа?

Знай себе качайся!

А было - пробегая к качалке дворами, сошед с троллейбуса, и срезая углы, так хотелось поскорее - за штангу, видел у одного из подъездов похороны - над примитивной лодкой дешёвого красного гроба рыдала, билась, рвалась куда-то старуха, и некто пожилой поддерживал её...

Отца похоронил несколько месяцев назад.

...опалило язычком воспоминания: Сашка Овчинников - здоровый, под два метра, ражий, лихо расправлявшийся со штангой, гантелями, гирями, рассказывал что-то о тесте, и ты вдруг спросил, сколько ему?

- А фиг знает... Сорок с гаком. - Отвечал...

Сорок свои, невысказанные тогда, проскочил замысловатым гаком, не заметил и пятидесяти, и не вспомнишь уже, когда бросил качаться, посчитав дурью какой-то, пустым расходом сил.

...если бы мама знала, как будешь корчиться от боли, сгорая листком на огне скорбной свечи, да никак не сгоришь - она бы не умерла никогда.

Если бы Бог знал, какие муки испытывает человек, потерявший маму, он не позволил бы смерти внедриться в мир, нашёл бы, как проявить по-иному свою...любовь...

Штанга ходит вверх-вниз, руки наливаются силой, вздуваются тугие грудные мышцы, и мелькнувший в сознание гроб в неизвестный телом, виденный во дворе, проплывает мимо...

Как налить силой свой внутренний, душевный состав, избавив его от тотальной скорби, занявшей тебя всего: так, что только тонкая, пламенеющая коронка безумия осталась по ободку черепа...

Мама, драгоценная мама, в чьём тепле жил; а она жила для тебя, для твоей самореализации (будь она!), а ты... ты жил для того, чтобы мама жила... для тебя.

Такая с ума сводящая путаница, цепочка, страшнее стальной: не разорвать...

...мама растворяется в безднах пространства, как растворилось её маленькое, такое активное и подвижное тело в огне печи; мама нетленной частью соединяющаяся со световыми и звуковыми дугами мира, космоса, инобытия.

Покибытия.

Видящая сквозным, ставшим объёмным зрением муку сына, не могущего тянуть жизнь без неё...

Мама, стремящаяся пройти скорее отрезок пути: сложный, но надо, надо уплотнить...

Пожилой сын, всё возящийся со своими сочинениями, как когда-то, одержим идеей атлетики, возился с гроыхающим железом, - на излёте лет встречающий умную молодую редакторшу, которая...

...Ну да, поведёт его: как вела, взяв за руку мама - в детский сад, в первый класс; поведёт по тропе литературы, уверенно и точно, подсказывая, что стоит, а что нет, как действовать, а как не стоит...

Потом - сидя у неё в гостях: за янтарным чаем и башнями крема украшенным тортом - обсуждают новую его фантазмагорию, где смешаны пласты реальности и собственных фантазий о ней, уговаривает поменять местами некоторые части, кое-что убрать, и вдруг, замолчав на миг, говорит:

- Ты не догадываешься?

Перейдя на ты, хотя моложе на много, моложе...

Он смотрит на неё, чувствуя странные, зыбкие мерцание синеватых глаз.

- Я реинкарнация твоей мамы. Отсюда и...

Спасает ли фантазия?

Отвлекает на миг от ставшего повседневным, как обыденность домашних дел, течения скорби...

...а где-то в другом мире юноша снова ложится на жёсткую скамью, чтобы делать жим лёжа, упорно, пока силы есть; и дома ждёт вечная мама: как ждала всегда, все 54 года...

Потом - чёрным цветом загорелся обрыв.

ПО СЛЕДАМ АЛИСЫ

Пёстрый орнамент из остро сияющих математических формул и богословских текстов, сулящих интересный проход лабиринтами мысли, даёт совершенно неожиданный результат - двойного путешествия Алисы.

Немка Виктория Ганновер, поставившая один из рекордов долгого пребывания на троне, очарованная головоломными приключениями симпатичной девочки, затребовала другие книги автора, и была разочарована, столкнувшись с оранжереями рогатых формул и заумных рассуждения.

Собственно, том про Алису - тоже заумная штука, и, написанная для милой, маленькой девочки, адресуется ко взрослому, готовым более пристрастно рассматривать реальность, стремясь постигнуть, что же она из себя представляет.

...ведь завтра не наступает никогда - не замечали?

Мы пребываем в бесконечно длящемся сегодня, не имея представления о длительности его продолжения.

...что, кстати, вас смущает в Троице?

Ведь ваша жизнь (несмотря на вышесказанное про завтра) состоит из прошлого, настоящего, будущего: то есть также троица.

Или, возьмём пространство: его очевидная цельность также состоит из трёх измерений: то бишь даёт картину три в одном.

...пространство причудливо изгибается: или меняется Алиса?

Ей ненавистен рост, который гусеница-шелкопряд, покуривающая кальян, считает идеальным.

Или весьма - достойным, ведь она, гусеница, именно такого размера.

Множественность точек зрения предлагает квантовую картину мира, который - отчасти - модель мозга, проанатомировав какой, едва ли можно найти ум.

Или можно?

Ведь ум - не более, чем сумма сигналов, вырабатываемых нейронами, их пучками, их связями... - или: гораздо больше?

...падению не будет конца: в случае Алисы оно приводит к интереснейшим результатам: хотелось бы, чтобы и взлёту не было...

Однако, он знаком не многим.

Необходимо научиться вспоминать будущее: сначала будет подташнивать: но процесс таков, что к нему привыкаешь.

Но будущее, будучи переносимым, будет так походить на прошлое, которого нет, будто некто запустил вас в лабиринт, где вместо стен сплошные зеркала.

- Ма, брать на ужин сосиски? - возле магазина спрашивает, логично используя смартфон, мальчишка лет 14.

Льётся ответ.

(Ответы текучи, как предметы, с которыми придётся столкнуться Алисе в одной из глав)...

Но текучесть бывает конкретной, и, мальчишка, получив ответ отправится в магазин: брать сосиски, - или не брать.

Ему сложно рассказать об условности всего: имени, окружающего пространства, собственных ощущений, сладкого, тёплого, отчаяния, веры...

Он же видит, насколько всё конкретно: папа, мама, квартира (могла бы быть и побольше), деньги, папина машина, - или мечта об оной, школа, уроки, Марь Петровна, опять вlepившая тройку...

Всё конкретно - и слёзы, и любовь, и смерть...

Но если обратиться к правде Алисы, окажется, что вовсе и не так: и внутри этой конкретики бурлит такая плазма жизни, в которой не разберёшься.

...ведь дитя, превратившееся в поросё, вырастет в красивую свинку, в то время, как в качестве младенца оно (дитя) было достаточно противным.

Опять же, ежели декларирован дифференцированный вход - для гостей и для слуг, то, как быть тому, кто не является ни тем, ни этим?

Не сталкивались с подобным?

Очень хочется куда-то войти, но условия не позволяют, поскольку вы ни то, ни сё.

Определите-ка себя...

...хотя при дневном свете, да и в круговороте дел, кажется так просто, а вот ночью, особенно, если бессонница входит незримой гостью, и точно спадает дневная кожа - уже затруднительно будет.

Текучность предметов, увиденная Алисой, связана с условностью человеческих целей: достигнув вожделенной, понимаешь, какая же ерунда владела сознанием, однако, стремишься к новой, вполне способной оказаться ещё большим пустяком.

Одним из главным персонажей, кажется, кот: которому нельзя отрубить голову: ибо что же рубить, ежели туловища нет?

Есть, впрочем, улыбка, концентрирующая в себе многое: тут и насмешка над общепризнанной чем-то важным тщетой, и понимание условности - практически всего на свете, и вариант эскапизма, когда от действительности, будь она даже сказочной, необходимо уходить.

Разное, разное.

...только кот Шрёдингера, который и ни жив, и не мёртв, может тягаться с Чеширским; и в том, и в том случае нужен наблюдатель, делающий выводы: правда никто, включая самих котов, не поручиться, что они верны.

И Зазеркалье, и страна чудес много ближе, чем предполагает большинство участников глобальной человеческой мистерии: они отчасти и в нас, в невероятно сложном устройстве мозга, в чудовищно сложном устройстве языка, допускающего игры любыми смыслами, и в том, что никто никогда не узнает, что отражает зеркало, когда в него не глядится никто.

ВАСИЛЁК И ВОДЯНОЙ (сказка)

1

Не каждый мальчишка может похвастаться знакомством с домашним Водяным. Василёк - может.

Он собственно не Василёк, а Василий, но больно не нравилось это имя и ему, и его маме.

Но отец настоял - он вообще всегда настаивал на своём.

Строго, как врач, говорил он некогда маме, а она, (спустя сколько-то лет) рассказала об этом Василию, который уже был Васильком:

- Василий - значит царственный. Время сейчас жёсткое, не-доброе, так пусть это имя поможет ему быть успешным.

И они - Василий и его мама - договорились, что для отца он будет Василием, а для себя самого и мамы - Васильком.

Но всё это теперь не столь интересно Васильку. Интересен ему - Водяной. Его знакомый домашний - весёлый и лукавый - Водяной, живущий в кранах, в размёте душевых струй, в наполняющей ванну воде, живущий в тысяче различных капель и чудесных струек, и, разумеется, невидимый для других.

Дело было так - однажды, вернувшись из школы, где особенно ни с кем не дружилось - пообедав и сделав уроки, Василёк - в полном одиночестве - сидел и мечтал:

Вот бы такого друга, которого ни у кого не было! Такого, чтобы другие его и видеть не могли - и с которым весело б было, и секреты бы ему доверить любые...

Одиночество - сколь бы полным оно ни было - всегда имеет своего гномика - собственно вокруг него оно и существует; гномик, конечно, незрим, но слышит и видит человека, пребывающего в его силовом поле, и иногда помогает ему. Но только, если человек такой, что ему стоит помогать.

И вот, именно такой гномик подсказал Васильку пойти на кухню, поставить чайник, хотя мальчишке и не особенно хотелось чаю. Но гномик обладает чудесной властью - и человек подчиняется ей, даже не зная, зачем ему это нужно.

Итак, Василёк пошёл на кухню, и уже было взял красный, бокастый чайник за чёрную, гнутую ручку, когда заметил у крана - у гнутой шеи его, именуемой забавно - гусёк - некое шевеленье. Мальчик не поверил сперва - он точно знал, что в квартире один, а никаких маленьких животных, какие бы могли убежать и устроиться у крана, у него не было; но пригляделся - и увидел человечка, сидевшего возле крана с красной крышечкой. Человечек был прозрачно синим, и невозможно было сказать - одет ли он, или маленькое тельце издаёт нежное, синеватое сиянье; он сидел - как уже было сказано - возле крана, и болтал ножками - не то обувными в некое подобие туфель-ласт, не то тоже светившимися синевато.

- Удивлён? - спросил человечек, глянув на Васильку, причём глаза его вспыхнули лукавыми искорками.

- Ага, - ответил Василёк, забыв про чайник - который он, кстати сказать, даже и не поднял со столешницы.

- Ещё б, - сказал человечек довольно. - Не каждый может увидеть настоящего домашнего Водяного.

- А ты Водяной? - с замиранием сердца спросил Василёк, ещё до конца не веря, что это реальность.

- А то! - бодренько отозвался человечек.

Василёк протянул - робко и неуверенно - палец: уж очень хотелось коснуться человечка, но тот, подняв ручку, помахал ею в воздухе.

- Погоди, - молвил он. - Сейчас я спущусь, сделаюсь побольше, и тогда мы сможем познакомиться, как следует.

- А мне что делать? - не очень к месту спросил Василёк.

- Ничего, - ответил Водяной. - Отойди чуть от раковины.

Василёк отошёл, не сводя глаз с человечка, а тот - ловко, как по зимней снежной горке съехал по белому боку раковину, причём лёгкий след - чем-то напомнивший след улитки - се-

кунду померцал, и пропал, и возле самого стока, куда вечно забивается мелкая чепуха, человечек завернулся прозрачным винтом, вытягиваясь вверх, и слегка брызгаясь.

Василёк отскочил, хотя совсем не боялся воды, и вот рядом с ним возник Водяной - чуть меньше мальчишки ростом.

Он был в синем костюмчике с нежными зеленоватыми разводами, крепенький, как боровичок, с забавной - впрочем, такого же цвета, как и у людей, рожицей, и очень лукавыми, синими, конечно, глазками.

- Вот, - сказал Водяной, протягивая ручку, которую хотелось назвать лапкой. - Ты, я знаю, Василёк, а я, как уже было сказано - Водяной.

Они обменялись рукопожатием. При чём у водяного ладошка, как и ожидалась, оказалось влажной, что было вовсе не противно, а приятно, и чуть щекотно.

- Ты вот об улитке подумал - когда след за мной на раковине увидел, да? - спросил Водяной.

- Да. - Ответил Василёк удивлённо. - А откуда ты знаешь? Ты умеешь читать мысли?

- Мысли я умею читать иногда - когда они касаются воды, и разных существ, связанных с нею. Но вообще мысли обитателей квартир читать совсем не сложно - они простенькие очень и совсем одинаковые. Но дело не в этом. Я просто знаю, что когда я маленький, и съезжаю по раковине, то остаётся коротко светящийся след.

- А я никак не мог понять, - сказал Василёк - ты одет, или это такое вокруг тебя свечение?

- Я могу и так и так, - ответил Водяной. - Когда я маленький, я свечусь, а когда увеличиваюсь, на мне появляется эта водяная одежда.

- Почему водяная?

- Потому что я Водяной. Но если ты будешь бесконечно прерывать меня мы никогда не дойдём до улитки.

- А мы должны дойти до неё?

- Конечно. Ибо все улитки, которых ты встречал до этого - вовсе не улитки, а так - мелочь, чепуха пузатая.

Василёк стал вспоминать разных улиток, которых ему доводилось видеть - на даче, ползущих по листьям, в прудах, в аквариумах знакомых...

- И не вспоминай, - прервал его Водяной, и Василёк вспомнил, что тот легко читает мысли, связанные с водными существами. - Всё это - не улитки. Вернее - не настоящие улитки.

- А какие настоящие? - полюбопытствовал мальчик.

- Настоящая улитка, - и Водяной поднял назидательно палец, - та, что имеет домик, в какой могут зайти её друзья.

- Ух ты, - восхитился Василёк. Он никогда не слышал, что улитки бывают настоящими и ненастоящими.

- И тебя - поскольку ты в меня веришь, - и лукавые искорки полетели - вернее, поплыли по воздуху, поскольку водяной посмотрел на мальчишку, - я возьму в гости к одной из настоящих улиток.

- Правда? - обрадовался мальчишка.

- Конечно, правда. А иначе зачем я здесь?

- И как же поедем к этой настоящей улитке?

- На водном транспорте, конечно, - важно произнёс Водяной. - К настоящей улитке иначе никак не добраться.

- А где мы возьмём такой!

- Ох, какой любопытный мальчишка! Впрочем, конечно, другой бы меня не увидел. - Тут Водяной коснулся чайника. - Транспорт будет он - ведь мы познакомились с тобой, благодаря ему.

И тут из носа чайника вырвался пар, хотя он стоял всего лишь на столешнице, а не на плите. Пар разлетелся тысячей загадочных брызг, окутал чайник, и он стал меняться на глазах - бока его разошлись в стороны, нос вытянулся вперёд, недра раскрылись и внутри, оказалось, есть уютные - синенькие, конечно,- сиденьца.

Кухня тоже слегка увеличилась, и чайник - размером с маленькую лодку - пробасил:

- Ну, поплыли?

- Вот здорово! - восхитился Василёк. - У нас будет говорящая лодка.

- Я не лодка! - обиженно пробасил чайник. - Я чайник, временно ставший лодкой.

- Прыгай! - скомандовал Водяной.

И они прыгнули одновременно.

- Какие мягкие сиденья, - Василёк ещё несколько раз - осторожно и аккуратно - подпрыгнул на синеньких подушка.

- А то, - сказал Водяной, махнув ручкой.

И тотчас кран - такой обычный, скучный кран - вытянулся, как хобот слона, раскрылся, как ворота, и зазвучала тихая музыка синевато-серой, похожей на речную воды.

Вода качнулась - чайник, временно ставший лодкой, легко взлетел, и сразу же приводнился, мерно покачиваясь, постоял минуту-другую, и поплыл - сам собою, легко и свободно.

- А далеко ли плыть до настоящей улитки? - спросил Василёк нового знакомого.

- Это зависит от самой улитки. Они бывают двух видов - совсем настоящие и настоящие понарошку. Те, какие понарошку, только делают вид, что они настоящие, они совсем неинтересны, но настоящие... о, это чудесные улитки...

- Так к какой же мы плывём? - слегка запутался Василёк

- К самой что ни на есть настоящей! - гордо молвил Водяной. - Разве повёз бы я тебя к другой?

Берега вокруг текли и переливались многокрасочно. Длинные лианы тянули свои зеленоватые руки к геометрическим плодам, росшим на деревьях, чьи странные формы не могли не повеселить. Василёк глядел, как один подвижный треугольник, оторвавшись от ветки, покачнувшейся слегка, увернулся от лапки лианы, и проскользнув в толстое тело круга, растворился в пространстве.

- Ну и ну!

Водяной коротко усмехнулся.

- Тебя больше не интересует далеко ли до настоящей улитки?

- Интересует, конечно, - откликнулся Василёк. - Но тут вообще столько всего интересного!

- Так вот - настоящие улитки живут везде. - Авторитетно сказал Водяной.

- То есть? - переспросил Василёк, наблюдая за манипуляциями ромба - он стремился нанизаться на красную светящуюся пирамиду, что никак - ну совсем никак - не удавалось.

- То есть, мы можем приплыть в любой момент. Или отодвинуть этот момент.

- А разве момент можно отодвинуть?

- Вообще это зависит от самого момента. Бывают, конечно, особо упрямые. Но наш - покладистый. И мы его легко отодвинем. И так, если тебе надоело плыть - то мы уже приплыли.

- А мне не надоело, - сказал Василёк.

- Тогда поплаваем ещё немножко.

- А нельзя ли заманить какую-нибудь из фигурок к нам в лодку?

- Попрошу не забывать, - басовито напомнил чайник, - что я чайник, временно ставший лодкой.

- Конечно, конечно, извини, - быстро сказал Василёк.

- Можно. - Ответил Водяной. - Вон тот квадрат, по-моему вполне подходит на роль гостя прогулки.

- А бывают такие гости?

- Бывают. Гости бывают всякие. - И Водяной обратился к шустрому квадрату, перепрыгнувшему только что катившееся куда-то кольцо.

- Уважаемый квадрат, не угодно ли?..

- Угодно, - прервал его нагловатый квадрат, сделал длинный прыжок и оказался между Водяным и Васильком.

- Всем привет, - крикнул он, одной из сторон своих снимая шляпу, которую раньше не было видно. - Я квадрат, что понятно, а вы?

Друзья представились.

- А плывём мы, - сказал Василёк, - на чайнике, временно ставшим лодкой.

Чайник басовито погудел.

- А куда плывёте? - спросил квадрат.

- Мы плывём к настоящей улитке, - с гордостью сказал Василёк, помня, что немногие знают настоящим улиток.

- О-о-о! - протянул квадрат, и подбросил вверх свою шляпу. Та взмахнула крылышками и полетела за неуёмным кольцом. - Тогда стоит спеть!

И он затянул:

Мы плывём, мы плывём, в гости мы плывём к улитке,
Никакой, никакой вовсе нету здесь ошибки -
Нету совершенно никакой.
Ждёт ли нас? Нет не ждёт, никого вообще улитка,
Ничего, раз добра, нету никакой ошибки,
Никакой, никакой
Вовсе нету здесь ошибки.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Тру-ля, тру-ля, тру-ля-ля...

При этих тру-ля-ля, квадрат поймал из воздуха шляпу, так никого и не догнавшую, дважды подкинул её, и окончательно отпустил на волю.

- Не хотите ли с нами к улитке, уважаемый квадрат? - спросил Водяной, несколько церемонно.

- Нет, благодарю, - ответил тот. - Я был у неё вчера. И к тому же мне надо решить проблему с треугольником. Он сильно зазнаётся - будто забыл, что у него только три стороны, а у меня - четыре. К тому же, надо догнать кольцо.

- Тогда, мы приплыли. - Сказал Водяной.

- Прощайте, - весело крикнул квадрат. - Приятно было познакомиться.

Он выпрыгнул за борт, и, весело, брызгаясь, покатился по реке.

- Как же мы приплыли? - Спросил Василёк.

- А вот так, - ответил Водяной.

И - Василёк увидел: в тени дерева, чьи корни уходили прямо в воду, а крона упиралась в небо, цветасто составленное из разных геометрических фигур, находился домик, напоминав-

ший раковину, и над овальным входом была надпись - Дом настоящей улитки.

Они сошли на берег, и трава прошелестела им приветствие.

- Траве необходимо ответить, - сказал Водяной. - Жаль, что мы не захватили для неё гостинец.

Чайник, издав довольно сложный гудок, быстренько свернулся, и принял свой изначальный вид.

- А это, - после того, как они поприветствовали траву, сказал Водяной, - гостинец для улитки.

И он подхватил - ловко и кругло - первоначальный чайник.

- Как? - растерялся Василёк. - А на чём же мы поплывём назад?

- Не беспокойся, - басовито ответил чайник, - чайники вроде меня - то есть настоящие чайники - умеют отбрасывать тень. Тень эта подождёт вас, и послужит вам лодкой.

И действительно - на траве обозначилась приятная серая тень, несколько продолговатая и уютная.

- Я подожду, - подтвердила она.

Водяной позвонил.

Улитка - напоминавшая уютную бабушку в чепчике, из которого мило поднимались мягкие рожки, и в сереньком платьице - плавно отворила дверь.

- А, это вы, - пропела она. - Заходите, заходите. Я почему-то так и подумала, что это вы.

- Мы привезли вам чайник, досточтимая настоящая улитка, - молвил Водяной, протягивая ей чайник.

- Чудесно, чудесно. - Голос у улитки был округлый и влажный. - Тем более, что вы уже плыли на нём, и значит опыт его обогатился. А чайники с обогащённым опытом всегда интереснее просто чайников. Ну, прошу.

И они проследовали в единственную - тоже округлую, но совершенно не влажную - комнату настоящей улитки. Стол был, естественно, зелен, и стульев вокруг него - точно три. Под балахоном из чего-то зеленого, слегка качавшегося располагалась постель, а мебель - низенькая, коричне-

вая - комоды, шкафы и проч. - стояла, как ей и полагается, вдоль стен.

Чайник поставили на тумбочку, и он закипел сам, бодро выбросив струйку пара.

Тут же - весёлым рядом вылетели из комода чашки, ложки, сахарница - и разместились на столе аккуратно, как полагается. А варенье улитка достала сама.

- Варенье требует особого отношения, - пояснила она. - Никуда не годится, если оно обидится. Обиженное варенье становится горьким, и вообще - может уйти из дома.

- Как же оно уйдёт? У него же нет ножек... - усомнился Василёк.

- Это совершенно неважно, - пояснила Улитка. - У обиженного варенья вполне могут вырасти лапки, и оно пойдёт искать себе другого хозяина.

Улитка предложила садиться. Взлетевший чайник наполнил чашки, причём из носика его лился самый настоящий, карминно-крепкий чай, а вовсе не кипяток; и они расселись, раскладывая по розеточкам - те проступили на столешнице сами, без напоминанья - варенья.

- Думаю, - сказал Водяной. - Нашему другу будет интересно узнать, из чего оно.

- О, это особое, улитковое варенье, - с гордостью произнесла улитка. - Его рецепт перешёл ко мне от бабушки, а той... Уже сложно сказать от кого. И главная его особенность заключается в том, что никто не знает, из чего оно.

- Как же так? - растерялся Василёк.

- Очень просто. Вы ставите пустую банку в комод и очень просите варенье - тут главное не просто попросить, а очень попросить - чтобы оно поселилось в нём. В зависимости от силы просьбы, оно появляется или на другой день, или через месяц...

- Или вообще никогда, - закончил Водяной. - Я слышал про это улитковое варенье. Но главное - у него такой вкус, какой тебе хочется.

- Правда? - обрадовался Василёк, скорее зачерпывая ложечкой массу. - О, - довольно зажмурился он, - клубника.

- А у меня, - деликатно пробуя, сказал Водяной, - вода.

- Как вода? - не понял Василёк.

- Ну, я же не питаюсь ничем, кроме воды, - пояснил Водяной.

- Только в качестве варенья - у меня особенно густая вода.

- А что у вас? - вежливо поинтересовался Василёк у улитки.

Улитка зажмурилась, точно прислушиваясь к ощущеньям.

- Никак не привыкну к его свойствам, - призналась она. - Иногда оно напоминает по вкусу цветы кувшинки, иногда становится совсем безвкусным. Сейчас...пожалуй, оно походит на вкус треугольника.

- А разве треугольники едят? - удивился Василёк.

- Да, но только треугольники. Ни в коем случае нельзя есть ромбы, квадраты и прочие фигуры, а треугольники весьма легки и приятны на вкус.

- А с нами плыл один квадрат - весёлый такой, у него была шляпа и он пел песенку, - сообщил Василёк.

- Я знаю этот квадрат, - сказала улитка. - Он, бывает, заходит ко мне в гости. Иногда рассказывает забавные истории. Правда, в последнее время зациклился на кольце, которое он должен почему-то догнать. Втемяшилось ему в голову...

- Разве у него есть голова?

- Не знаю, - честно призналась улитка. - Но думает же он чем-то, когда распекает песенки.

- Дорогая улитка, - сказал Водяной, прихлёбывая чай, - многие существа способны думать желудком, ногами, или другими частями тела. Так, что я не стал бы утверждать, что у квадрата есть голова.

- С другой стороны, - задумчиво произнёс Василёк - я никогда не встречал квадратов с ногами, или желудком.

- Бывают невидимые желудки, - авторитетно пояснила улитка. - У треугольника он, например, может помещаться в самом его центре. Но ноги ему действительно ни к чему - он и без них шустро двигается.

- А вот мне интересно, уважаемая улитка, - произнёс Василёк, - как же вы раньше пили чай, если у вас не было чайника.

- О, это совсем не сложно, - пояснила улитка. - Во-первых, у меня было несколько чайников - поочерёдно, не сразу. Но все они обиделись - чайники вообще обидчивый народец, и ушли. У обиженных чайников, как и у обиженного варенья, тотчас отрастают ножки. Они думали, что лишат меня возможности пить чай. Но - не тут-то были! Мои друзья - водяные лилии и кувшинки, которые столь добры, что позволяют мне иногда полакомиться своими частями, охотно производили чай для меня. Они умеют выращивать его - прямо горячий, карминно-красный - в недрах своих цветков, и щедро делятся с друзьями.

- Хотел бы я попробовать такой чай, - мечтательно протянул Василёк.

- Увы, - отозвалась улитка. - Этот чай - только для настоящих улиток.

- Вот видишь, - обратился Водяной к Васильку, - как мы угадали с нашим подарком.

- Да, - молвила улитка, - нет ничего важнее, чем угадать с подарком. Но, друзья мои, - спросила она, - мне любопытно, куда выплыли вообще? Был ли у вас маршрут?

- Нет, никакого, - честно признался Василёк.

- Ну как же, - заметил Водяной. - Маршрут, конечно, был, просто ты его не заметил. Маршрут - уплыть от одиночества, гномик которого может дать замечательные подсказки.

- А, этот гномик известен мне, - воскликнула улитка. - Он иногда заходит, рассказывает всякие истории.

- Значит, вы видели его? - спросил Василёк.

- Нет, увы, его невозможно видеть. Да и слышать что он говорит, можно только в себе.

- Я слышу, - сказал Василёк. - Такое нежное что-то. Иногда, правда, очень скучное, сероватое...

- Главное - слышишь, это уже хорошо.

Чай закончился, и улитка спросила:

- Но куда же вы планировали отправиться, навестив меня? Василёк пожал плечами.

- Куда? - переспросил Водяной. - О, это просто. Чудесная наша водная тропка сама приведёт куда-нибудь. Если, конечно, Василёк захочет плыть.

- Я? Я? Здорово! Только и мечтаю об этом.

- Тогда, - сказал Водяной, - отправимся, не будем тянуть. Спасибо за чай, дорогая улитка, и всего хорошего.

Улитка, двигаясь привычно-плавно, проводила их до дверей, и объяснила, что улитки - особенно настоящие - вообще не любят покидать своего домика.

Потом улитка стояла и смотрела, как Василёк и Водяной подошли к терпеливо ждавшей их тени чайника, и она стала расти, плавно стекая в воду, покачиваться, превращаясь в удобную лодку; и когда они устроились на подушках, Василёк помахал улитке рукой, а она в ответ прощально качнула рожками.

- Какая она милая, - сказал Василёк.

- Настоящие улитки все милые, - объяснил Водяной. - Они никогда не ворчат и всегда всех угощают чаем. Если у них, конечно, есть чайники.

Серая вода переливалась синими, некрупными волнами, иногда вспыхивала майской зеленью, а то - отливала золотом августа, и Василёк поинтересовался, куда они на этот раз.

- Пожалуй, - задумчиво сказал Водяной, чуть увеличившись в размерах, - я познакомлю тебя с весёлыми креветками.

- А почему ты стал больше?

- Разве? - отозвался Водяной, принимая прошлое обличье.

- Я и не заметил. С Водяными, когда они задумаются, такое случается - то они чуть вырастут, то уменьшатся.

- Только не уменьшайся, - попросил Василёк. - Если ты уменьшишься, а потом исчезнешь, то как же я попаду домой.

- О, за это не беспокойся, - твёрдо пообещал Водяной. - Бросить тебя я не могу. Потому что ты веришь в меня. А бросить того, кто в него верит - ни один Водяной никогда не решится. Таково наше правило.

- А есть ещё и другие?

- Есть, - ответил Водяной. - Но они - неинтересные.

- Вон, глянь, - тут же показал он на облачко брызг, двигавшееся довольно быстро. - Это же наш знакомый - квадрат.

И точно - быстро-быстро - как маленький пароходик - им навстречу мчался квадрат.

Когда поравнялись, он развернулся, и они поплыли рядом.

- Вам удалось догнать кольцо, уважаемый квадрат? - поинтересовался Василёк.

- Нет, - ответил квадрат, отфыркиваясь. - Всё время убегает куда-то.

- А зачем оно вам вообще?

- А я хочу спросить, - не замедляя хода, сказал квадрат, - как мне стать кольцом. Думаю, оно не хочет отвечать, вот и убегает постоянно.

- А зачем?

- Зачем убегает? Ну я же сказал, чтобы не отвечать.

- Нет, зачем вам становиться кольцом?

- А мне надоело быть квадратом. Представляешь, какая тоска - всё время квадрат, да квадрат. Даже песенки не помогают. Думаю, поискать его за домиком улитки - это вредное, как повидло, кольцо.

- Разве повидло бывает вредным?

- Повидло-то? Конечно. Вот варенье - никогда.

- Ладно, поплыву. - И квадрат развернулся на ходу. - Пока.

Вода вспенилась, он пропал на миг, но тут же вынырнул, и быстро-быстро, как маленький пароходик, помчался...вернее, поплыл...

- Итак, креветки, - сказал Водяной, зачерпнув воды и плеснув ею себе в лицо. Капельки прошли сквозь кожу, и на секунду лицо Водяного сделалось румяным от счастья. - Как ты понимаешь, креветки очень не любят, когда их едят. Особенно, если это весёлые, жизнелюбивые креветки. Поэтому, в отличие от настоящих улиток, которые живут везде, креветки прячутся. Опять же весёлым креветкам тягостно одиночество, да-

же если они распевают внутри него, шевеля усиками. Именно поэтому, живут они в основном парами - пара тут, пара там. Иногда можно просмотреть глаза, выискивая их - по всем признакам, тут должны быть креветки - а их почему-то нет. Но мы найдём. Не переживай.

- Найдёте, конечно, - промолвила лодка, которая раньше была тенью чайника. - Тем более, что одна пара живёт вон там.

- Где? - спросил Водяной. - Ты не могла бы сказать точнее.

- Там - это означает там. А не здесь, и не тут.

- Ну, хотя бы рукой покажи.

- Я показала бы, - несколько обиженно сказала лодка. - Но у меня нет руки. А там - это значит приплыли.

И она остановилась посередине водной тропы, покачиваясь недовольно.

- Ну вот, стали, - разочарованно протянул Василёк.

- Стали потому, что надо, - сказала лодка. - Прислушайтесь.

Друзья прислушались.

И услышали:

Мы весёлые креветки,
Наши усики, как ветки,
Ими шевелим всегда,
Чтоб не смыла нас вода.
Мы креветки, мы креветки,
Нам не нравятся объедки -
Только чистая вода
Наша милая среда.
Мы весёлые креветки,
Хоть отчасти привередки -
В грязной не живём воде.
И не верим ерунде.

- Распевают. - Сказал Водяной. - Значит они тут.

- Ещё бы, - отозвалась лодка. - Если есть песня, значит, будут и креветки. Не бывает же песня без креветки.

- Уважаемые креветки, - обратился Водяной прямо к воде.

- Не могли бы вы показаться. Я бы хотел вас познакомить со своим другом. Он очень милый и воспитанный мальчик.

- Не-а, - слышалось из-под воды. - Лучше прыгайте сюда, к нам.

- Как же мы прыгнем к вам? - удивился Водяной. - Василёк же не сможет дышать под воду.

- Вот ерунда. Почему это? Надо просто представить, что вода - это воздух. Ну, давайте, прыгайте.

И друзья прыгнули.

Василёк усиленно представлял, что вода - это воздух. И - получилось. Дышалось легко и славно, как на природе, за городом.

Спустились к креветкам быстро. Те, как на креслах, сидели в углубления больших коряг.

- Тут есть ещё несколько углублений, - сказала одна из креветок: покрупнее. - Вы можете присесть.

Друзья присели.

- Вот и славно, - сказала одна из креветок. - Мы бы вас чем-нибудь угостили, но у нас тут и у самих ничего нет.

- Чем же вы питаетесь? - полюбопытствовал Василёк.

- Той же водой, - ответила креветка.

Нагнувшись к Водяному, Василёк спросил того - тихо, чтоб не услышали креветки - Нужны бы узнать, как их зовут.

Водяной согласно кивнул.

- Уважаемые креветки, - сказал он. - Вот мой друг интересуется, как вас зовут. Согласитесь очень неудобно всё время называть вас - креветки. Не говоря уже, что это было бы невежливо.

- А нас так и зовут - креветки, - ответила одна.

- И так вы обращаетесь друг к другу?

- Ну да, - молвила та же. - Нас тут только две, так что не перепутаете.

- А что вы делаете целыми днями?

- Сидим в креслицах. - Весело отвечала вторая креветка. - И горланим наши песенки.

- И много их у вас?

- Порядочно. Но главное, что это порядочные песенки. Например - вот эта.

И они заголосили:

Преста-вреста-преста-та,
Под водою красота,
ни тебе ужасных
Хищных птиц опасных.
Ни жуков грозящих,
Ни забот манящих.
В общем - преста-вреста-та,
Под водою красота.

- Упс! - закончила уже одна из них.

- А что - Упс - нельзя петь вдвоём? - спросил Василёк.

- Нет, конечно, - ответила креветка, но не та, что пропела Упс. - Вдвоём Упс петь нельзя. Он может оскорбиться за раздвоенность, превратиться в кого-нибудь, и уплыть.

- Или уйти, - предположил Водяной.

- Нет, - сказал креветка. - Под водою ходить нельзя, только плавать.

- Так или иначе, - подытожила другая креветка. - Но Упс вдвоём не поётся. В этом его особенность.

- А ведь, - лукаво улыбнулся Водяной, - вы были неправы, говоря, что нечем нас угостить. Вы угостили нас песенкой.

- Ну, если вам понравилось - чудесно. - Произнесли креветки хором.

И одна - верно она была любопытней - спросила -

И как вам песенка на вкус.

- Славный вкус. - Ответил Василёк. - Напоминает варёную креветку.

Он тут же спохватился, хлопнул себя по лбу - оказалось в воде это сделать вовсе не сложно, - и извинился, говоря, что не это имел в виду.

- А мы не обиделись, - сказала одна из креветок. - Мы очень умные креветки, и знаем, что обида разъедает душу. Душа становится губчатая, по фактуре напоминающая изношенное лёгкое - а зачем нужна такая? К тому же часто мы по-

ём сюжетные песенки, а те, кто поют сюжетные песенки - никогда не обижаются.

- Это какие, например? - поинтересовался Водяной.

- Ну, хотя бы эту, - ответили креветки хором, точно готовясь и запели:

Дикотаса-бур-бур...
Дермалиновый тужур
В гости к букре спешает,
Нежно ушками моргает.
Букря маленькая ждёт,
И готовит вкусный йод.
Йод приправит повиликой,
Сушкой, золотой клубникой -
Будет вкусно им вдвоём.
Мы же песенку поём.
Дикотаса бур-бур...
Жил подводный дикий щур -
Щурился на всё на свете
И его боялись дети.
Ох, недобрый этот щур
Дикотаса-бур-бур...
Съест такого щура щука -
Будет всем другим наука -
Не гляди на свет вокруг
С прищуром недобрый, друг...

- Хорошая песенка, - сказал Василёк. - Но у меня есть замечание.

- А мы всегда готовы выслушать замечанья. - Заметила одна из креветок. - Порой они помогают.

- Вот вы поёте - будет всем другим наука, а потом - идёт слово друг. К кому же вы обращаетесь: ко всем, или к вашему другу.

- О, это совершенно не важно, - ответила одна из креветок. - Главное обратиться хоть к кому. К тому же друг может рассказать другим друзьям, и те разнесут нашу песенку по всему свету. И все будут знать, что с прищуром не стоит глядеть вообще. Конечно, если этот прищур недобрый.

- А если добрый? - спросил Василёк.

- Тогда сколько угодно.

Лиловая тень проскользнула рядом.

- Знаете, - сказал Василёк, - мне, кажется, мимо нас проплыл добрый прищур.

- Конечно, - ответила креветка. - Он часто тут плавает.

- Но вот что мне интересно, - Василёк поглядел вокруг. - Мы уже довольно давно у вас гостим, а ни одна рыба не проплыла мимо. Как так может быть?

- Очень просто, - отвечала креветка. - Это наш, креветочный уголок, и рыбы тут не плавают. Бывает, впрочем, иногда. Вот хотя бы сом. Он старый, большой и мудрый, и никогда не попадает в неприятные ситуации. Вот, кстати, и он...

И точно - из лёгкой дымки воды появилась большая - усатая и лобастая - голова.

- Здравствуйте, - молвила рыба. - Кажется, вы говорили обо мне?

- Да, если вы сом, - ответил Водяной.

- Конечно. - Ответил сом с достоинством. - Неужели вы - Водяной - не отличите сома от не-сома?

- Я отличу, конечно, - сказал Водяной. - А вот мой друг, Василёк, может и спутать. - И он кивнул на Василька.

- Правда? - поинтересовался сом, поворачивая большую голову в его сторону? - Тогда запомни дружок - сом отличается от не-сома, как я от не-я.

- А чем отличается я от не-я? - спросил Василёк, любуясь плавными очертаньями большой рыбы.

- Я делает только хорошее, - объяснил сом. - А не-я вечно подбивает его сделать гадость какую-нибудь - соврать там, или испортить что-нибудь...

- А-а-а, - протянул Василёк, думая, что тут, под водой всё также, как дома, на суше...

- А мы, - сказал он неожиданно для себя, - были в гостях у улитки. У настоящей улитки, - добавил он, спохватившись.

- Это дело, - сказал сом. - Я порой тоже навещаю её.

- Интересно, интересно, - сказал Василёк. - И как же это происходит?

- Очень просто, - ответил сом. - Я подплываю к берегу, высовываю голову, и улитка наливает мне чаю. Мы пьем чай и беседуем.

- А знаете, - сказал Водяной, - мы тоже пили чай и беседовали.

- Естественно, - молвил сом. - А как же ещё может быть?

- А мне вот интересно, - спросил Василёк, - как же вы можете дышать вне воды?

- Очень просто. Ты же ведь дышишь под водой.

И правда, подумалось Васильку.

Тень пала на них - серая и серебристая одновременно.

- О, - протянул Водяной. - Это наша лодка напоминает, что пора бы и честь знать, как говорится...

Креветки полюбопытствовали, кем была их лодка до того, как стала лодкой.

- Тенью чайника, - сообщил им Василёк.

- Тогда не удивительно, что она отбрасывает тень, - резюмировала одна из креветок.

Стали прощаться.

Сом заявил, что был бы рад видеть их вновь, и даже ради этого лишний раз готов навестить улитку - хотя вообще-то боится быть надоедливым. Креветки тоже приглашали, обещая к следующему их визиту сочинить много новых песенок.

Друзья благодарили, Водяной даже выглядел растроганным.

Они, попрощавшись, оттолкнулись от кресел, и точно взмыли вверх.

Лодка - предупредительно - слегка наклонилась, но осторожно, так, чтобы не зачерпнуть воды, и приняла их на борт, вернее - на подушки.

Что удивительно - друзья были абсолютно сухими.

- А ничего удивительного нет, - констатировал Водяной. - Когда выходишь от друзей - от настоящих друзей - с

тобой ничего плохого не может случиться. А быть мокрым - плохо.

- Ты же Водяной, - удивился Василёк. - Разве для тебя быть мокрым плохо?

- Плохо это для тебя, - пояснил Водяной. - А раз мы друзья, что плохо для тебя - то плохо и для меня.

Лодка тихо плыла вперёд.

Внезапно она сказала:

- Извините меня, но...

- Что такое? - забеспокоился Василёк.

- К сожаленью, мне пора возвращаться в состояние тени.

- А как же...

- Не беспокойся, дружок. - Произнёс Водяной. - Конечно, конечно, милая тень, мне понятно ваше желание. Трудно долго быть не самим собой. О нас не беспокойтесь - мы отправимся к старому джинну, и он доставит нас домой. Не думаю, чтобы он отказал в этом.

Лодка подплыла к берегу, чуть накренила нос, и друзья вышли, легко и спокойно, не замочив ног. Серые языки воды нежно наплывали на берег, и в них резвились крошечные пузырьки.

- Вот, кто нам нужен, - сказал Водяной.

- Не понял, - произнёс Василёк.

- Пузырьки, - пояснил Водяной.

Он помахал ладошкой, и несколько маленьких, перламутровых шариков выскочило из воды. Все они легли на ладошку Водяного, и он, ласково дунув на них, спрятал в карман.

Лодка стала таять на глазах, уменьшаться... и вот серая тень легла на синюю воду, тень, имеющая очертания чайника, и из неё послышалось - Прощайте, друзья, прощайте, рада была познакомиться с вами, и оказать вам эту пустяшную услугу.

- Прощай, лодка, - сказал василёк.

- Прощай, милая лодка, - сказал Водяной уплывающей тени, и обращаясь к Васильку, пояснил - Нужно было добавить к слову "лодка" что-нибудь ласковое. Запомни, дружок, всем и всегда надо говорить нечто ласковое.

- Даже тем, кто недружелюбен к тебе?
- Им особенно. Они изменятся тогда, ибо их недружелюбие растворится в твоей ласке.

- А теперь идём, - сказал он. - Джинн заждался.
- Разве он ждёт нас? Он даже не знает, что мы к нему идём.
- О, мой дружок, джинны всегда знают всё. Этот особенно.
- Почему?
- Потому, что он очень стар, и у него нет больше сил любить себя. Только других.

Они прошли по золотистому песку, который перемигивался с ними, вступили в милое царство изумрудной травы, поприветствовали её, и, как и полагается, подошли к тёмной, старой, мхом покрытой лампе, лежавшей на земле.

- Тут, - спросил Василёк.
- Ага, - ответил Водяной. - Разве ты не знаешь, что джинны живут только в лампах.

- А вот и нет, - послышалось из воздуха. - Я теперь могу жить везде, ибо я очень стар и не имею никаких желаний.

- Это ты? - спросил Водяной.
- Конечно, - отвечал воздух. Небольшая часть его сгустилась, и джинн - в синенькой курточке, маленький - ростом не больше куста - в забавных, надувающихся панталончиках, и, естественно, с белоснежной, серебряной бородой - возник перед ними.

- Здравствуйте, - поздоровался Василёк очень вежливо, ибо никогда ещё не видел джиннов и не знал, как держаться с ними. - А у меня к вам вопрос.

- Только один? - улыбнулся джинн, и с лысой головы его посыпались звёздочки - хотя был день...ну по-крайней мере светло. - Обычно у всех ко мне масса вопросов. Впрочем, я давно не общаюсь со всеми. Итак, что же ты хочешь спросить?

- А вот вы сказали, что не имеете никаких желаний. Разве это хорошо?

- Конечно, мальчик. Желания питаются тобой, а не ты ими. Они такие мутные, сонные, и им всего вечно мало. А когда ты

их отгонишь от себя, ты поймёшь, как ярко солнце и прозрачен воздух, и тогда у тебя останется одно только желание - помогать другим.

- Правда? - недоумевал Василёк.

- Неужели ты думаешь, что такой старый джинн, как я, будет тебя обманывать?

- Нет, просто...

- О, ты ведь всего только маленький мальчик, к тому же впервые путешествующий всерьёз... Ты ещё не можешь знать, что помогать другим - это единственная радость на свете. Но - я, надеюсь - ты узнаешь это со временем, узнаешь обязательно, ибо если тебе это не удастся...

- Ой, джинн, - прервал его Водяной, так, будто они были старыми друзьями, - не путай моего маленького друга.

- Почему же только твоего? - удивился джинн. - Нашего.

- Ладно, если Василёк не против - нашего.

Он потербил чуток свою прекрасную серебряную бороду, и сказал - Итак, вас надо отправить домой?

- Да, - молвил Водяной.

- Чудесно, - сказал джинн, ибо всё было чудесно - и солнышко, золотым кружком сиявшее высоко-высоко, и река, серо-синевато текущая так, будто была лишена течения, и изумрудное царство травы, о котором стоило бы написать особо, и...

- А, мы забыли, - воскликнул Водяной. - Мы ж принесли тебе шарики.

- Да ладно, - сказал джинн. - Разве можно забыть нечто важное?

Водяной сунул руку в карман, вытащил оттуда несколько перламутровых шариков, и они заиграли, заискрились на солнце...

Он протянул их джинну, и тогда...

Каждый шарик был превращён в замечательную зверушку - пушистую ли, нежную, зубастую - но не страшно зубастую, а забавно, - с тонкими крылышками, или вьющимся хвостом. Зверушки эти - умевшие и летать, и бегать, и плавать - радостные

- как будто нигде, никогда нет и не было бед - разбегались, или разлетались, или расплывались - кто, как хотел, благодаря джинна кто помахиваньем крыльев, кто причудливым зигзагом хвоста, кто словом, мерно тающим в воздухе.

- Теперь пора, - сказал джинн, когда все зверушки исчезли.

- Вы готовы?

- Конечно, - ответил Водяной, беря за руку Василька.

Джинн возгласил -

Три-четыре,

Может встретимся ещё мы в этом мире -

И тотчас закружилось всё, завертелось. У Василька появилось чувство, что он летит и плывёт одновременно - чувство сладкое, как варенье настоящей улитки, и забавное, как пенёк креветок, чувство, которое хотелось бы продлить, но оно закончилось, - закончилось сразу и резко, и появился двор - столь знакомый двор - старый, любимый.

Водяной стоял рядом, и держал Василька за руку.

- Стало быть, всё происходило на самом деле? - спросил мальчик.

- Конечно, - ответил водяной. - Ничего никогда не бывает понарошку.

Огорчился Василёк или обрадовался?

Кусок шланга, валявшийся около куста сирени, обратился в не страшную змею, и, плюнув - но не презрительно вовсе - водою - отполз, чтобы не мешать приятелям.

- О, а я и не знал, что он - змея. Он давно ... лежит - Василёк хотел сказать "валяется" - тут.

- Конечно, он змея. Но не страшная - никого никогда не ужалит, и понимает толк в сказках.

- А бывает такие змеи?

- Попадаются. Хотя и редко.

Прощаться надо было, но не хотелось совсем, не хотелось.

- Не переживай, Василёк, - сказал Водяной. - Мы ещё встретимся.

- Точно? - спросил чуть расстроенный мальчишка, понимая, что о бывшем с ним никому нельзя рассказать - ни маме, ни папе.

- Обещаю! - улыбнулся Водяной.

Он стал уменьшаться, потом вдруг вырос, стал струистым, окутался аурой, сверкнувшей синевою, и - превратился в маленькую, перламутровую капельку. Василёк подставил ладонь, и капелька упала на неё, блеснула и испарилась.

А Василёк пошёл домой.

2

Василёк сидел у окна, и учил таблицу умножения. Цифры глядели на него строго, и он подумал, что если предложить им поиграть, они - чего доброго - могут оскорбиться. Поэтому он прилежно запоминал их - вернее то, что с ними может произойти, если их умножать.

Свет, струившийся в окно, был золотистым и приятно-нежным.

- Не скучно? - раздалось сзади.

Василёк обернулся, и увидел Водяного. Тот был маленьким, сидел на диванном валике, и весело болтал ножками.

- Привет, - радостно воскликнул Василёк, вскакивая со стула.

- Привет, - весело отозвался Водяной. - Подожди, не кидайся ко мне, сейчас я увеличусь, и мы поздороваемся нормально.

Он поджал ножки, изогнулся причудливо, и, спрыгнув с валика, стал нормальным - ну, то есть почти с Василька.

Они пожали друг другу руки.

- А разве ты можешь появляться не из воды? - поинтересовался Василёк.

- Я могу появляться откуда угодно, - ответил Водяной. - К тому же, - добавил он, - вода дружит с воздухом, как мы с тобою.

Водяной подошёл к столу и глянул в учебник.

- А, таблица умноженья, - протянул он.

- Она такая строгая, - пожаловался Василёк. - Частично запоминается, а частично нет.

- Конечно, строгая, - сообщил Водяной. - Ведь ей же нельзя изменяться. А быть всё время одинаковой - скучища. Вот наша таблица умножения, для Водяных - та веселее гораздо.

- А есть и такая? - недоумённо спросил Василёк.

- Ага, - отозвался Водяной, сунул руку в карман и вытащил маленькую тетрадку.

Тетрадка тотчас раскрылась, и цифры запели мелодично...

Мы цифры милых Водяных,
Понятны мы для них одних.
Мы помогаем им в воде,
На суше и вообще везде.
Мы любим наших Водяных.
И нам не надобно других.
Другой - уже не Водяной,
Не понимает нас другой.

- Можно мне посмотреть? - спросил Василёк.

- Конечно, - ответил Водяной. - Только ты едва ли уследишь за ними.

И действительно - цифры в этой таблице перемигивались, менялись местами, надували крохотные воздушные шары, и плескались в маленьком бассейне.

- Надо ж, - восхитился Василёк, стараясь поймать взглядом шустрюю пятёрку.

- Но-но, - сказала пятёрка, - я же не бабочка, чтоб меня ловить.

Она бодро плюхнулась в бассейн, подняв фонтанчик крохотных брызг.

- Какой интересный бассейн! - воскликнул Василёк. - И как это всё умещается в твоей тетрадке?

- Но это же специальная тетрадка Водяного, - сказал Водяной. - Она и рассчитана именно на умещение многого.

- А чего конкретно?

- О, чего захочешь!

Тройка, покачивая дужками, выскочила из крохотной, бликующей воды, и сбросила маленькую медузу на круглую голову девятки. Та фыркнула в ответ, и отправила медузу дальше - по эстафете.

- Точно - по эстафете, - сказал Водяной. - Медузы любят эстафеты.

Шестёрка и восьмёрка плыли наперегонки.

- Ну, - предложил Водяной. - Не хочешь ли нырнуть в тетрадку Водяного?

- А можно? - недоумённо спросил Василёк.

- Почему же нет? Что нам может помещать?

Он положил тетрадку на пол, и она, сверкнув синим, плоско прикинула к шашечкам паркета. Картинки в ней замерцали как-то особенно ярко, и Водяной, взяв Василька за руку, спросил:

- Готов?

- Ага, - храбро отозвался тот.

- Тогда на счёт "три-четыре" прыгаем.

Василёк сосредоточился.

- Три-четыре, - произнёс Водяной.

И они прыгнули.

Лёгкая - будто весенняя синева - поплыла, покачиваясь, во круг, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Плавные медузы торжественно текли мимо, и цифры кидались в них крохотными шариками - перламутровыми и сиреневыми.

- А где они берут их? - спросил Василёк.

Он вспомнил, как дышал под водой, когда они посещали креветок, и сейчас, легко представив, что вода - это воздух, просто воспользовался предыдущим опытом.

- Они делают их из пузырьков, - ответил Водяной, отпустив руку приятеля, поскольку понял, что тот уже достаточно ориентируется в здешнем пространстве.

- Ты так умеешь? - поинтересовался Василёк.

- И ты тоже.

- Я? - удивился мальчик.

- Разумеется. Просто пока не знаешь об этом.

- А когда узнаю?

- Уже узнал. Ну, лови пузырьрёк.

Как раз один, некрупный, проплывал мимо, и Василёк ловко схватил его.

- А теперь?

- Дунь на него, и всё.

Василёк дунул. Отливая сиреневым, пузырьрёк тотчас затвердел, и мальчик почувствовал, как в ладони лежит очень приятный, тёплый шарик - причём уже перламутровый.

- Спасибо, - издал тонкую благодарность тот.

- Не за что, - ответил Василёк. И всё-таки поинтересовался

- А за что вы меня благодарите?

- Ну как... - ответил шарик, - мне же скучно всё время быть пузырьком. Хочется разнообразия. А сам я шариком стать не могу. Теперь кинь меня... хотя бы в ту медузу.

- А в тройку можно? - полюбопытствовал Василёк.

- Да хоть в девятку, - ответил шарик. - Главное кинуть.

И Василёк кинул. Шарик, вычертив светящийся зигзаг, ловко залетел в полудужье тройки, она слегка обхватила его, и дальше уже они поплыли вместе.

- Вот так, - сказал Водяной. - Я же говорил, что ничего сложного в превращении пузырька в шарик нет.

Вода расступилась, разошлась, мерцая краями, и они плавно опустились на небольшую зелёную поляну. Тетрадка Водяного сложилась и спланировала к нему в карман.

Василёк потопал ногами, убеждаясь, что под ними самая натуральная, покрытая травой почва.

- Почва, - тихо сказал он. Но уже не удивлённо.

- Что ты говоришь, - переспросил Водяной, - почта?

- Да нет, - пояснил Василёк. - Я говорю - почва.

- Конечно, она всегда появляется, когда кончается вода.

- Но в данном случае вода вроде и не кончилась, - сказал Василёк, показывая на небольшой пруд.

- Да, мы воду прошли насквозь, но кончилась она в том смысле, в каком я убрал тетрадку в карман. А это, - Водяной кивнул головой в сторону пруда. - Начало новой воды.

Они подошли поближе к пруду. Он переливался жёлтыми и зелёными огнями.

- Так-так, - сказал водяной. - Огни жёлтые и зелёные - значит домик Тюни неподалёку.

- Чей домик?

- Тюни, - объяснил Водяной. И добавил - Пожалуй, стоит навестить её.

- А она не обидится? - неожиданно спросил Василёк, следуя рядом с Водяным. Они огибали пруд.

- Тюня-то? А на что ей обижаться?

- И вправду...

Лёгкие зигзаги обозначились в траве. Один двигался за другим, другой за третьим, и все вместе они образовывали весьма занятную колонну движущихся зигзагов.

- Надо ж, - сказал Василёк. - Я всегда считал, что зигзаг - это нечто, рисуемое ручкой или карандашом.

- Это особый вид зигзагов, - пояснил Водяной. - Движущиеся зигзаги. Они ползут только в известном им направлении. И никогда не взлетают, в отличие от овалов.

Чуть подальше из травы поднялись два крупных овала. Медленно и плавно поплыли они по воздуху, уменьшаясь в размерах, пока вовсе не исчезли. Зигзаги остановились и подняли остренькие мордочки.

- Бедные. - Пожалел Василёк. - Им тоже хочется летать.

- Нет-нет, - успокоил его Водяной. - Они вполне довольны своей - зигзаговой - участью.

- Да? - усомнился Василёк. - А можно их спросить об этом.

- Можно. Только они не ответят.

- Почему?

- Просто они не любят разговаривать. Их дело ползать. Но ты поверь мне, я знаю, они вполне довольны своей жизнью.

- А где же Тюня, - спросил Василёк, вспомнив цель их пути.

- Вот её домик, - сказал Водяной, указывая на длинную трубу, растущую прямо из земли. Вернее, из травы, ибо трава была здесь повсюду.

Труба отливала стальной белизной, но белизной тёплой, ласковой, хотелось погладить глянцеви́тый бок.

- А именно это и нужно сделать, - молвил водяной, демонстрируя умение читать мысли, которые и вовсе не касаются водных существ. - Иначе мы не попадём к Тюне.

Василёк погладил бок трубы, и она довольно замурчала в ответ, как кошка.

- Вот видишь, - сказал Водяной. - Оказывается, Тюня ждёт нас.

В боку трубы образовалась вполне уютная дверь, а за нею показалась лесенка - небольшая, ведущая вниз.

Приятеля спустились.

Тюня - сама похожая на небольшую трубу и вся покрытая нежной, коричневой шёрсткой - сидела в трубообразном кресле.

- Здравствуй, Тюня, - сказал Водяной.

- Привет, Водяной, - ответила Тюня. - Кто это с тобой?

- Это мой друг - Василёк, отвечивал Водяной, а Василёк сказал Тюне - Здравствуйте.

Он ещё не встречал ни одной Тюни, поэтому не знал, как к ней следует обращаться - на ты, или на вы.

- Присаживайтесь, - предложила Тюня.

Было в комнатке ещё несколько кресел, тоже довольно вытянутых, и приятели присели. Вообще комнатка была несколько вытянута вверх, какой и должна была быть, поскольку помещалась в недрах трубы, и вся мебель - то есть стол, два шкафа и кресла имели несколько трубообразный характер.

- Может быть, ты покажешь свою мордочку? - спросил Водяной.

Василёк поинтересовался тихо:

Почему ты не сказал лицо?

Из коричневой шёрстки проступила мордочка - милая и забавная, напоминавшая хомячковую.

- У Тюнь не бывает лица, - сказала Тюня. - У них мордочки.

- Много вас вообще - Тюнь? - спросил Василёк.

- Пока мне известна одна - я сама. Но раз я есть - то должны быть и другие.

- Но, если вы их никогда не видели, откуда же вы знаете, что у них не бывает лиц?

- Я сужу по себе, - здраво ответила Тюня. - То, что у меня есть, обозначается, как мордочка. Значит, если есть и другие Тюни - у них тоже будут не лица, а мордочки.

Тюня зажмурилась и чихнула.

- Будьте здоровы.

- А я всегда здорова, - сказала Тюня. И чихнула ещё раз.

- Почему же тогда вы чихаете.

- А я не чихаю, я издаю привычный Тюнин звук.

- Очень похоже на чиханье, - сказал Василёк.

- Возможно, - заметила Тюня, - в мире, из которого ты пришёл, это и называется чиханьем, а тут, у меня - это Тюнин звук. Ты же уже понял, что миры отличаются разным содержательным наполнением.

- Чем ты занималась в последнее время, дорогая Тюня? - спросил Водяной.

- Тем же, чем и всегда, - ответила Тюня. - Сосредоточенно размышляла о мумриках.

- А кто это? - осторожно, чтобы не попасть впросак, спросил Василёк.

- Я и сама не знаю, - ответила Тюня. - Именно поэтому размышления о них требуют особой сосредоточенности.

- Но зачем размышлять о них? - не понял Василёк.

- Ну, во-первых, должна же я что-то делать. А во-вторых, именно потому, что я не знаю, кто такие мумрики, размышления мои носят абстрактный характер, то есть могут привести к интересным результатам.

Из шкафа раздался звук - глуховатый, поскрипывающий.

- По-моему, - предположил Василёк, - кто-то хочет выбрать-ся на волю.

- И не в первый раз уже, - сказала Тюня. - Шкаф периодически издаёт этот звук, но никто не выходит.

- А нельзя ли открыть и посмотреть.

- Нельзя, - сказала Тюня и вздохнула.

- Почему?

- Но ты же видишь - Тюня трубообразная и пушистая, но у неё нет ни рук, ни ног. - Объяснил Водяной.

- Так давай мы с тобой, - предложил Василёк Водяному - откроем шкаф.

- Это мысль. А, Тюня? Ты не хочешь, чтобы мы открыли шкаф?

- Попробуйте. Может быть, там таится нечто интересное.

Василёк и Водяной подошли к шкафу. Это был довольно большой, тёмный предмет, и показалось, что сделан он из могучих древесных корней. Василёк взялся за левую ручку, а Водяной за правую.

- Ну, на счёт - три-четыре, - сказал Водяной.

И они распахнули створки.

Пушистая горка съехала вниз, и уютно устроилась на полу.

- Ах, я так и знала, - воскликнула Тюня. - Вот он - мымрик. Ну, наконец-то я вижу тебя.

Мымрик был желтоватого окраса, не крупнее маленькой собачки, и мордочка, подобная Тюниной, проступила у него на спине.

- Здравствуй, Тюня, - сказал он. - Вот мы и встретились. Я рад.

- А уж как я-то рада! - воскликнула Тюня.

- Видишь, Василёк, - сказал Водяной, - к чему приводят порой упорные размышления. Тот, о ком размышляешь, может появиться в реальности.

- Если это - Тюнина реальность, - сказал Василёк, закрывая свою створку шкафа.

А Водяной закрыл свою.

Мымрик приподнялся немного, встряхнулся, и быстро-быстро перебирая мохнатыми лапками, двинулся к Тюне.

- Уважаемая Тюня, - спросил Василёк. - А как же вы, если у вас нет рук и ног, двигаетесь.

- Тюням не положено двигаться, - ответила Тюня. - Им положено сидеть и размышлять.

Мымрик взобрался на Тюнино кресла, и она слегка подвинулась, освобождая ему местечко.

- Вот так. Вместе нам будет хорошо, - подытожила Тюня.

Мымрик засопел, и, показалось, задремал.

- Но... - снова - весьма осторожно полюбопытствовал Василёк, - чем же вы питаетесь?

- Я питаюсь воздухом, - ответила Тюня. - Воздухом, который просачивается сквозь мою трубу-домик. Поэтому, друзья мои, хоть я вам очень признательна за мымрика, я не могу угостить вас.

- И не надо, - сказал Василёк. - Один наш знакомый джинн говорит, что самое важное - помогать другим, а вовсе не угощаться. Так, что с нас довольно появления мымрика.

- Ах, какой умный джинн, - восхитилась Тюня. - Впрочем, так и должно быть. Джинны не бывают глупыми.

Водяной и Василёк одновременно поднялись с кресел.

- Дорогая, Тюня, - нам пора. - Сказал Водяной.

- Да, теперь, когда у вас есть мымрик, вы будете совершенно счастливы.

- Спасибо, - сказала Тюня. - Это вы верно заметили. И если бы мымрик не заснул, думаю, он тоже сказал бы вам - до свиданья. Но, так как он спит, я скажу два раза - за себя и за него.

И она сказала.

Друзья ответили, и пошли к лесенке.

Поднявшись по ней, Василёк погладил изнаночную сторону трубы, и они выбрались на зелёную поляну.

- Вот так и строится жизнь, - философически заметил Водяной. - Мы помогли Тюне, а кто-нибудь потом поможет нам.

На краешке пруда сидели две лягушки.

Они распевали песенку, широко открывая рты:

Мы лягушки, мы лягушки,
Мы весёлые подружки.
Любим делать мы прыг-скок,
Прыг - на Юг, скок - на Восток.
Ну а если встретим клевер,
Это, значит, будет Север.
А до Запада скакать
Неохота нам опять.
Прыг-скок, прыг-скок.
Вот он Запад, вот Восток...

Одна из лягушек подскочила и бодренько шлёпнулась в воду. Над водой раздалось недовольно:

- Вечно эти лягушки... Никогда не могут сидеть спокойно.
- Кто это? - удивился василёк
- Как кто? - ответил Водяной. - Пруд, конечно.

- Да? Никогда не доводилось купаться в разговаривающем пруду.

- А я не для купанья, - сказал пруд.
- А для чего тогда?

- Я для покоя. А эти лягушки-подружки вечно прыгают в меня. Какой уж тут покой!

Лягушка, прыгнувшая в воду, высунула мордочку, и поинтересовалась у друзей:

- Не знаете ли который час?
- Увы, - развёл руками Водяной. - Это нам неизвестно.
- А почему вас интересует время? - спросил Василёк.
- Потому, что нам надо петь по часам.

Лягушка выбралась из воды, и уместилась рядом с подружкой.

- Если мы переборщим с нашим пеньем - пруд вообще возмутиться.

- Да уж, - сказал пруд. - Я бы предпочёл вовсе обойтись без вашего пенья, но раз уж вы тут живёте ничего не поделаешь.

И он мелодично покачал небольшими волнами.

- Послушайте. - Сказал Василёк, обращаясь к лягушкам. - Если вас так интересует время, не стоит ли завести часы.

- Мы бы завели, - ответила одна из лягушек, - но у нас их нет.

- А если тщательно поискать? - предложил Василёк. - Часы должны быть где-нибудь в округе.

- Мы искали, - сказала вторая лягушка. - Искали внутри пруда, и по берегам его. Даже допрыгивали до домика-трубы Тюни, но часов нигде не оказалось.

- Да, часы тут найти не просто, - посочувствовал лягушкам Водяной.

- Однако, - сказал Василёк, - если у вас нет часов, как же вы можете петь по ним?

- А мы чувствуем, - отвечали лягушки хором, - когда можно, когда нельзя.

- Тогда, - логично предположил Водяной, - может быть, вам вовсе не нужны часы?

- Может, - сказала одна из лягушек. - Но с часами всё же надёжнее.

- Не поискать ли нам, - наклоняясь к Водяному, предложил Василёк, - вдруг получится?

- Пожалуй, - согласился тот.

Для начала они обошли пруд. Часов нигде не было. Попадались мелкие камешки, ракушки, отливавшие перламутром, всякая всячина, но никаких часов - ни ручных, ни настенных - им не встретилось вовсе. Пруд мерцал золотисто. Лягушки молча глядели в него.

- Тогда, поищем в лесу, - предложил Водяной. - В лесу чего только нет.

- Но где же лес? - спросил Василёк.

- А мы поступим по методу Тюни - представим лес, он и возникнет. Давай, зажмуривайся, и представляй - тщательно и точно. На счёт три.

Водяной скомандовал, Василёк зажмурился, представляя лес, могучую сумму деревьев, тропки между них, замшелые валуны, красивые поляны...

- Всё, - услышал он голос Водяного, - можно открывать глаза.

Лес действительно сиял, переливался зелёными и золотистыми оттенками, и приятели двинулись к нему - что ещё им оставалось делать?

Они вошли под живую лиственную арку, и она заиграла лучами листьев, приветствуя их. Тропинки вежливо открывались, точно указывая куда идти.

- Но, - сказал Василёк, - часы же не растут на деревьях.

- А почему бы им не расти? - ответил Водяной. - Это же не простой лес.

Они вышли на маленькую поляну, где солнечные зайчики играли в чехарду.

- Привет, ребятки, - сказал Водяной. - Не встречались ли вам часы?

Зайчики остановились, и старший поглядел на Водяного.

- Идите туда, - он махнул лучиком - в гущу. Там они встречаются иногда.

- Спасибо, - сказал Василёк, и они пошли.

Валуны оказались на прежнем месте - то есть там, где их и представлял Василёк. Мох был красив, бархатист, и в нём бархатились разные забавные жучки и козявки.

- Ой, - раздался писк, и Василёк вздрогнул.

- Кто это?

- Это я - козявка, - сказала козявка. - А вы, как мы думаем, за часами, да?

- Ага, - ответил ей Василёк.

- Вообще-то меня зовут малявка. Но многие находят такое имя обидным, поэтому я обычно представляюсь козявкой. Идите по тропке, что начинается за нашими валунами. Думается, часы уже выросли. Вы их увидите.

На пятом - если считать от валунов - дереве, на нижней ветке росли весьма приличные - если иметь в виду их объёмы - часы.

- Итак,- резюмировал Водяной, - мы у цели. Но вот вопрос - как их снять?

- Нет ничего проще, - сказали часы, разрешая недоумение друзей. - Мы уже спелые часы. Отойдите немножко, и сейчас мы сорвёмся вниз.

- А вы не разобьётесь? - испугался василёк.

- Часы никогда не бьются, - ответили часы. - Иногда они только спешат.

Приятели отошли, давая часам возможность спокойно спуститься вниз. Совсем спокойно не получилось - был небольшой шум, но всё в целом прошло хорошо. В прямоугольном деревянном чехле, с милым хвостиком сзади часы стояли на тропинке, и приветствовали друзей ходом своих стрелок.

- Чудесно. - Сказал Водяной. - Теперь - если вы не против - мы отнесём вас лягушкам.

- А зачем нас нести? - удивились часы. - Мы можем идти сами.

Они чуть приподнялись, и Василёк увидел их ножки - маленькие и аккуратные.

Пошли.

Часы бежали впереди, весело покручивая закорючкой хвостика.

Как только вышли из леса - он пропал.

- Ничего удивительного, - заметил Водяной. - Это же воображаемый лес.

Лягушки молча смотрелись в пруд.

- А вот и мы, - сказал Василёк. - Мы вам принесли, вернее, привели часы.

Часы сели на край бережка, прямо перед лягушками, и те, обрадовано уставились на циферблат.

- Вот спасибо, - сказали лягушки хором, - теперь мы точно будем знать, когда стоит петь, а когда - помолчать.

И запели:

Мы с часами, мы с часами,
Веселее будет нам,
Будем петь мы по часам -

Так удобней, знаем сами.
Чтоб не беспокоить пруд,
Будем петь мы по часам.
Опа-ри-ру-ри-ру-рам,
Петь - такой весёлый труд.

- Чудесно, - сказал Водяной.

И Васильку как-то сразу ясно стало, что пора возвращаться домой.

- Но... как же мы вернёмся? Без джинна.

- О, на этот раз он нам не понадобится. Ведь у меня есть тетрадка.

Водяной вытащил из кармана свою тетрадку, и как раньше на полу, разложил её прямо на траве.

- Прощайте, прощайте, - прокричали лягушки.

- До свиданья, - вежливо сказали часы.

- Рад был познакомиться, - вежливо промолвил пруд.

Крохотный бассейн возник на тетрадном листе - крохотный, но абсолютно настоящий - было видно и слышно, как в нём живёт и плещется вода. Водяной взял Василька за руку, поинтересовался готов ли тот, и, получив удовлетворительный ответ, бросил - Нырнем.

И они нырнули.

Медузы вновь проплывали мимо них, плавные и торжественные, и цифры резвились вокруг, подтверждая собственные правила.

Путь был недолог - друзья, сухие и лёгкие, вынырнули в комнате Василька, а тетрадка лежала на полу.

Водяной нагнулся, поднял её и спрятал в карман.

- Вот так, - сказал он улыбаясь.

- Что ж, - произнёс Василёк с надеждой - до будущих встреч?

- Непременно, - пообещал Водяной, и, как в прошлый раз, когда они прощались, обратился в перламутровую капельку, которая испарилась с ладони Василька.

3

- А этот мотоцикл, - сказал Василёк, - всегда привязан, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь на нём ездил. Хоть куда.

На этот раз он сам предложил прогулку - обычную прогулку, без чудес, по близлежащим улицам.

- Без чудес нельзя, - сказал Водяной. И пояснил, - скучно. Василёк согласился.

Но вышли они из дома самым обычным образом - через дверь, спустившись предварительно на лифте.

И вот, когда проходили двор, мальчик показал на мотоцикл. Вид у того был достаточно грустный.

- Опля, - сказал Водяной, и с пальцев его брызнула сумма капель.

Широкий глаз мотоцикла открылся, и цепочка, приковавшая его к парапету, спала.

- Теперь ты можешь путешествовать сам, - сказал ему Водяной.

- Занятно, - ответил мотоцикл. - Но я боюсь, - он моргнул круглым глазом, что другие машины... и мотоциклы будут недовольны, если увидят меня одного, без седока.

- А ты придумай себе седока, - посоветовал Водяной. - Если твой пропал.

- А мой не пропал, - ответил мотоцикл. - Уехал куда-то. Без меня.

- Всё же скучно, наверно, всё время быть прикованным к одному месту, - предположил мальчик. - И глаз у тебя был заплаканный.

- Скорее запылённый. - Сказал мотоцикл. - Ну, спасибо, в общем. Немножко, пожалуй, прокачусь.

- Не волнуйся, напутствовал его Водяной, - я сделаю так, что тебя никто не увидит.

Он отъехал на несколько метров, но тотчас вернулся.

- А как мне привязаться опять? - спросил, - когда накачаюсь?

- Ты фыркни вот так, - объяснил Водяной. - Он сложил губы дудочкой и фыркнул определённым образом.

- А вдруг не получится? - предположил мотоцикл. -

Непременно получится, - сказал Водяной. - Я запрограммировал это, брызгаясь волшебными каплями.

- Тогда хорошо, - ответил мотоцикл. - Привет.

И он укатил в соседний двор.

- Вернётся? - спросил Василёк.

- Конечно, - ответил Водяной. - Мотоциклы - они верные.

И пошли дальше.

Мир вокруг был обычным миром - конкретным, тяжёлым, с избытком деталей.

- А они тебе все знакомы? - спросил Василёк.

- Детали-то? Конечно. Всюду, всегда одинаковые.

- Тогда тебе, наверно, неинтересен этот двор, эта улица...

- Почему же? Просто их надо немного подсветить.

- А как?

- Очень просто.

Они подошли к большому, седоватому тополю, и Водяной предложил Васильку взять его за руку, что тот и сделал.

Тотчас же они - даже, как показалось мальчику без движения, очутились внутри ствола, и потекли, помчались вверх, неумно, мощно. Соки дерева мелькали вокруг, цвели сладкой массой, и становилось весело, легко и свободно.

Василёк и Водяной выпорхнули, будто птички, на верхушку кроны, и, оба маленькие, обнаружили себя в середине листа.

- Вот это я называю подсветить мир, - сказал Водяной. - Согласись, без подсветки он достаточно беден.

Ворона опустила на ветку, и листок слегка вздрогнул, а друзья вздрогнули с ним.

- Привет, ворона, - сказал Водяной.

- Карр, - ответила ворона.

- Неужели она нас не поймёт? - удивился Василёк.

- Почему не пойму? Пойму, - ответила ворона. - Только не знаю, понравится ли вам мой грай.

- Мне нравился всегда - сказал Василёк. - Мне чудилось, что это маленькие такие шарики падают, и хотелось их поймать.

- Надо ж, - отвечала польщённая ворона, - ты первый мальчик, кто оценил мой грай так интересно.

И ворона издала цепочку карров, протянувшихся в воздухе.

- А эти уже похожи на проволочные штучки.

- Да, пожалуй, - согласился Водяной.

- Всё же спасибо, - сказала ворона. - Интереснее граять для кого-то, чем просто так.

Она взмахнула крыльями и улетела.

Ветка слегка покачнулась, покачнулся и листок, и друзья вместе с ним.

- А как мы назад? Также? - спросил Василёк.

- Зачем также? Давай разнообразить пути.

Он взял мальчика за руку, и они спрыгнули вниз, и, точно два шарика грая полетели к земле, полетели, а когда коснулись асфальта, стали обычными.

- Интересно, - а никто не видит, что происходит с нами?

- Никто. Зачем же, чтобы кто-нибудь видел это?

Мимо проехал мотоцикл. То, что он едет один не удивляло ни людей, идущих по своим делам, ни водителей машин. Мотоцикл был очень аккуратным, и не нарушал никаких правил. Заметив друзей, он посигналил им - опять же так, что слышали это только они.

- Вот видишь, - сказал Водяной, - никто же не замечает необычный мотоцикл. Так и наши превращенья незаметны для других.

- А куда он сейчас? - спросил мальчик.

- Возвращается на место, - отозвался Водяной. - Накатался.

Они свернули во двор, обогнули песочницу, возле которой сидела собака, и, поздоровавшись с нею, остановились на минутку.

- Ты не потерялась? - обеспокоился Василёк, зная, что собака поймёт его.

- Нет-нет, - ответила та. - Сейчас выйдет хозяин.

- Не будем задерживаться, - сказал Водяной, и они вышли через двор на улицу.

- Много машин, - недовольно заметил Водяной. - Перелетим?

Уже не спрашивая, что делать Василёк ухватился за лапку Водяного и они в один момент оказались на другой стороне улицы.

Момент был всего лишь один - но мальчик успел заметить, как из его одинокой сердцевинки видны крыши едущих машин, быстрые такие, как занятные оригинальные насекомые...

- Они в каком-то смысле и есть насекомые, - заметил Водяной. - Ибо всё похожее отчасти оно и есть.

Но, вероятно, только отчасти, подумал мальчик, потому что со стороны машины были вполне обычны, и совсем не напоминали никаких насекомых.

- Зато я - вылитое насекомое, - писк донёсся из травы, и мальчик нагнулся, пытаясь разглядеть, кто это.

- А это я - козявка. То есть вообще-то малявка, но многим не нравится это название. Я помогла вам пройти к часам, растущим на дереве.

- А-а-а, - протянул мальчик, - я помню вас. Или тебя, - тут же поправился он.

- Это всё равно. Таким козявкам-малявка, как я, совершенно всё равно, как к ним обращаются. Лишь бы не раздавили.

- А зачем ты выползла в этот мир? - спросил Водяной.

- Так уж получилось, - вздохнула козявка. - Вынесло как-то. Я сама не хотела.

- А можно тебя взять? - спросил Василёк.

- Её не только нужно взять, - сказал Водяной, - но и переправить обратно, в её мир.

- А ты сумеешь? - спросил мальчик.

- Конечно, - ответил Водяной.

Нагнувшись, он бережно взял козявку, причём она заиграла синева-красными оттенками, и также бережно убрал в карман.

- Спасибо, - раздался оттуда писк.

- А тетрадки твоей там нет сегодня?

- Нет, сегодня она ни к чему. Мы же гуляем по городу.

- И куда мы направимся теперь?

- О, куда хочешь. Можно даже домой.

- Ко мне? - уточнил мальчик.

- Ну да. Ибо мой дом всюду, где вода. И ты неоднократно бывал в его частях.

- Не знаю, - ответил Василёк несколько растерянно. - Надо подумать.

- Давай присядем и подумаем, - предложил Водяной.

- Давай, - согласился Василёк и направился к скамейке.

- Что ты, - удержал его Водяной. - Зачем же садиться на скамейку, если есть волшебный камень.

- Есть? - недоумённо спросил Василёк. - Где же он?

- А вот, - щёлкнул пальцами Водяной, и неподалёку от скамейки действительно возник причудливый, с двумя сиденьями камень. - Садись, - сказал Водяной, и подал пример.

Сидеть оказалось вполне удобно.

- Другие его не видят?

- Нет, конечно, - ответил Водяной.

- Ой! - воскликнул Василёк.

- Что такое? - обеспокоился и Водяной.

- Ты не задавил козявку?

- Ах, это, - рассмеялся Водяной. - Нет, не беспокойся. Такие малявки, которые по сути козявки, обладают одним замечательным качеством - незадавимостью. С ними ничего никогда не происходит. Такова их особенность. К тому же, козявка по каналам моего кармана уже вернулась к себе домой.

- Как это?

- Очень просто. В моих карманах расположены каналы связи с разными мирами.

- Ох ты, - восхитился Василёк. - Тогда зачем же возвращаться домой. Давай отправимся куда-то!

- Давай. Куда бы ты хотел?

- А если... - мечтательно протянул Василёк, - отправиться в страну динозавров?

- Что ж, это мысль. Только мы отправимся в страну добрых динозавров.

- А как?

- Увидишь. Ну, встали.

И они встали.

Камень, слегка померцав, растаял в воздухе, чего, естественно, никто не заметил.

- Теперь, - сказал Водяной, - ты станешь маленьким и окажешься у меня на ладони. - Он бормотнул что-то, и Василёк обнаружил себя на уютной и мягкой ладони Водяного. - И - сказал тот, - я прячу тебя в карман и присоединяюсь к тебе.

Василёк зажмурился, но подумав, что Водяной не говорил ему об этом, открыл глаза.

В приятной темноте нечто засвистело, зашуршало, и он понёсся куда-то, чувствуя, что рядом несётся и Водяной.

Полёт был быстрым, и закончился приятным приземлением на поляне.

Сложно было описать, как Водяной вынырнул из собственного кармана, но Василька он извлёк оттуда совершенно легко, и тут же превратил его в нормального мальчишку.

- Во, смотри, - сказал Водяной.

Огромные деревья росли тут, и силуэты далёких гор мерцали синевато, окружённые золотистой дымкой.

Травы были высокими, они переходили в папоротники, а те - в хвощи и плауны, густые, но не цеплявшие никого, нет-нет.

Гномик, держась за стебель, глядел в небо.

- Красиво как, - молвил он, - птеродактили летают.

- Он похож на гномика одиночества, - сказал Василёк Водяному.

- Ничего удивительного, - ответил тот. - Все гномики похожи. Как, впрочем, и козявки.

- Уважаемый гномик, - обратился к маленькому Василёк. - А где вы видите птеродактилей?

- Да вот же они, - отозвался гномик.

И действительно - большие зигзаги обозначились в небе. Они перемещались легко, хотя порою напоминали чаек, высматривающих добычу.

Снижаясь над поляной, они становились отчётливей, видно было, какие у них большие, мягкие, кожистые крылья, и добрые улыбки.

- Откуда же у них добрые улыбки? - недоумевая, спросил Василёк. - Я думал они хищники.

- А у нас нет хищников, - ответил крупный птеродактиль, спланировав на поляну.

Два других, приветственно помахав крыльями, полетели дальше.

Гномик, поздоровавшись с могучим ящером, юркнул в норку.

- Привет, Водяной. - Сказал птеродактиль. - Ты привёл к нам друга?

- Привет, птеродактиль, - ответил Водяной. - Ага. Это Василёк.

Тот тоже поздоровался.

- Так почему же у вас нет хищников? - спросил он.

- Когда-то давно они были, - объяснил птеродактиль. - Но, постепенно, устыдились - того, что причиняют боль другим. А как ты знаешь - никого никогда нельзя обижать. Мы все добрались - не сразу, конечно, много потребовалось лет, но вот наконец, развили в себе доброту настолько, что смогли питаться солнечным светом. У нас никто никого не ест.

- Вот бы людям так! - восхищённо воскликнул Василёк.

- Подожди, - ответил птеродактиль. - Вы тоже к этому придёте. Только не сразу.

- Ну, мне пора, - резюмировал он, плавно снялся с поляны - помахал крыльями: и разминочно и прощально - и улетел, превращаясь в точку. А потом и вовсе исчез.

Точка померцала на ладони у Водяного - точно крошечный глазок, в котором был виден полёт птеродактиля - и пропала.

- Отправимся дальше? - предложил Водяной.

Василёк кивнул.

Они прошли под роскошными папоротниками, чьи лапчатые листья качались над ними изумрудно, и вступили в огромный лес, переливавшийся красивыми оттенками. Трава тут была мягкая, и можно было не опасаться - ибо слова птеродактиля не могли быть ложными - что кто-то выскочит из зелёных густот.

- А вот игуанадоны, - сказал Водяной. - Раньше они паслись, поедая зелень, но теперь и в этом необходимость отпала.

Игуанадоны - большие, как двухэтажные дома - улыбались.

В каждой улыбке могло поместиться по небольшой комнатке.

И Водяной, и Василёк помахали им, и получили в ответ такие ж приветные помахиванья лап.

Широкие листы неизвестных растений расступились, и друзья увидели гладкое мерцанье озёр.

Диплодоки - как и положено - с длиннейшими шеями и хвостами, входили в них, сладко жмурились, вздымали волны.

- О, какая чудная вода! - воскликнул Водяной. - А ну-ка...

И с разбега он бросился в озеро.

Один из диплодоков поддел его на шею, весело подбросил в воздух, поймал хвостом, после чего Водяной нырнул глубоко, а, вынырнув, крикнул - Василёк, давай ко мне!

И Василёк прыгнул.

Они плавали возле диплодоков, качались, как на лианах, на шеях и хвостах, и веселились от души.

А выбравшись на берег, оказались абсолютно сухими.

- Так и должно быть. - Сказал Водяной. - Диплодоки же наши друзья.

- А почему мы не поговорили с ними? - поинтересовался Василёк.

- Диплодоки не любят разговаривать. - Ответил Водяной. - Но от этого они не менее дружелюбны.

Снова вошли в лес, и послышался рык - низкий довольноно.

- Подожди, - спросил Василёк, - птеродактиль же сказал, что никого хищного не осталось.

- Правильно, не осталось, - громко объявил крупный тираннозавр, выбираясь из лесной тени. - Но голоса-то у всех разные. У меня, например, громкий.

Он стоял, возвышаясь над друзьями, и маленькие его лапки забавно покачивались в воздухе.

- Я бы пожал ваши лапки, - сказал тираннозавр, но боюсь не дотянуться. - А если хотите покататься, я устрою вас на своём хвосте - и в путь.

Друзья согласились.

Тираннозавр опустил массивный хвост на землю, они взобрались, и устроились достаточно удобно.

- Ну, в путь, - рыкнул - не страшно совсем тираннозавр, и побежал.

Он бежал мощно и быстро, лес мелькал вокруг - многолиственный и многоствольный, богатый, разнообразный.

Тираннозавр перешёл на прыжки.

- Не трясёт? - спросил он друзей.

- Не-а, - отозвался Василёк. - Но забавно подбрасывает. Как на аттракционе.

Они выбрались в мелколесье, миновали озёра с диплодоками, и птеродактили, летевшие не так уж высоко, помахали друзьям крыльями.

На одной из полян тираннозавр стал.

- Спасибо за прогулку, - сказали друзья, спускаясь.

- Не за что, - ответил тираннозавр. - А теперь мне пора по своим, тираннозавровым делам.

И мощные прыжки понесли его в неизвестность.

- Для нас неизвестность, - сказал Водяной. - А ему хорошо известно, куда он отправился.

- И даже ты не знаешь куда?

- Даже я, - ответил Водяной.

- Но почему?

- Потому что, - улыбнулся Водяной, - нам пора возвращаться.

- Что ж, - сказал Василёк. - Пора, значит пора.

На этот раз - уменьшенный и отправленный в карман Водяного - он каким-то образом видел, как Водяной и сам нырнул в свой карман, и они понеслись, понеслись... пока не вынырнули у скамейки.

- Хотел бы я иметь такой карман. - Сказал Василёк - но не завистливо, а восхищённо.

- А зачем? - сказал Водяной. - Он же есть у меня? Зачем тебе иметь то, что есть у друзей? они поделятся...

И Василёк согласился.

- Что это? - спросил он, увидав смутно-розовое, очень красное, нежно-слоистое.

- Где? - полюбопытствовал Водяной.

- Да вон же, - указал Василёк.

- Там ничего нет, - уверенно ответил Водяной.

Василёк выглядел разочарованным.

- Но, - лукаво прищурившись, молвил Водяной, - если ты видел розоватое свечение, тебе стоило бы познакомиться с сакурой.

- А откуда она возьмётся?

- Мы позовём её.

Он сделал быстрое круговое движение, и в пространстве возникла мерцающая золотистая полоса - Чтобы никто лишней не увидел сакуру, - пояснил Водяной.

Она появилась в центре мерцания - розовая, ветвистая, превосходная.

- Какая чудесная! - восхитился Василёк.

- Не волнуйтесь, дорогая сакура, - сказал Водяной, - мы чуть полюбуемся вами и вернём на место.

Сакура встряхнулась, как собака, выбравшаяся на берег.

- Я не против, - сказала она. - Сакуры на то и существуют, чтобы любоваться ими.

И они полюбовались.

Лепестки были очень нежны, отливали перламутром и напоминали маленьких улиток.

- А они не превратятся в них? - спросил Василёк, зная, что Водяной прочитает его мысли.

- Нет, нет, - ответила за Водяного сакура. - Листья сакуры никогда ни во что не превращаются.

- Пожалуй, мы налюбовались уже, - произнёс Василёк.

- Что ж, - молвила сакура, - тогда мне пора. - Водяной, прошу вас.

Водяной сделал точные движенья руками и сакура исчезла, а потом растаяла и защитная лента.

- А не слетать ли нам в Японию? - предложил Водяной. - К драконам?

Разумеется, мальчик согласился - да не просто согласился, а с восторгом.

Был проделан тот же путь - через волшебный карман Водяного - и вот:

- Ух ты, как здорово, - восхитился Василёк, выпрыгивая из кармана Водяного. - Значит мы в Японии?

- Ну да, ответил Водяной. - Между прочим, тут любят и ценят воду. Правда, меньше, чем в Китае.

- Тогда, может быть, отправимся в Китай.

- Успеем, - резонно заметил Водяной.

Они шли по длинной улице и любовались домами - непохожими на привычные Васильку. У многих дверей висели забавные цветные фонарики, а стены домов казались бумажными...

- Не стены, - поправил Водяной, - перегородки внутри них.

А внутри каждого домика был уютнейший садик.

Хозяин одного из домиков поклонился, улыбаясь вежливо, и друзья поклонились в ответ.

- Я хочу показать вам сад камней, - сказал хозяин.

Друзья проследовали за ним.

Камни лежали в определённом порядке - и молчали, как и полагается камням.

- Они говорят, молча, - пояснил хозяин. - И молча воспроизводят устройство вселенной.

Несколько минут Василёк рассматривал это интереснейшее - строгое и простое - устройство.

А потом они, поджав ноги, и сидя на циновках, пили вкуснейший чай.

Хозяин проводил их, и они двинулись дальше - по длинной-длинной улице...

- А куда мы? - спросил Василёк.

- К дракону, - ответил Водяной. - Он перевезёт нас в Китай. Дракон обитал за стенами небольшого дворца.

Крылья его вздрогнули, приветствуя друзей.

Водяной поклонился с достоинством, тоже сделал и Василёк.

Дракон изрыгнул немного пламени, но тотчас сказал - Извините.

- Ничего, ничего, - сказал Водяной, - мы не боимся огня.

- Даже как-то внутри него путешествовали, - добавил Василёк.

- Тогда всё в порядке, - молвил дракон.

Голос у него был сильный, почти, как у тираннозавра.

- Ничего удивительного, - пояснил дракон. - Тираннозавр - мой дальний родственник. Ну, взбирайтесь мне на спину, и - полетим.

Удобно расположившись на чешуйчатой, покрытой сложным узором спине, друзья наблюдали мчавшиеся внизу большие пространства воды -

Они не особо-то и мчатся, - пояснил Водяной, - просто нам так кажется...

Замелькали города, среди зелени возникали пагоды, и большие стрекозы мелькали около их ярусов, огромная стена тянулась и тянулась, и шевелились леса бамбука...

Гора возникла - серая, многоступенчатая. Снега синели на её вершине, мерцая красиво...

Китайский дракон упражнялся в искусстве пускания огня.

Огонь завивался кольцами, сворачивался в круги и рулоны, в нём возникали экзотические письмена, которые сменяли специальный огненные картины.

- Как красиво, - восхитился Василёк.

- Ещё бы, - отозвался японский дракон, опускаясь на гостевой выступ. - Никто не умеет пускать огонь лучше китайских драконов.

Китайский его собрат прекратил упражнения и приветствовал гостей.

- Давненько не виделись, Водяной, - сказал он.

- Ага. - Отозвался Водяной. - Это мой... - начал было он...

- А я знаю, - ответил дракон. - Ты забыл, что драконы всегда всё знают.

- Ну, я, пожалуй, летаю, - сказал японский. - Пока, друзья.

Он взлетел, делаясь меньше и меньше. Василёк провожал взглядом его полёт.

- Вот и ладно, - сказал китайский. И спросил - Ну, как проводите время.

- По-разному, - изрёк Водяной. - Вот ходили гулять по улице, на которой живёт Василёк, да скучно стало. Решили добавить немножко волшебства.

- Да, с волшебством интересней, конечно, - согласился дракон.

- И вот были у динозавров...

- А, наши родственники, - протянул дракон.

- А потом навели вас.

- Тоже неплохо, - заметил дракон.

- Дракон, - спросил Василёк. - А вам не скучно одному.

- Нет, что ты, - отозвался дракон. - Мне никогда не бывает скучно. И потом - одиночество... столь относительное понятие!

- Да? - удивился Василёк. - А я думал - либо оно есть, либо его нет.

- С одиночеством никогда нельзя утверждать ничего на сто процентов. - Авторитетно заметил дракон. - Бывает оно есть, когда его нет, и наоборот.

- Это так, - согласился Водяной, глядя вниз с горы.

- Нет, с неё можно только слетать - мерно, кругами. - Сказал дракон. - Никому бы не посоветовал пытаться съехать с неё, как с зимней горки.

- А мы и не собирались, - объяснил Водяной. - Для путешественников у нас есть мой карман. И ещё много разных средств...

- Да, я знаю, - сказал дракон, выпуская лёгкое колечко огня.

Василёк поймал его, уверенный, что не обожжётся. И точно - колечко мягко светилось и совсем не жгло.

А потом растаяло.

- Его нельзя взять на память, - пояснил дракон. - Но можно запомнить, какое оно.

- Я запомню, - пообещал мальчик.

- Итак, - сказал Водяной. - Вперёд, мой друг. Вернее - в карман.

На сей раз Василька уменьшил дракон, и он втянулся в карман, видя при этом, как тоже происходит и с Водяным.

Был полёт, всё мелькало.

- Где это мы? - спросил Василёк.

- Где-то, - отозвался Водяной. - Сейчас узнаем.

Колесо прокатилось мимо.

- Уважаемое колесо, - обратился к нему Водяной, - не подскажите...

- Вы внутри компьютера, - не останавливаясь отвечало колесо. - Вернее - внутри интернета, - добавило оно, отъехав на приличное расстояние.

- Надо ж, - восхитился Василёк.

- Вот что означают эти миганья и мерцанья вокруг, - пояснил Водяной, - это сайты и порталы. Ну - куда?

Они свернули на кольцеобразный путь - и двумя шариками выкатились в бильярдную игру.

Весело щёлкая по другим шарикам, они катались некоторое время, после чего из темноты лузы, провалились в гору сверкающей информации. Эта гора богато лучилась и переливалась, и Василёк подумал, что тут можно узнать всё, что угодно.

- Естественно, - отозвалась гора. - Только не спрашивай о своём будущем.

- Почему? - полюбопытствовал Василёк. - Потому что оно во многом зависит от тебя.

Пройдя сквозь гору - она не возражала, нет-нет, - они очутились на площадке, с которой взлетали самолёты. Уцепившись за хвост одного из них, спланировали на сайт дачных участков, откуда угодили на болтливый форум.

- Форумам и положено болтать, - недовольно заметил он, когда друзья остались недовольны шумом. - Самое подходящее занятие для форума.

Дальше были мигающие разноцветно сайты, мимо которых они будто бы проплывали, иногда узнавая старых знакомых - то настоящая улитка качнёт рожками, то раздастся пенье весёлых креветок.

- А вот смотри, - сказал Водяной. - Китайский дракон полетел.

- Точно китайский? - поинтересовался Василёк. - Может быть японский?

- Нет-нет, японский давно уже дома. Это китайскому надоела его гора, и он решил посмотреть не изменилось ли что в округе...

Нечто зашевелилось громоздко, и они попали на исторический портал.

Ровными рядами армии выстраивались друг против друга; Василёк чётко видел мечи и щиты, но не знал, греки это или римляне.

- Этим людям стоило бы поучиться у динозавров, - заметил Водяной. - Те давно уже умеют питаться солнечным светом, а эти всё ещё дерутся.

Армии сошлись с дикими криками, и друзья перескочили на другую клетку пространства - там переливались золотом пески и люди громоздили пирамиды.

- Царь-Фараон - суровый царь, - молвил Водяной.

- А можно его увидеть? - полюбопытствовал Василёк.

- Пожалуй, - ответил Водяной.

Они шли по дворцу, где на стенах были причудливые, цветные картинки, и в зале, куда они вышли, на высоченном троне сидел неподвижно Царь-фараон - в богатых украшениях.

Дальше их качнуло несколько вбок, снова замелькало всё, понеслось, и Василёк увидел, как он уменьшается, падает в карман Водяного, а Водяной, сворачиваясь, следует за ним... И они вынырнули оба возле дома Василька.-

Вот так, - сказал Водяной. - Хорошо полетали. Ну, до будущих встреч?

- А когда они будут?

- Это зависит от обстоятельств.

- А обстоятельства?

- А обстоятельства, конечно, от тебя.

- Какой-то замкнутый круг, - сказал Василёк несколько печально.

- О, не переживай, - утешил его Водяной. - Из каждого замкнутого круга есть выход. Ты убедишься в этом не раз...

Собственно, последние слова произнёс уже не Водяной, а капелька, испарившаяся, как обычно, с ладони мальчишки.

И он пошёл домой, вспоминая детали их путешествия, и улыбаясь...

4

Василёк сидел за столом и игрался с пружинкой, думая про обстоятельства.

Пружинка сжималась, забавно вырывалась из рук, подскакивала, и он снова ловил её, снова сжимал и всё повторялось.

- Интересно, - стал рассуждать мальчик вслух, - обстоятельства - какие они? Круглые? Пушистые? Хорошо если бы они были пушистыми, тогда...

Пружинка снова вырвалась из пальцев, крутанулась в воздухе, превратилась в синий фонтанчик брызг, и перед ним возник Водяной.

- Привет, - сказал он, протягивая лапку.

- О, здорово, что ты появился, - воскликнул мальчик, пожирая её. -

Значит, всё же обстоятельства бывают пушистыми!

- Конечно, - ответил Водяной, плюхаясь на диванный валик. - Обстоятельства бывают всякими. Большинство считает их скучными и больно деловыми, а они бывают весёлыми, игривыми...

- А нельзя ли познакомиться хоть с одним игривым обстоятельством? - попросил мальчик.

- Пожалуйста, - ответил Водяной. - Как раз одно такое завалялось у меня в кармане.

- Мне кажется, - сказал Василёк, - игривое обстоятельство не может заваляться.

- Может, ещё как может.

Водяной сунул руку в карман, и вытащил оттуда нечто, сверкнувшее тускло. Потом это нечто расправилось, блеснуло сталью, но тут же - подумав, что сталь это больно строго - сверкнуло золотисто, и, скатившись с лапки Водяного, помчалось по полу, как маленькая собачка.

Оно весело насвистывало при этом -

Мол-де плохие обстоятельства!

Не верьте, это надувательство!

Все мы хорошие, игривы,

Вы будьте только терпеливы,

Добры к другим, и веселы,

Не верьте в тёмные углы,

А верьте радостному свету -

И верой жизнь украсьте эту!

Обстоятельство кувыркалось, прыгало через себя, перебирало тонкими лапками, будто стремясь зацепиться за что-то, и наконец, вывалилось в окошко.

- Не разобьётся? - испуганно подскочил Василёк.

- Нет-нет, не бойся, - ответил Водяной. - Обстоятельства никогда не разбиваются.

- Ну, хорошо, - заметил мальчик. - Теперь я знаю, какими они бывают.

- А знаешь ли, что мы предпримем с тобой, - лукаво прищурившись, спросил Водяной.

- Не-а, - протянул мальчик.

- Мы совершим воздушное путешествие. Как тебе предложение?

- Замечательное, по-моему, - отозвался мальчик. - А для воздушного путешествия нужно что-нибудь особенное?

- Ничего особенного. Нужны - ты и я. А раз мы на месте - путешествие состоится.

Он схватил Василька за руку, они подбежали к окну, и... полетели... Да, да, полетели. Вы думаете это невозможно? Отнюдь.

Сильное желание позволяет людям летать, - не как птицам, понятно, ибо у людей нет крыльев, - летать своеобразно, но достаточно легко.

Сначала мальчик держался за лапку Водяного, и тот будто влёт его вперед и вперёд, потом он сказал:

Теперь ты уже освоился, просто делай движенья, как будто плывёшь. А после, когда освоишься совсем, и движений делать не надо будет - воздух сам понесёт.

И точно - сначала Василёк грёб - как будто брассом, не забывая посматривать вниз, где разворачивалась панорама крыш, и переулки казались ущельями, а потом воздух понёс его сам, держа своими дружественными потоками.

Вороны пролетали мимо.

Одна замедлила лёт, и поздоровалась.

Друзья ответили ей на приветствие.

- А что же, вы не помните меня? Я та ворона, чей грай мальчик сравнил с шариками.

- Конечно, конечно, я помню, - отозвался Василёк, - тем более, что мне не каждый день приходится разговаривать с воронами.

- А мне - с мальчиками, - сказал ворона, и подарила ему несколько шариков грая.

Они были цветными, и попали в карман Водяному.

- Не беспокойся, дружок, - заметил тот, - я отдам тебе их, когда прилетим.

- Ну, я дальше - по делам, - сообщила ворона, и обогнала их.

- А что это там - прозрачное и плотное? - Спросил Василёк.

- Это норка Вилты, - объяснил Водяной.

- А разве есть существа, строящие норки в воздухе?

- Существа бывают всякие, - отозвался Водяной. - Вилты только в воздух и строят норки.

Норка парила, просвечивая разными цветами, будто предлагая заглянуть в неё.

- Заглянем?

- Если можно.

Они заглянули.

- Заходите, - молвила Вилта. - Вернее, залетайте.

Они залетели.

- А тут уютно, - заметил мальчик.

- Конечно, - ответила Вилта, появляясь из воздуха. - Вилты любят уют.

Она сама была прозрачная, кругленькая, под стать своей норке.

- Ну, дорогая Вилта, спросил Водяной, - как поживаешь.

- Чудесно, - ответила Вилта. - Всегда в полёте. И сама и домик.

- А вы как?

- Тоже неплохо, - отозвался Василёк. - Сегодня вот решили попутешествовать по воздуху.

- Чудесное решенье, - одобрила Вилта. - Я бы рекомендовала вам осмотреть воздушную гору.

- А мы к ней и тронемся сейчас. - Сказал водяной.

И распрощавшись с Вилтой, они тронулись.

- Милая такая Вилта. - Сказал Василёк.

- Ага. Вилты всегда милые.

- А их много?

- Встречаются порой.

- А знаешь, - продолжил мальчик, - все кого мы встречали с тобою - милые и приятные существа.

- Так и должно быть, - резонно заметил Водяной. - Только такими и стоит жить - милыми и приятными.

- Но ведь не все такие, - грустно произнёс Василёк.

- Это временное явление, - объяснил Водяной. - Когда-нибудь все станут такими.

Птицы пролетали мимо.

- Ночной порой интересней летать, - говорил Водяной, - тогда летают не только птицы, но и звёздочки.

Нечто плавно, сгущенно реяло в воздухе - нечто, не связанное с землёй, прозрачное, но и плотное, слегка подрагивающее, как желе.

- Я люблю желе, - сказал мальчик.

- А это вот и есть - воздушная гора, - объяснил Водяной. - Она не из желе, но чем-то похожа.

Подлетев поближе, они нырнули в гору, как в приятную мягкую массу. Сперва обволакивало чем-то плотным, но лёгким, а потом передвигаться стало совсем приятно. Они летели по стройным, длинным, петляющим иногда коридорам, и тени городов возникали там и тут.

- По-моему я был в этом городе, - сказал мальчик. - На море, летом. С мамой и папой.

- Наверняка был, - заметил Водяной. - Впрочем, даже если это и не тот город - совершенно не важно. Вон смотри появилась другая.

И точно - не то внизу, не то сбоку, не то сразу везде возник новый город - весь в пушистых садах, среди которых вздымались красивые зданья.

- Но их можно только видеть, - сообщил Водяной. - Жить в них нельзя. Не для этого они устроены.

- Построены? - переспросил мальчик.

- Устроены, - пояснил Водяной.

Ещё один город казался старинным, песчаным, строения в нём были ромбовидными и треугольными. Нигде, естественно, не было людей, но Водяной объяснил почему, и мальчик и не ждал их.

Потом они стали скользить меж огромными стеллажами, уходящими в воздух - а где они начинались, было неясно - и Василёк понял, что они летят по гигантской библиотеке.

- Здесь, наверное, все книги...

- Даже больше, чем все, - заметил Водяной. - Здесь есть даже будущие книги - те, что ещё не написаны, и книги, которые вообще никогда написаны не будут.

Иногда книги вздымались с мест, пролетали немного, отворялись, как двери. И страницы их мерцали разноцветными огнями.

- Зависит от содержания, - пояснил Водяной. - Если оно хорошее, цвет золотистый или синий, если не очень - красный, как воспаленье, а бывает и чёрный, увы, бывает...

Но они вылетели уже из коридоров библиотеки, и теперь, хоть было совершенно светло - даже прозрачно-светло - летели меж звёздами.

Тут были крупные звёзды, и звёзды, похожие на медузы, были полосатые, как осы, и тонко скрученные из чего-то, напоминавшего медную проволоку, были звёзды-корабли, и звёзды-дома...

- Ты ж говорил, что их можно видеть только ночью?

- Да, забыл я, забыл, - неожиданно признался Водяной. - Представляешь? Забыл, что внутри воздушной горы время течёт несколько не так...

Тут обозначилось и время - мохнатый, световой поток - из которого донёсся вопрос:

- Вы не устали, друзья?

- Слегка, пожалуй, - ответил Василёк.

- Тогда отдохните.

И к ним подплыла звезда-фрегат.

Друзья погрузились, на борту обнаружилось мягкие скамеечки, сидеть на которых, болтая ножками в воздухе, было очень уютно.

Фрегат плыл серьёзно, плавно, торжественно.

- У него, наверное, сегодня день рожденья, - предположил Василёк.

Уж больно плавно он двигается.

- Вполне может быть, - отвечал Водяной, болтая ножками так же, как и его приятель. - У фрегатов никогда этого не узнаешь.

Фрегат покачивался, и паруса его надувались без всякого ветра.

- Я уже отдохнул, - сообщил Василёк. - Можно плыть дальше и без фрегата.

- Тогда - вперёд, - провозгласил Водяной, и они поплыли.

Выход из воздушной горы был там же, где и вход.

Пара норок Вилт попались им навстречу. Вилты хлопали прозрачными глазками, но не приглашали зайти. То есть залететь.

- А зачем? - сказал водяной. - Мы же видели, как живёт одна. А Вилты живут все одинаково.

Василёк обернулся, желая ещё раз поглядеть на воздушную гору.

Гора была на месте - прозрачная и плотная, она чуть поворачивалась, зажигаясь разными огнями, - так торжественно, будто день рожденья праздновала каждый день.

Мальчик засмеялся своей фантазии, а Водяной сказал -

Что ты! Это было бы невыносимо скучно - представь один бесконечный день рожденья, и ничего более.

Василёк, согласился, подумав.

Снова стали встречаться птицы.

Знакомая ворона - очень деловито пролетела куда-то, не заметив их.

- И ладно. - Сказал водяной. - Мы же здоровались уже.

А шарики грая, что она подарила, у меня - в целости и сохранности.

Город становился виднее, увеличивался в объёмах.

- А мне не надо зажмуриваться, чтобы спланировать в окно? - спросил мальчик.

- Не надо, - ответил Водяной. - Ты уже достаточно хорошо держишься в воздухе.

- Странно, однако, входить в свой дом не через дверь.

- Не входить, а влетать, - поправил водяной. - Через дверь влететь нельзя.

- Можно, - засмеялся Василёк. - Если очень торопишься.

- А-а-а, - протянул Водяной. - Но только в этом случае.

Они влетели - плавно и небыстро.

Водяной плюхнулся на диванный валик, и сказал - Уф.

- Хорошо полетали, - отозвался Василёк, усаживаясь на стул.

- Не устал?

- Нет, совсем не устал.

- Но всё равно надо отдохнуть. И впечатленья усвоить. Что-бы не- даром они были.

- Ой, - спохватился Василёк. - А шарики грая?

- Не переживай, - откликнулся Водяной. - Они у меня.

Он сунул руку в карман и вытащил несколько блестящих шариков. На открытой его ладони они меняли цвета и переливались.

- Знаешь что? - вдруг сказал Водяной. - Если они тебе не очень нужны, я уйду сегодня через них.

- Да? Что ж, мне интересно будет посмотреть... и я всё равно не знал бы, что с ними делать.

- Тогда - до следующего раза, дружок, - сказал Водяной.

Он подбросил шарики, и они, исполнив в воздухе своеобразный пируэт, спланировали на подставленную ладонь Василька.

- Опа, - произнёс Водяной, превратился в маленький фейерверк капелек, и всеми ими втянулся в шарики.

На ладони мальчика они обратились в одну - перламутровую каплю - которая испарилась небыстро.
Василёк вздохнул.

5

Приглашение от настоящей улитки пришло по обычному крану.

Василёк открыл его, чтобы помыть руки, и вместе с водой точно вытекал уютный голос Улитки:

- Милые Василёк и Водяной, была бы рада видеть вас у себя в гостях. Варенье, как всегда, готово быть таким, как вам захочется.

- Я бы с радостью, - ответил Василёк. - Но не знаю, как вызвать Водяного. Он появляется, когда сочтёт нужным.

- Ну-ну, - раздался знакомый голос из коридора. - Не говори так: я появляюсь, когда необходимо.

- Водяной, - радостно вскричал Василёк. - Откуда ты?

- На этот раз, - отвечал Водяной, потирая ручки, - я материализовался из лейки для полива цветов, что стоит на подоконнике.

Василёк закрыл кран, и посмотрел на приятеля.

- Значит, мы отправимся к улитке? - поинтересовался он.

- О, непременно, - отвечал Водяной. - Тем более, думаю, что к ней заглянет и сом.

В комнате уже Василёк спохватился:

- А как же мы поплывём к улитке? На чайнике?

- Нет, нет. Есть много разных способов попасть к улитке. Для начала полетим. Открой окно пошире, и бери меня за руку.

Василёк так и сделал.

Тотчас их тела стали полупрозрачными, лёгкими, и они плавно вылетели в окошко.

Через некоторое время Водяной отпустил ладошку Василька, и мальчик, вспомнив, как он летал в прошлый раз, поплыл по воздуху легко и свободно.

Вороны пролетали мимо.

Их знакомая приветствовала их - на этот раз не речью, но граем.

Шарики грая разлетелись в воздухе, переливаясь розово и фиолетово, но ни один не залетел в карман Водяного, и Василёк, чуть уклонившись в сторону, не смог поймать ни одного из них.

Ему показалось, что из них вылупятся воронята, но нет - шарики, померцав немного, поплыли дальше весёлым хороводом.

- Ты успел хотя бы кивнуть вороне? - спросил Водяной.

- Успел. - Ответил мальчик. - Надеюсь, она заметила.

Внизу распростёрся пруд - достаточно большой и зелёный.

- Нам сюда, - сказал Водяной. - Хватай меня за руку.

Василёк схватил, и они резко, подняв фонтан брызг (не замеченный, разумеется, никем) спланировали в пруд.

Зелёно-серые его недра расступились, два золотистых караса испуганно шарахнулись в бок, и трава, густая и плотная, текла рядом, мерцая струисто.

Коряги были видны, Василёк, вспомнив, как нужно дышать под водой, делал это спокойно, пока они не вынырнули на противоположном берегу пруда - который вообще-то оказался бережком реки.

- Уф, - отфыркнулся мальчик, выскакивая прямо у домика улитка.

Водяной выбрался не спеша, проводя руками по бокам, точно проверяя что-то. Оба приятеля были, естественно, сухими.

Большая голова сома уютно лежала на берегу, а улитка в кресле из крупной раковины сидела перед ним.

- Креветки что-то в депрессии, - рассказывал сом. - Никак не могут сочинить новую песенку. А старые им надоели.

- Чем бы им помочь, - спросила Улитка.

- Тут уж ничем не поможешь, - рассудительно произнёс

сом. - Нужно просто ждать.

Василёк кашлянул.

И сом, и улитка повернули головы.

- О, здравствуйте, друзья! - воскликнули они одновременно.

- К сожаленью, - сказал Сом, - я не могу пожать вам руки.

Но если хочешь, Василёк, можешь пожать мой усик. Только смотри, чтобы он не выскользнул из ладошки.

Василёк согласился с радостью.

Усик - хотя и был скользкий - но приятный наощупь, и во все не собирался выскользывать, пока Василёк сам не отпустил его.

- Ну вот, - подытожил сом. - Теперь мы поздоровались по настоящему.

Водяной стоял рядом и улыбался.

- Присаживайтесь, друзья, - сказала улитка.

Василёк хотел было спросить куда, но тут же заметил маленький столик - как раз между улиткой и головой сома, - столик накрытый, примерно, как в прошлый раз в домике улитки; возле столика было два кресла - как раз по размерам Водяного и Василька.

Они сели.

- А из чего эти кресла? - поинтересовался Василёк.

- Из ракушек, конечно, - отвечала улитка. - Они могут увеличиваться и уменьшаться. Если их об этом попросить.

- Мне уютно, - сказал Василёк. - Я просить ни о чём не буду.

- И я вполне доволен, - добавил Водяной.

- Но вот что, дорогая улитка, - продолжал Василёк, - мне действительно странно - так это, как я не заметил сразу ваш столик.

- О, ничего удивительного, - промолвила Улитка. - Это же настоящий мерцающий столик.

- То есть он может?..

- Ну да, он появляется и исчезает. Причём, если он в хорошем настроенье, он появляется сразу сервированным, а если в дурном - его нужно накрывать.

- То есть, - догадался Василёк, глядя на банку варенья, и гадая, какого оно вкуса, - сейчас он в хорошем настроенье.

- В отменном, - сказала улитка. - Он вообще любит гостей.

- Надеюсь, - произнёс Водяной, отхлёбывая чай. - Наш чайник не подвёл вас, милейшая улитка?

- Нет, нет, - быстро отвечала та. - Очень воспитанный чайник. Мы с ним довольны друг другом.

Василёк накладывал варенье в розеточку.

Оно мерцало заманчивым абрикосовым цветом.

- М-м-м, - издал сом неопределённый звук.

- Что такое? - не понял Василёк.

- Я бы попробовал твоё варенье, - сказал сом. - Но у меня нет рук. А плавниками держать ложку весьма неудобно.

- О, конечно, - обрадовался Василёк, ибо мог сделать нечто приятное сому.

Он угостил того охотно, и сом, зажмурившись, произнёс - Очень вкусно.

- Абрикосовое? - поинтересовался Василёк.

- Не знаю, - ответил сом. - Я бы сказал - комбинированное.

Василёк отведал варенья.

- Ну и ну, - восхитился он. - Чего тут только нет! И смородина, и черешня, и абрикос.

- Вот-вот, - поддержал сом, - очень насыщенный интересный вкус.

- В ненасыщенном вкусе нет ничего интересного. - Молвила улитка. - Я убеждалась в этом много раз. А как ваше варенье, Водяной?

- У меня, как всегда, - ответил Водяной, - но совсем даже не грустно. - Вода. Но особая вода, сгущённая. Так, что думаю вкус моего варенья ничем не хуже, чем у других.

Тут сом нырнул, выбросив в воздух фонтанчик пузырьков. Пузырьки весело рассмеялись, соскользнули в варенье, и оно проглотило их.

- Сом иногда устаёт на воздухе, - пояснила улитка.

- А что это было за пузырьки?

- Обычные пузырьки. Те, какие даже варенью по нраву.
Появилась голова сома.
- Не хотите ли ещё варенья, сом? - поинтересовался Василёк.
- Нет, спасибо, - вежливо ответил сом. - Мне важно только попробовать, а есть необязательно.
- Что под водой? - спросил мальчик.
- Всё то же, - ответил сом, - не то удовлетворённо, не то печально.
- Мы слышали, когда подходили к домику улитки, что креветки...
- Да, да, - вздохнул сом. - Действительно - у креветок депрессия.
- Раньше бы я удивился, - сказал мальчик, - услышав такое, но теперь уже нет - не удивлюсь.
- Да, да, - пояснил сом, - у креветок бывает особая креветочная депрессия. И тут даже улыбка улитки не поможет.
- А какая у вас улыбка, уважаемая улитка? - спросил Василёк.
- Улитка охотно видоизменилась - она вся, в один момент, точно сосредоточившись, превратилась в большую улыбку.
- Улыбка, нежно мерцая, повисела в воздухе, и снова стала улиткой, уютно сидящей в кресле.
- Вот такая, - сказал улитка.
- Чудесно! - отозвался мальчик.
- Но даже она не поможет креветкам, - сказал сом. - Им может только одно, - если они сочинят песенку.
- А почему же они не могут её сочинить? - спросил мальчик.
- На этот вопрос я не могу ответить. - Сказал сом. - Знаю только, что с ними не раз такое бывало. Ничего страшного в этом нет.
- Я тоже помню, - сказал Водяной, - креветочную депрессию. В прошлый раз она длилась не очень долго.
- Надеюсь, пройдёт, - добавила улитка.
- Непременно, - сказал сом, зевая. Тут же спохватившись, сказал - Ох, извините. Вообще-то, мне уже хочется спать. Иногда мне кажется, что я не сом, а просто сон.
- А так бывает? - поинтересовался Василёк.

- Бывает, - ответил сом. - Чуть-чуть сом, а немножко сон. Сон мерцает сомом, то есть мною, а сом, то есть я перетекает в сон. Вот так.

- Не замкнутый ли это круг? - спросил мальчик.

- О нет, - ответил сом. - Под водой не бывает замкнутых кругов. Там всё разомкнуто и плавно. Так что, друзья, до будущих встреч - мне пора. Не хочешь ли, Василёк, на прощанье пожать мой усик.

Василёк захотел, и они попрощались усопожатием.

После чего сом нырнул, и было видно, как он вильнул мощным хвостом, прежде чем исчезнуть в глубине.

- Чудесный сом, - сказала улитка.

- И чудесно пообщались, - добавил Водяной.

- Только креветок жаль, - заметил мальчик.

- Нет-нет, - пояснила улитка, - депрессия им бывает даже на пользу. После неё они точно сочинят песенку.

- Ну, тогда ладно, - сказал Василёк.

- Однако, дорогая улитка, - заметил Водяной, - наверно, нам надо прощаться.

- Рада, рада была, - воскликнула улитка, - очень рада была повидать вас, друзья. Надеюсь, варенье не подкачало.

- Нет-нет, - воскликнул мальчик. - Я теперь точно знаю - улитковое варенье не может подкачать.

Струйка пузырьков вырвалась из банки. Они переливались весело, и в каждом вспыхивали, как мини-фонарики крохотные ягодки или фрукты.

- А это его прощальный салют, - пояснила улитка.

Друзья встали, и столик, померцав, исчез.

- Мы тоже исчезнем, а? - спросили креслица хором.

- Пожалуйста, пожалуйста, - отозвались все.

И креслица исчезли.

Улитка прощально покачала усиками.

Василёк помахал в ответ и улыбнулся.

Взявшись за руки с Водяным, они прыгнули в воду - так, будто это была вполне удобная дверь.

Тени замелькали - зелёные, серые, оливковые.

- Кто это, - спросил Василёк.

- Это тени квадратов и треугольников, - отозвался Водяной.

- Мы что-то их не видели сегодня.

- А их не всегда можно увидеть, - объяснил Водяной. - Они любят прятаться порою.

Трава потянулась, и показалось, что сом из неё качает большой головою - но не укоризненно, ибо друзей не в чем было укорять.

Их плаванье усилились, повлекло их вверх и вверх, и они вырвались на воздух, и, по-прежнему держась за руки, взмыли над прудом.

Естественно, сухие.

- Встретим ли ворону? - поинтересовался мальчик.

- Кто её знает? - отозвался Водяной. - Она, может быть, разучилась превращать грай в дружественные шарики. Где-нибудь сидит и старается восстановить это умение.

Они летели быстро, воздух качался вокруг, свежий и струистый, крыши домов становились ниже и ниже.

Наконец, они влетели в окно, и оказались в комнате Василька.

- Чудесно, - сказал мальчик.

- Рад, что тебе понравилось, - отозвался Водяной, похлопывая себя по карманам.

- А как ты исчезнешь на этот раз?

- Пожалуй, так же, как и появился, - сказал Водяной. - Через лейку.

Он подошёл к подоконнику, опустил палец в лейку, и стал таять в воздухе. Потом достал палец, и сказал:

- Пока, Василёк.

- Когда увидимся? - спросил Василёк.

Водяной улыбнулся загадочно, погрузил палец в лейку, и - растаял.

Жалко он не стал уходить через маленькую капельку, подумал мальчик, глядя в окно.

6

- А не смогли бы мы играть зимой? - спросил Василёк Водяного, когда он появился в следующий раз.

- Едва ли, - ответил Водяной, сидя на диванном валике и болтая ножками.

Он был маленький пока.

- Зимой Водяные обычно спят, - пояснил он.

- А-а-а, - разочарованно протянул мальчик.

- А что, - оживился Водяной, - ты любишь зиму больше лета?

- Да нет, конечно, - отозвался мальчик. - Просто представилось, как мы с тобой катаемся с горок.

- Ух ты, - воскликнул Водяной, скатываясь с диванного валика. - Вперёд, на Водяном! - крикнул он, увеличиваясь, и становясь размером с мальчишку.

- Разве на тебе можно кататься? - спросил Василёк.

- А то, - подбоченясь, ответил Водяной. - Кстати, я хотел предложить тебе - занимательная прогулка на Водяном. Ты не против?

- Не знаю, - сказал мальчик, поёживаясь. - Как-то неудобно. Всё вместе и вместе, а тут - верхом на тебе. Ты же не санки.

- Я, разумеется, не санки, - отозвался Водяной. - Я гораздо лучше.

Ну, давай.

Он опустил на четвереньки, и, будто маленькое креслице, подхватил слегка растерявшегося мальчишку. Потом вылетел в окно.

Сидеть на Водяном было удобно - он был мягкий, слегка подрагивающий в полёте, а летел он - быстро.

- У тебя как - голова не кружится? - поинтересовался он.

- Не-а, - отозвался мальчик, - уже привычно оглядывая воздух.
- Ты знаешь, - добавил он, - на тебе оказывается сидеть очень приятно.

- Ещё б, - отозвался Водяной, и запел:

Булочки с повидло,
Лопать не обидно.
Но обидно, если нас
Слопают они сейчас.

- Ты что? - удивился мальчик, - какие булочки? Откуда они возьмутся в воздухе? И почему они должны нас слопать?

- О, это такие особые лопающие булочки, - пояснил Водяной. -

Встретил я как-то парочку. Так чуть и впрямь меня не слопали. Но тебе нечего бояться, коли ты со мной. Нам не страшны никакие булочки!

Мальчик, в первый раз услышавший, что булочек можно бояться, хмыкнул недоверчиво.

- А вон, кстати, одна летит, - воскликнул Водяной.

- Так они ещё и летают, - восхитился мальчишка.

- Ну да, - сказал Водяной, ловко сбрасывая Василька и лоя его за руку.

Булочка - довольно крупная, важная - летела прямо на них, разевая пасть.

Да, да - у этой странной булочки была пасть - и она разевала её так, что виднелось повидло. А были у неё зубы или нет - оставалось непонятным.

Друзья ловко увернулись от булочки, причём Василёк на лету ухитрился поймать немного повидло и тотчас съесть его.

Булочка обернулась, недовольная.

- Вот ещё, - сказала она. - А сама ничем не поживилась, и повидло растеряла.

Тем не менее, она полетела вперёд, и воздух точно расступался перед нею.

- Такие булочки, - пояснил Водяной, - не умеют поворачивать. Они очень прямолинейны.

- Лопающая, летающая, прямолинейная булочка, - задумался Василёк. - Это нечто.

- Чего только не встретишь, а? - лукаво подмигнул Водяной. И Василёк согласился.

Они парили, держась за руки.

Воздух плавными кругами тёк вокруг.

- А воздух не может сгуститься в воду? - вдруг спросил Василёк.

- ЭТОТ? - нет. Зачем же ему сгущаться?

- Да, я ещё спросить хотел - а эти лопающие булочки - они что, всё лопают?

- Вообще, насколько я знаю, - ответил Водяной, - они всеядны. Но в последнее время, говорят, появились разновидности - те, что питаются только чем-то одним...

- А чем одним?

- Ну, мечтами, к примеру...

- Разве мечтами будешь сыт?

- Как знать, как знать, - отвечал Водяной философически. - У каждой булочки - свой рацион.

- А мне иногда хочется питаться одними булочками, - заметил мальчик.

- Тебе станет скучно от такого питания, - заметил Водяной.

- Ну, тебе ж не скучно питаться только водой!

- Я другое дело. Я так устроен.

- Жаль, нельзя быть устроенным так, чтобы питаться только булочками, - заметил Василёк.

Они пролетали какую-то длинную мачту.

- Может быть, посидим? - предложил Водяной.

Мальчик согласился.

Они уселись на перекладине, болтая ногами.

Вдруг воздух сгустился вокруг их движений, и из него возникло маленькое существо - розоватое и пушистое.

- Ты кто? - спросил мальчик.

- Мог бы и сам догадаться, - ответило существо. - Я - болтанье.

- Нашими ногами? - уточнил Василёк.

- Ну, конечно, - подтвердило существо.

- То есть, если ты улетишь - мы не сможем дальше...

- Сможете, сможете, - сказала существо весело. - Болтаний много.

Просто мне захотелось отделиться и полетать самостоятельно.

И оно улетело.

А друзья продолжали болтать ногами, как ни в чём не бывало.

- Интересно, способна ли булочка слопать болтанье? - поинтересовался мальчик.

- Вполне возможно, вполне возможно, - отвечал Водяной. - Но я, конечно, не знаю, придётся ли оно ей по вкусу.

Ещё немножко посидев, друзья, взявшись за руки, полетели дальше.

- Покувыркаемся в воздухе? - предложил Водяной.

Мальчик согласился охотно.

Они кувыркались, созидавая занятные, по цвету похожие на алюминий, кольца.

Мальчик немножко повисел вниз головой, потом перевернулся, перескочил через Водяного, который рассыпался суммой весёлых брызг. И снова собрался - улыбающийся, лукавый.

- Вот это веселье! - воскликнул Василёк.

Нечто маленькое и золотое порхало рядом, и мальчик схватил его, но тут же выпустил.

- Жжётся, - объяснил он.

- Ещё бы, - сказал Водяной. - Это одна из брызг.

- Из тех, на какие разлетелся ты?

- Ну да.

- Но ведь ты Водяной? Как же она может жечься?

- А никак, - сказал Водяной. Он поймал брызгу, и добавил - Но жжётся.

Он подул на неё, и она стала белой.

- Теперь не будет, - произнёс он, протягивая её мальчику.

Василёк подержал её два-три мгновенья, и отпустил.

У брызги появился крошечный хвостик, которым она и помахала в воздухе, улетая.

- Значит, всё в порядке, - подытожил Водяной. - Мы не стали добычей булочки, и брызга не обожгла тебе руку. Про болтанье я не говорю - от него не приходится ждать чего-нибудь плохого.

- То есть? - начал было Василёк.

- То есть полёт можно считать успешным, - ответил его друг.

- А мне вдруг вспомнилось, - сказал Василёк, - как улитка превращалась в улыбку. У неё это здорово получалось - улыбка была ничуть не менее мила, чем улитка.

- Все настоящие улитки таковы, - молви Водяной. - Именно поэтому они и зовутся настоящими.

Крыши домов тянулись вниз, и машины струились в ущельях меж ними пёстрыми потоками.

Водяной дунул - и шустрые шарики полетели вниз, превращаясь в плоские блики.

Блики разноцветно поиграли на крышах машин и растаяли.

- Они красивые, - сказал мальчик.

- Но никогда не бывают долговечными, - пояснил Водяной.

- Поиграют несколько минут - и воссяси.

- А где у них свояси? - полюбопытствовал Василёк.

- Сваяси бывают разные, - объяснил Водяной. - У этих они где-то в серединке моего дыханья.

И он дунул снова, произведя забавные колечки.

Мальчик схватил одно рукой, оно посверкало, сделалось прозрачным и исчезло.

- У колечек тоже бывают свояси? - спросил Василёк.

- Конечно. Сваяси бывают у всех.

Другие колечки затеяли чехарду, потом догонялки.

- Не потеряются? - обеспокоился мальчик.

- Нет-нет, не бойся. Ничто не теряется в мире. Хоть он и велик.

Колечки были уже далеко, но ни крылышек, ни хвостов у них не возникло - они так и исчезали милыми сверкающими колечками.

Дом Василька был близко.

Окно, открытое широко, ожидало друзей, как верная дверь.

Не обращаясь ни к кому, Водяной сказал:

- Просто не знаю, как закончить эту главку.

Но мальчик понял его.

Он сказал:

- А давай просто исчезнем?

- Просто исчезнем? - переспросил Водяной? - А это мысль.

И они растаяли в воздухе.

После чего Василёк появился в своей комнате и сел за книгу.

7

- А почему бы, - спросил Водяной, - нам не отправиться вот в эту книжку?

Он прохаживался вдоль книжного шкафа Василька - в синеньком костюмчике, обычный такой человек, и никто бы, если бы взглянул со стороны, и не предположил, что это Водяной.

Он снял с полки "Алису в стране чудес".

- Ты ведь любишь её? - спросил Василька.

- Ага. - Ответил тот. И поинтересовался - А как же мы туда отправимся?

- Очень просто. - Ответил Водяной. - Просто нырнём. Как в бассейн.

- Ух ты! - восхитился мальчишка. - Здорово.

- Бери меня за руку, - предложил Водяной, раскрывши книжку и положив её на диван.

И Василёк взял.

Они уменьшились - как всегда легко, безболезненно, не страшно, и прыгнули в книжку.

Страницы плюхнули водой - и зашелестели счастьем.

Трудно сказать - парили друзья или плыли, но через сколько-то минут - коротких, как все минуты - выскочили они на поляне.

Поляна отливала розовым золотом, и играла лёгкими зелёными огнями, а дворец Герцогини поднимался из-за деревьев.

- Или королевы? - спросил Василёк.

- Или королевы, - ответил Водяной. - Какая, в сущности, разницы?

- Никакой, - послышалось откуда-то сбоку и сверху - одновременно.

- Так не бывает - одновременно сбоку и сверху, - сказал мальчик.

- Почему? - удивился Водяной. - Я думал, ты уже привык, к тому - что в нашей сказке всё бывает.

- Никакой, - вновь, правда на этот раз не к месту, прозвучало - с растяжкой и басовито.

На огромном грибе сидела гусеница и курила кальян.

- Знаешь, - сказал Водяной, - я сейчас позабыл эту сказку. Моё детство кончилось давно. Поэтому, давай сочинять детали по ходу дела.

- Ага, - согласилась гусеница, куря кальян.

Колечки дыма завивались причудливо, соединялись, играли между собой.

- А я бы поиграл с вами, - сказал Василёк.

Внутри одного из колечек зажглись малиновые глаза.

- Так в чём же дело? - сказала оно. - Прыгай сюда.

И Василёк, сделавшись кольцеобразным, прыгнул. Ощущение было очень приятное - точно погрузился во что-то ласковое и мягкое. Он заскользил с колечками, плавно перетекая то в одно, то в другое, меняя цвета - как меняли они.

- Мне больше всего понравилось быть зелёным, - сказал он Водяному потом, когда стал обычным мальчиком.

Они шли по тропке, петлявшей забавно - забавность заключалась в том, что вокруг тропки всё время хрюкотали зельюки.

- Вот как оказывается они хрюкочут, - сказал мальчик.

- Ну да, - ответил Водяной, - это фирменное хрюкотанье зельюков. Но не забывай ещё про шаньков.

Хливкие шаньки тотчас высунулись из травы.

Были они пушистые и синенькие.

- Что зелёный! - пискнул один из шаньков. - То ли дело синенький. Вот мы все синенькие - и счастливы этим.

- А я вообще золотистая, - раздался новый писк.

- Ой, Водяной, и она здесь. Это ж козявка-малаявка.

- А почему бы мне не быть здесь? - отозвалась козявка. - Я тоже хотела в сказку. Тем более, что с шаньками мы всегда найдём общий язык.

Шаньки подтвердили. Все они спрятались в травы, и возились там, посверкивая, как светляки.

- Наверно, - предположил Василёк, - светляки произошли из осколочков солнца. Солнце же большое, что ему потерять немножко осколочков.

- Наверняка. - Сказал Водяной.

- А куда мы идём? - спросил мальчик.

- Это совершенно неважно, - послышалось неожиданно, и в воздухе возникло мерцанье.

Из мерцанья образовалась улыбка Чеширского кота.

- Вот и он, - воскликнул мальчик.

- Как же без него, - утвердил Водяной.

Голова кота парила в воздухе.

- Ага, вы у нас! - резюмировала она. - Значит вы тоже слегка... наши...

- А бывают не наши? Тут в смысле бывают? - спросил мальчик.

- Нет, - ответила голова. - Только наши - и никаких других. Тут вечно творится... впрочем, вы сами знаете.

Голова исчезла, и открылся сад, где за длинным столом сидели Шляпник, Соня...

- А кто ещё? - остановился в раздумье Водяной. - Я забыл...

- Хотя бы Мартовский Заяц, - сказал Василёк.

Заяц тотчас возник - разумеется, он был во фраке.

Сев за стол, он поставил цилиндр рядом с чашкой, которая сразу же наполнилась чаем.

- Я опоздаю к Королеве, - воскликнул Заяц. - О, ужас, я опоздаю к Герцогине. Я всюду опоздаю.

Он обхватил голову руками и закачал ушками.

- Это потому, - зевая, ответила Соня, - что ты вечно торопишься. Сидел бы спокойно, пил чай, нет же - бежишь, бежишь, будто так и нужно.

- Так и нужно, - сказал Заяц.

А Шляпник ничего не сказал, ибо был занял чаем, хлебом и джемом.

- Ничего не нужно, - зевнула Соня, и, забыв про чай, задремала.

- Кроме доброго отношения друг к другу. - Сказал Водяной.

- Думаете? - Шляпник поднял на них глаза. - А мне вот интересно, почему чай люди пьют, а джем едят? Нельзя ли наоборот.

- Никак нельзя, - сказал Василёк. - Впрочем, попробуйте, может, у вас и получится.

- Я пробовал, - сказал Шляпник. - Только перемазался джемом и облился чаем. И ничего более.

Друзья оставили компанию, и обогнули домик.

- Милый домик, - сказал Василёк.

- И ребятки милые, - добавил Водяной.

- Жаль только, что им вечно приходится пить чай. - Заметил Мальчик.

И спросил, заметив нечто необычное - А это что такое?

- По-моему это лабиринт, - сказал Водяной.

- Разве в этой сказке был лабиринт?

- Сказка сама лабиринт, - пояснил Водяной. - Всякая. Поэтому входим.

И они вошли.

Малиновые шарики вспыхнули, и рассыпались карточным бархатом.

- Как это - карточный бархат? - спросил Василёк.

- Это бархат, из которого могли бы быть сделаны карты. Могли - но никто их не сделал, и они остались бумажными.

Лоскутки карточного бархата витали вокруг.

Два или три опустились Васильку на плечи, и растаяли, как капельки воды.

- Вот и славно, - сказал Водяной, но не уточнил, что имеет в виду.

Они шли и шли.

Они прошли замок Герцогини и замок Королевы. И там и там творились странные дела - котлы закипали без огня, Валет качал дитя, превращавшееся в караса и пороса одновременно, и всюду хрюкотали зельюки. На площадки играли в крокет, и ежи ловко разбегались, причём у каждого было по шесть ножек.

- А это что за дерево? - спросил Василёк, увидев огромное, зыбкое, мерцающее, частями исчезающее дерево.

- Это дерево фантазий. - Объяснил Водяной. - К сожаленью, оно почти исчезает, когда ты вырастаешь.

- Я не хочу вырастать, - сказал мальчик.

- Все дети не хотят, - развёл руками Водяной. - Но тут уж ничего не попишешь.

Медленно, начиная с улыбки, возникла голова Чеширского кота.

- ПописАть надо сказки, - сказал он. - А вовсе не ничего. Ничего пописАть было бы очень скучно.

- Отрубите ему голову! - послышалось властное.

Голова улыбнулась, и стала таять в воздухе.

Лабиринт длился и ветвился дальше.

Кот в сапогах проехал в карете. Он сыто облизывался - явно только что съел мышку, которая когда-то была великаном.

- Так-то, - сказал Василёк, неизвестно что имея в виду.

Лабиринт мерцал, части его золотились, он изгибался, края его раскрывались, и в одном из них мелькнул минотавр - о каком Василёк недавно читал книжку.

- Ой, - дёрнулся мальчик. - Страшно.

- Нет ничего страшного, - улыбнулся Водяной. - Страшно только быть недобрым.

- Думаешь?

- Уверен.

Лабиринт изогнулся очередным витком, и они выпали - но не больно, даже не ударившись, возле книжного шкафа Василька.

Раскрытая книжка лежала на диване.

- Странно, что мы не встретили Алису, - сказал мальчик.

- Ну, ты её будешь встречать каждый раз, когда откроешь сию сказку, - молвил Водяной.

- Да, я и позабыл.

- А теперь, мне пора, - сообщил Водяной.

Они попрощались.

Водяной - по методу Чеширского кота - стал таять в воздухе.

Улыбка его задержалась на некоторое время, но потом тоже пропала.

А мальчик поставил книжку на полку, и стал припоминать детали прогулки.

8

- Главное - контуры и силуэты, - говорил Водяной, удобно расположившись на диване.

На этот раз он выплыл из крана в ванной, приветствовал Василька, тут же увеличился, немного брызгаясь, и они перешли в комнату.

- Как это главное? - спросил Василёк. - Я как раз всегда считал, что главное - это то, что внутри этих самых контуров и силуэтов.

- Нет-нет, - сказал водяной уверенно. - Подумай сам, если бы не контуры и силуэты, то что бы могло наполнить их?

- А есть ли контуры у мечты? - любопытно спросил Василёк.

- Пожалуй, - отозвался Водяной. - Хотя достаточно зыбкие, точно размытые дождём.

- А ты, как водяной, наверное любишь дожди?

- Дожди, пруды, ванны - вообще любую воду. Водяной не может без воды, - констатировал Водяной, подняв указательный палец.

- А ты говорил, что вода и воздух дружат, - напомнил Василёк. - Значит, ты и воздух любишь?

- Конечно. Дождик же капает из воздуха. Впрочем, и суша дружит с водой и воздухом - так, что я и её люблю.

Он помахал ручками, и спросил -

Ну, куда мы отправимся на этот раз?

- А из чего можно выбирать?

- О, из всякого. Впрочем, это всякое - всегда ограничено. В этом его суть, и от этого несколько грустно. Но мы с тобой грустить не будем, правда?

Василёк кивнул.

- Тогда, отправимся в воздушную прогулку по крышам.

- Здорово, - восхитился Василёк. - А как мы это сделаем?

- Очень просто, - сообщил Водяной. - Просто лучше, чем сложно, я так полагаю. Сначала мы нырнём в трубы, и по ним, по воде - ты ведь не забыл правило помогающее дышать в ней? - поднимемся вверх, выше и выше, и выскочим уже на крыше.

- Рифма получилась, - сказал Василёк. - Выше-крыши?

- А ты любишь рифмы? - поинтересовался Водяной.

- Никогда не задумывался, - честно признался Василёк.

- Ну, пошли.

И они отправились в ванную.

- Стой, - испугался Василёк - а вдруг прогулка сорвётся? - Ты можешь уменьшаться и увеличиваться, а я-то как?

- Ну, я же с тобой, - успокоил Водяной. - Значит, всё получится. Бери меня за руку.

Василёк взял, и тотчас всё завертелось, закружилось; Василёк почувствовал, что он уменьшается, что было забавно, а вовсе не страшно, ибо его друг Водяной был рядом и уменьшался с такой же скоростью. Они синхронно вращались некоторое время, а потом с лёгкостью необыкновенной, ввинтились в кран. Снова, как в прошлые разы, Василёк представил, что вода - это воздух, и задышал - совершенно свободно. Вода была повсюду, она несла их, качала, иногда замедляя движение, потом накатывала новой волной, и они неслись, неслись. Было здорово.

Наконец, новый гребень выбросил их на крышу - сухих и невредимый, маленьких, держащихся за руки.

- Уф, - выдохнул Водяной. - Ну, как тебе понравилось?

- Очень понравилось, - отозвался Василёк.

Они стояли посреди крыши, как будто посреди каменной поляны, и солнце играло весело-весело, и зайчики перемигивались с ними.

- Знаешь, что? - сказал Водяной. - Я думаю, здесь не стоит увеличиваться. Это излишне.

- Так мы останемся маленькими? - уточнил Василёк.

- Ну да. По-моему это оптимальный вариант.

Один из зайчиков, только что перепрыгнувший через другой, разогнулся, и заметил:

- Маленьким быть вообще приятней.

А, спохватившись, добавил:

Здрасьте.

- Здравствуйте, - ответил Василёк. - Не позволите ли поиграть с вами?

- Надо же, - удивился зайчик, - первый раз у меня спрашивают позволения на это. Обычно, нас просто используют в своих целях.

- Поиграй, поиграй, - сказал Водяной. - А я немножко полюбуюсь солнышком.

- Сегодня оно очень яркое, - отозвался зайчик. - Смотрите, как бы не натрудить глаза.

- Ничего, - ответил Водяной. - У меня водяные глаза и им ничего не будет от яркого солнышка.

И какое-то время Василёк играл с зайчиками - он прыгал с ними, резвился, догонял их, хватал в шутку - они были солнечно-пушистыми, очень приятными наощупь - смеялся, бегал с ними наперегонки. Несколько зайчиков перепорхнули через край крыши и полетели куда-то, ловко растворившись в воздухе.

- Теперь, - сказал, наконец, старший - нам пора прощаться. Спасибо за игру.

- И вам спасибо, - отозвался Василёк. - Мне ещё никогда не было так весело.

Старший построил всех зайчиков по росту - если понятие рост применимо к таким кругленьким и маленьким существам, скомандовал, и они взлетели, как небольшой косяк птиц. Через минуту их уже не было видно.

Водяной смотрел на солнце.

- Не спит? - поинтересовался Василёк, подходя к нему.

- Нет, - ответил Водяной. - Водяные вообще могут долго смотреть на солнце.

Он перевёл взгляд на приятеля.

- Ну, - подытожил, - думаю, хватит теперь. Можно пойти погулять.

И они пошли.

Обогнули одну трубу и приблизились ко второй.

- Эта труба напоминает мне жилище Тюни, - сказал Василёк.

- Да, пожалуй, только её домик побольше.

Они подошли к трубе совсем близко, и из неё раздалось сопенье.

- Неужели и тут кто-то живёт? - удивился Василёк.

- А как же? - сказал Водяной. - Всюду кто-то живёт. Вероятней всего Хохрик. Или Мыхрик, - предположил он, подумав.

Сопенье усилилось, из трубы повалил серебряный пар, сменившийся брызгами, потом вытянулась мордочка и показалось всё тело - длинное, гладкое, крапчатое.

- Точно, - сказал водяной. - Это Мыхрик.

- А вы кого ждали? - спросил Мыхрик, сворачиваясь кольцом, наподобие собачки, и лапками протирая глаза.

- Возможно Хохрика, - ответил Водяной.

- Хохрики живут в норах, - сообщил Мыхрик. - причём рытьё нор у них доведено до совершенства - они способны прорыть их даже в воздухе.

- Невероятно, - вздохнул Василёк. - А как они это делают?

Если бы у Мыхрика были плечи, он бы ими пожал, и так ему пришлось помахать хвостом.

- Честно говоря, я и сам не знаю, - отозвался он. - Они становятся невидимыми и вращательными движениями прорывают в воздухе туннели. Потом загибают их, увенчивают чашечками, и в них уже живут. Наверно, хорошо. Не знаю - никогда не встречал ни одного Хохрика.

- А вы, Мыхрик, живёте в трубе?

- Почему, не только. Но в основном - да.

Водяной почесал ладошку. Капелька, брызнувшая из неё, попала Мыхрику на нос, и тот облизнулся.

- Это была серебряная капелька, - сказал он. - Я больше люблю золотые. Они очень сладкие.

- Пожалуйста, - сказал Водяной. - Мне не жалко.

Он почесал другую ладошку, и капелька получилась золотой. Такой он и поднёс её Мыхрику - на ладошке, и тот слизал и поблагодарил.

- Вот, - прибавил он. - Можно считать и пообедали.

- Вам достаточно всего двух капелек?

- Вполне. Мы, Мыхрики, существа непривередливые. Особенно в дни, когда светит такое яркое солнце.

- Вы, Мыхрик, тоже любите смотреть на солнце? - спросил Водяной.

- О, конечно. Кто же не любит этого?

- Мой друг Водяной, - сообщил Василёк, - сегодня долго смотрел на солнце. Пока я играл с его зайчиками.

- Да, они часто тут прыгают. Но потом всегда улетают.

- А не слепит ли вас солнце? - спросил Василёк, - я имею в виду, если долго смотреть...

- Нет, нет, - отозвался Мыхрик. - Для этого у меня есть специальные мыхриковы очки.

Он свистнул, и очки, забавно передвигаясь, вылезли из трубы, и подкатились к друзьям, как маленькие сдвоенные колёса.

- Поздоровайтесь, - сказал Мыхрик.

Очки поздоровались вежливо, ибо это были не только мыхриковы очки, но и ещё очень вежливые очки.

- А я вообще не встречал невежливов очков, - заметил Василёк. - Но обычно они молчат.

- Мы тоже не особенно говорливы, - заметили очки.

- Вы? Разве вас двое?

- Нет, мы одни, - пояснили очки. - Но состоим из двух стёкол.

- Теперь, если вы не против, мы с очками поглядим на солнце.

- Мы не против, - отозвались друзья.

- Тем более, - сказал Водяной, - что и сами мы собирались прогуляться.

Очки закатились к Мыхрику на нос, и он стал глядеть на солнце. Очки при этом блестяли, очень довольные.

А друзья пошли дальше - гулять по крыше.

- Смотри, - сказал Водяной. - Теперь ты сам можешь убедиться, что самое главное - это контуры и силуэты. Контуры домов и силуэты труб.

- Всё же, по-моему ты не прав, - ответил Василёк, - если бы были одни контуры домов, где бы мы жили? А ты сам?

- О, я б всегда нашёл себе убежище. Вернее, пристанище.

- А можно убежать из убежища в пристанище?

- Можно я думаю. Но не пробовал пока. А вот смотри какой красивый силуэт трубы!

Кажется, силуэту понравилось, что говорят о нём. Он кокетливо повернулся, отделился от трубы и подплыл по воздуху к приятелям.

- А вы похожи на гобой, уважаемый силуэт, - сказал Василёк.

- Что ж, возможно я когда-нибудь и стану гобоем, - ответил силуэт. - Но даже и теперь, когда я всего лишь силуэт, очень приятно, что я кому-то понравился.

Не спускаясь на крышу, он отвесил приятелям два очень изящных поклона, и отправился путешествовать по воздуху.

- А он не вернётся к трубе? - поинтересовался Василёк.

- Нет, зачем ему это, - ответил Водяной. - А труба не будет переживать, она вырастит себе новый.

- Разве можно вырастить силуэт?

- А как же. Необходимо - если твой решил стать гобоем и отправился путешествовать по воздуху. И контур тоже можно вырастить. Если растить его хорошо, с нежностью, он будет весьма пушист.

По дороге - точнее, по крыше им попадались то и дело мелкие камешки...

Василёк поинтересовался, откуда они здесь берутся.

- Они падают с неба, - ответил Водяной. И добавил - Когда никто не видит.

- А может быть, они и оживают, когда никого нет?

- Конечно, - ответил Водяной. - Но не только, когда никого нет. Смотри.

Он дунул - но как-то по-особенному, с брызгами, и камешки тотчас поднялись с мест, и закружились хороводом.

- Как хорошо, что нас ничего не привязывает к месту, - верещали они, - как хорошо, что мы можем виться, как птички.

Они были разноцветные, и крыша озарилась малиново-золотистым сиянием, в котором проскальзывали зелёные крапинки.

Потом они организовались в подобие косяка, и, как до этого солнечные зайчики, улетели.

- Интересно, - им известно направление, в котором они полетят?

- Пожалуй. - Отозвался Водяной. - А может, и нет. Главное, что они улетели.

- Вот скажи, - спросил мальчик, - мы путешествовали с тобой по воде, по крыше, а можно ли путешествовать по огню?

- Да, - откликнулся его друг. - Я же говорил тебе, что вода дружит с воздухом, значит и с огнём тоже. А я дружу со всеми. На то я и Водяной.

- И тебе не страшен огонь?

- Конечно, нет. Огни вообще-то бывают разные. Тот, что я выращу сейчас - не страшен никому.

И Водяной щёлкнул пальцами, из которых тотчас выбросились снопы искр. Они увеличивались, переливались, в них замелькали дуги и полукружья, и огонь - полноценный огонь размером с куст - возник на крыше - рыжий, как лисий хвост.

- Досточтимый огонь, - обратился к нему Водяной. - Позвольте нам с другом слегка попутешествовать по вашим зигзагам.

- Пожалуйста, - ответил Огонь. - Заходите.

И, взявшись за руки, они зашли - так легко, как входят в дверь. Но двери у огня не было - была сумма разной длины коридоров, которые играли красным, жёлтым, оранжевым цветами, и выращивали на своих стенах невиданные цветы.

Василёк сорвал один из них, чтобы рассмотреть повнимательней. В середине у него был крохотный камушек, из коего и рос огнистый цветок.

- Увы, - сказал Водяной, - ты не сможешь взять его с собой. Такие цветы живут только внутри огня.

Они походили ещё немного, и, насладившись сполна разнообразными видами, какие дарил огонь, вышли из него наружу.

То есть на крышу.

- Спасибо, - сказал Водяной. - Нам очень понравилось.

- Не за что, - ответил огонь, и погас - скорее быстро, чем медленно.

- Теперь, - предложил Водяной, - мы пролетим подземным коридором.

- Разве таким коридором можно лететь? я думаю, скорее ползать.

- Ползать тоже можно, но летать удобней. Ну, раз-два.

Мальчик снова взял его за руку, и зажмурил глаза, как попросил Водяной. А когда открыл их, вокруг были серые и черноватые стены - странные каналы переходили один в другой, и корни свешивались, как причудливые украшения.

- А тут совсем не страшно, - сказал Василёк.

- Конечно. Страшного вообще не бывает. Всё осмыслено, надо только уметь видеть.

Шланг - тот самый, из финала их первого путешествия - возник на пути - он поднялся лоснистой, никогда никого не жалящей змеёй, выпустил немного воды в знак приветствия, и спросил -

Не хотите ли полететь на мне на крышу?

- О, это было б чудесно, - сказал мальчик.

Змея-шланг подобралась к ним поближе, и они сели верхом, как на лошадь.

- Только надо зажмуриться, - предупредил шланг.

Василёк зажмурился, и дальше вслушивался в ощущение полёта - манящее, весёлое.

Уже на крыше, распрощавшись со шлангом, отправившимся восвояси, он сказал Водяному - Я налетелся на всю жизнь.

- Что ты, - откликнулся друг, - налетаться на всю жизнь невозможно.

Но теперь тебе предстоит окончательный, водный полёт.

- Какой же?

- Домой.

Васильку стало немножко грустно, но Водяной утешил его, сказав, что все путешествия и предпринимаются для того, чтобы вернуться домой.

Они снова взялись за руки, но зажмуриваться было не нужно.

Они мчались в сердцевине доброжелательного водного потока, и мальчик узнавал и настоящую улитку, ласково качавшую рожками, и весёлых креветок, и лобастого мудрого сома, и джинна, улыбнувшегося ему добродушно, и многих-многих других, с кем довелось встретиться.

Вырвавшись из крана, они съехали, как по снежной горке, по боку раковины, и Водяной - умело, как всегда - увеличил и мальчика, и себя.

- Ну, вот и всё, - сказал он. - Пора прощаться.

- Совсем? - спросил Василёк, стараясь не показать, что ему всё же грустно.

- Что ты, просто на время, - воскликнул Водяной. - На время, ибо запомни - ничто хорошее никогда не кончается в жизни. Просто нужно уметь видеть это хорошее. Видеть - и сохранять его в себе.

И он снова, закрутившись ловким винтом, взмыл вверх, вспыхнул перламутровой игрою огней, и стал маленькой капелькой, растаявшей на ладони Василька.

А мальчик сел к окну, и, глядя на двор, стал думать о том, что ничего хорошее никогда не кончается.

ИЗ ЖИЗНИ МЫСЛЯЩИХ ГРИБОВ (сказка)

1

Колония розоватых, с нежной просинью, переходящей в фиолетовые отливы, грибов.

Колония у подножья гор - тёмных и мрачноватых.

И - только им, грибам, представителям этого маленького сообщества, - известно, что они мыслящие.

Не так, как люди, разумеется, по-своему, с лёгким шелестом интуиции и размытыми представлениями о данности.

Главный гриб чуть больше прочих - он поднимается - не сильно возвышаясь, однако, - надо всеми, и познания его отличаются большим объёмом.

- Некогда, - точно ветерок речь его, - мы занимали более серьёзные позиции, и даже родственники наши - летучие грибы - отмечались в дальних углах мироздания...

- Где это - мироздание? - спрашивают грибы помоложе, у края колонии.

- Мироздание - отвечает Главный, - оно отчасти везде, отчасти только тут, где находимся мы.

- А мы находимся? - интересуется один - почти уже совсем фиолетовый от старости.

На него падает внезапный луч, и ясно становится, что гриб сей - тоже розов, как собратья.

- Находимся, - уверенно отвечает Главный. - Если мы есть, то значит и находимся.

- А почему мы всегда на одном месте? - спрашивает молодой гриб, грибочёнок в сущности.

- Таково наше предназначение, - отвечает Главный. - Мы должны быть, постоянно занимать место, у нас только по одной ножке, но зато - она прочная, и не допускает праздно ходить.

Гриб, прозванный Спорщиком, возражает - Что хорошего в этом вечном стоянье? Вот если бы мы были шагающей колонией, тогда - да, интересно. А так...

И лёгкий шелест проходит по грибам, и они вспыхивают - то синевато, то фиолетово.

Тень ложится на них - некто покинул пещеру в горе, некто - возможно страшный и грозный, но грибам это безразлично, ибо никто никогда не покушался на их колонию.

Тень шевелится, растёт.

- Это дракон, - восклицает Спорщик.

- Дракон? - слышен шёпот - маленький, как и издающие его грибчата. - А кто он?

- Дракон - это дракон. - Раздаётся над ними, и чёрный телесный массив нависает громоздко.

- Ты можешь нас слышать? - интересуется Главный.

- Ну да, - отвечает дракон. - Ведь вы же можете слышать меня.

- А чем питаются драконы? - опасливо интересуется один из грибов.

- Не беспокойся, - отвечает дракон. - Уж точно не грибами.

Тень его качается, колыхается, и дракон говорит - Ну ладно, я полетел.

Он взмывает в воздух, расправив кожистые крылья.

- И почему грибы не умеют летать? - вздыхает гриб Мечтательный.

- Вот недаром назвали тебя Мечтательным. - Недовольно говорит Главный. - Вечно твои фантазии. Грибам не положено летать. Коли они взлетят - это будут уже не грибы.

- А я хочу, хочу, - взрывается Мечтательный.

Он пробует помахать краями шляпки, как дракон - крыльями, но ничего не удаётся, ножка плотно держит его.

- Вот видишь, - подытоживает Главный. - Вовсе нам не надо летать.

И вся колония озаряется синевато-фиолетово, потом снова становится розовой, похожей на пену.

Нужно, нужно взлететь, - напряжённо размышляет Мечтательный, - а то, что это за жизнь - на одной ножке.

Раз, дождавшись ветреного порыва, он высунулся из общей массы, будто выкрикивая - Вот я! Вот он я!

И - надо ж такому случиться! - ветер подхватил его, закружил, завертел.

Лечу! хотелось кричать Мечтательному, но прочие грибы и не смотрели вверх - зачем им изгой? Грибам положено стоять: всегда на одном месте, всегда на одной ножке...

А Мечтательный... ну, понятно, что ничем хорошим не мог завершиться его полёт.

Так живут грибы - убеждённые в своей необходимости, которую, если надо, сможет обосновать Главный.

Но им не надо.

Гораздо интереснее просто жить - быть тем, кем родился, и не слушать капризы всяких там Мечтательных.

2

И всё же маленькие, растущие по краю грибы - вернее, грибочата, - порой выказывали недовольство Главным.

- Мечтательный, - говорили они, - всё же попробовал изменить хоть что-то...

Тихий шелест пробежал по шляпкам.

- Да, да, - подтверждали другие грибочата. - А Главный только всё объясняет.

- Что толку в его объяснениях, если мы хотим... - твердили вторые.

- А чего мы хотим? - спрашивали третьи.

Главный в это время читал нечто вроде лекции о галактических грибах.

- Это - наши дальние родственники, - вещал он. - Отголоски космического есть и в нас.

- Как так есть? - спрашивали другие грибы. - Тогда выходит Мечтательный был прав.

Тут вступил Спорщик:

- Нет, мы не можем быть связаны с космическими грибами. Просто потому, что нам не дано летать.

В рядах грибчат тонкий, трубчатый шелест завернулся островками.

- Вот, - сказал один грибчонок другому, - и другие думают о полётах.

Главный шикнул на разошедшихся соплеменников.

- Вы не понимаете, - продолжал он, дождавшись тишины. - Века проходят, меняется суть всего, в том числе и грибов. Галактические грибы становятся заземлённой, в конце концов. Просто оседают такими колониями, как мы...

- Значит, есть и другие колонии? - спросил Спорщик.

- Полагаю - да. - Отвечал Главный. - Но нам не дано узнать это точно.

- А мы хотим! - заверещали грибчата.

- Мало ли, кто что хочет, - строго заметил Главный.

И тут - замелькали странные тени - оливковые, фиолетовые, зеленоватые.

- Кто это? - разом спросили грибчата, Спорщик и другие грибы.

Главный замер, не зная, что ответить.

- Мы - галактические грибы, - послышалось сверху.

- Вот это да! - восхитились грибчата. - Значит, вы и впрямь существуете.

- Ну не вкривь же нам существовать, - донеслось также сверху, но тени оставались теньями.

- А вы не можете стать поотчётливей? - поинтересовался Главный.

- Нет-нет, мы не можем сойти с орбиты.

- Тогда, зачем же вы беспокоите нас? Ваших скромных земных сородичей...

- Просто мы услышали ваши сомнения и решили разрешить их. Вот, вы видите наши тени, то есть знаете, что мы есть...

- И как там, в космосе? - поинтересовались грибчата.

- Здорово, - отвечали тени. - Много всего фиолетового, лилового и разного.

- Вот, - обиженно закричали грибчата, - там много всего, а мы всегда должны оставаться здесь.

- Мы собственно и ради этого тоже проявились - объявить вам, что вам совсем не надо рваться полететь.

- А Мечтательный?

- Мечтательный - это исключенье. У него была особенная шляпка, и он не погиб, а растворился в струях ветра.

- Вот как? - спросил Главный с сомненьями.

- Именно так. Но это была - судьба Мечтательного.

- А наши? - поинтересовались грибчата.

- Ваши - стать взрослыми грибами, и найти себя в том, что вам дано...

И тени, помелькав ещё немного, исчезли.

А грибчата успокоились, и перестали ворчать, ожидая, когда они вырастут и станут взрослыми грибами...

3

Иногда грибы испускают тонкие серебряные дуги, и тогда над их колонией повисает приятное, мерцающее облако.

Это бывает редко - когда все грибы согласны между собою, и Главный не то спит, не то погружён в себя - не поймёшь.

Но грибы умеют испускать эти дуги и по отдельности.

Как-то раз Спорщик, задумавшись о сущности грибного бытия, испустил дугу повышенного мерцанья, она повисела в воздухе, превратилась в забавный зигзаг, и исчезла.

- Ух ты, - воскликнул его сосед - Трубчатый. - А ещё раз так сможешь?

- Что смогу? - спросил Спорщик.

- Ну... такое изобразить?

- А что я изобразил?

И Трубчатый понял, что Спорщик и сам не знает, как у него вышла такая замечательная дуга.

Он описал её Спорщику, и они подивились вместе.

- Сейчас, подожди, попробую. - Спорщик напрягся, но над его шляпкой поднялось только крохотное сиреневое облачко.

- Не то, - разочарованно сказал Трубчатый.

- Сам вижу, - огорчённо ответил Спорщик. - Попробуй ты.

- А у меня всегда получаются не дуги, а нечто вроде трубок.

- Ну да, ты же Трубчатый.

Серебряная трубка взвилась в воздух и растаяла.

Они ещё поупражнялись, но всё было не то.

- Что это вы делаете? - заинтересовались грибчата.

- Да так, - ответили загадочно двое. - Играем.

Грибчата тоже выразили желание поиграть.

И по окраинам грибной колонии замелькали разноцветные искры.

- Вы ещё маленькие, - сказал Трубчатый. - Подрастёте - будут вполне приличные дуги.

- Или трубки, - добавил Спорщик.

Грибчата ещё немножко поиграли искрами, и успокоились.

- Интересно, - спросил один грибчонок соседа, - а искры разумны?

- Пожалуй, да, - ответил тот. - Ведь они умеют летать. Если бы они не были разумны, то как бы им это удалось?

Главный басовито зевнул.

- Что там у грибчат? - поинтересовался он.

- Спорят, - меланхолично заметил Спорщик.

- Разве у нас ещё кто-то, кроме тебя, любит спорить?

- Тебе видней. - Отвечал Спорщик. - Ты ведь Главный.

- Эй, грибчата, - отнёсся Главный к детворе. - Что у вас там?

- Уже ничего, - ответил один. - А до этого левый грибчонок спросил меня, разумны ли искры.

- Разумны, - уверенно ответил Главный.

- И мы пришли к такому же выводу.

И над колонией повисла тишина.

Может быть, грибы заснули, а может самоуглубились - основательно, надёжно...

4

Хоть и решено было, что лучше просто жить, а не подражать Мечтательному, но нет-нет, кто-нибудь и вспоминал его.

Однажды Трубчатый заметил -

- Во мне столько трубок, что только и остаётся взлететь.

Надо добавить, что грибы были устроены несколько различно. Все - на основе крохотных трубочек, но у одних их было больше, у других меньше.

- Совсем необязательно взлетать, - заметил Спорщик соседу. - Вполне достаточно просто дуть в эти трубки.

- Дуть? - переспросил Трубчатый.

- Ну да.

- И что будет?

- Вероятно, музыка. Попробуй.

И Трубчатый попробовал.

Верно, получилась довольно нежная музыка.

Все слушали её охотно, и когда Трубчатый перестал дуть, грибчата заплодировали шляпками.

Так, Трубчатый обрёл призванье, а грибы - музыку.

Музыка летит над колонией грибов. Нежная, она переливается, играя оттенками. Потом, когда она замолкает, серебряное облако, мерцающая дивно, поднимается, кидая блики на чёрную гору, некоторое время висит над суммой шляпок, и исчезает в воздухе...

А разумная грибная колония продолжает жить своей жизнью.

Юрий Кувалдин
ДВОР И ДОЖДЬ

послесловие

Как-то Александр Балтин заметил: реальна ли реальность, существует ли она? Конечно, по мнению многих, человек живёт в реальности, в которую верит, ничего иного не признаёт, он существует, он настоящий, стоит только взглянуть на его фотографию, как Александр Балтин взглянул на свою фотографию без очков, а теперь уже на сплошные видео, особенно на те, которые без подписи, а зачем подписывать, когда нам и так всё известно, вот папа и мама, вот я, вот дедушка с бабушкой, дагеротип, девятнадцатый век, понятно, что на нём мы видим юношу, молодых людей, старика со старушкой, узнавать их уже некому, все куда-то уехали на поезде времени, а изображение осталось, с открытой версией о персонажах в четком времени, о котором особо распространяться нечего, знаем лишь, что оно быстро пролетает, причём мимо, настойчиво призывая выяснить причину своей достоверности, когда различные толкования исследователей одновременно толкуют настоящее в неведении.

В этой теме скользящего времени Александр Балтин чувствует себя как дома, но дом его написан в рассказах, потому что как только Балтин родился, так сразу начал писать, подобно истинным классикам.

И вот... "Только мама моя в грусти и тревоге // Что же ты гуляешь мой сыночек // Одиноким одиноким..."

Всё в этой жизни, да и в той, происходит неожиданно, а то, что ожидали, мало нас интересует, как и не занимает известное, но неожиданное, с плюсом или с минусом, что с невероятной точностью и нежностью рисует в своих рассказах Александр Балтин, приводит в экстаз, и это понятно, потому что неожиданного не ждали, хотя всем понятно, что ничего хорошего от неожиданного ждать не стоит, но тем не менее у каждого человека в жизни случается масса неожиданностей, среди которых на первое место выступает смерть, ибо без неё каждому человеку никак не обойтись, особен-

но, если умирает мама, умирает папа, умирает бабушка, менее огорчает смерть соседа, а вот смерть известных людей притягивает многих, и эти многие начинают жеманиться, мол, не умер он, а "ушёл", как будто пишущие это слово или говорящие его никогда сами не умрут, а знаменитый человек встал со стула и куда-то почему-то ушёл, причём, как уже сказано, неожиданно, но если ушёл, быть может, вернётся, к тому же неожиданно.

Я вижу как мама с маленьким Сашей Балтиным идут вдоль речушки по вымощенной брусчаткой тенистой аллее, смотрят по сторонам, внимание мальчика привлекают небольшие темные птички, в сравнении с голубями и упитанными утками, мама восклицает, что это птенцы какие-то, мальчик останавливается, и тоже повторяет, что это птенцы, и он же, Александр Балтин, проходящий поодаль, не удерживается и говорит, что это знаменитые московские воробьи. Они маленькие и поэтому выглядят птенцами.

Или "Отец, качающий сына на качелях, замечает под ними сгорбленные лодочки листвы - смуглые, бронзоватые; и грустно становится ему, и мысли про осень тянутся, как косяки улетающих птиц".

Мне кажется, что Александр Балтин всегда знал, что устное воспитание тает на устах, и исчезает бесследно на сих же окаменелых, успели запомнить трели соловья, о, да, так бы и пели, так бы и жили в устном щебете в мире природы не очеловеченными, только письменная речь, иными словами, программа преображения животного, делает из новичка, явившегося из лона матери, человека, профессор просит студентов по памяти не отвечать, знает ли он билет или нет, это не имеет значения, берите книгу и читайте вслух а я буду слушать, во все зачёты профессор мудрых мыслей ставит пятерки с плюсом, за умение читать книги, а лучший читатель станет писателем, вот так вот, господа, болтающие по телефонам и в очередях за папье-маше, колесо со страшной силой и на страшной высоте вращается, люди мелькают как мушкетеры под лампой, а от века остаются настоящие писатели, к которым вне всякого сомнения принадлежит Александр Балтин, книги которых по пальцам можно пересчитать, но это и есть человечество на линейке вечности, свёрнутой в кольцо.

"Но переулочки прямые, пересекающие друг друга под таким же углом, и во дворики - манящие московские дворики, с тополиной те-

ню, и пестротой детских площадок, с милыми собачками, часто развещающимися на траве и непременно толстым котом, уходящим ото всего под облюбованную машину - очевидно не надо сворачивать.

Значит прямо.

Да, вот появилась ограда - серьёзная и прямая, как туповатый охранник в коробке пропускного пункта - куда и надо пойти, чтобы попасть на территорию одного из филиалов".

Тема родства, вообще привычный семейный мир очень близка Александру Балтину, однако, чтобы летать, нужно оторваться от родственных связей, которые связывают тебя по рукам и по ногам, но осуществляют это редкие птицы, чтобы улететь из провинции в столицу, у таких избранных лица индивидуальные до того, что только присниться могут на страницах книги, или на театральной сцене, или на экране кино, или же за фортепиано в концертном зале, остальные же люди теряются в кругу семьи возле колышка при выпасе козы, после того как попили чаю с бабушкой и дедушкой, с папой и мамой, с сыновьями и дочерьми, с внуками и внучками, с правнуками и с правнучками, чтобы ходить с ними по густым болотам за клюквой, заблудиться в рутине удушающего быта и прорасти из земли грибами возле разбитого корыта.

"... двор ко двору, - пишет Александр Балтин, - кадр к другому: каждый снимает кино своей жизни - как умеет, не спеша, поторапливаясь, заключая сделки, спиваясь, прогорая стихом, мечтая отлиться в песне; каждый громоздит его - фильм жизни своей, или тащит в отчаянье, сбиваясь, валясь от усталости, как бурлак - только баржи не видно.

Каждый прошёл детской площадкой, разбивал колени, хныкал, вырывал ручонку из руки отца, казавшегося таким сильным".

Тёплый взгляд Александра Балтина ласкает слух, говорите мне о мере ваших глаз, звучащих нежно флейтой утренних лесов, что ни день я слышу пенье синекрылой птицы моря, значит, цвет имеет голос, так и надо, стало быть, ничего не скажет нота, для неё звучанье - догма, вот и в некоторую явно впечатление влилось, непосредственно и даже как-то слишком дерзновенно, вопросительный оттенок слишком гордо одинок, если всё многозначительно.

Особенно если ливень. Тут "Июльский дождь" Марлена Хуциева вспоминается. И Александр Балтин подхватывает: "...жара позабыта, смена декораций, продиктованная природной мудростью, оправдана и сильна.

Горы туч - единственная форма гор, знающая визуальное движение; они плывут, мерно покачиваясь, они несут водное известие дальше.

Ливень переходит в дождь, но некто, продолжающий курить у приоткрытой лоджии, успевает подумать, что соседний дом похож на новый Ноев ковчег, в котором воистину всякой твари по паре: стариков, бывших сидельцев, скучных тёток, мечтательных мамаш, упоительных деток, неудачников, пьющих мудрецов, бездельников, жирно живущих за родительский счёт.

Дождь сочится, точно плачет о прошлом могуществе: о! византийская мощь ливня! о! имперская роскошь его оснастки! Тут порфирия - зал с пятибашенным грозным шкафом, где хранятся облачения басилевса, иные из которых убраны камнями так густо, что не гнутся даже; дождь плачет над своей судьбой, оплакивает себя.

Саша смотрит, стоя на лоджии, на дождь...

Двор любим: роскошный, тополиный московский двор, и дождь, начавшийся медленно, будто с лентой, закипает гуще, связывая и соединяя ветви огромных, в рост девятиэтажных домов деревьев; механизмы дождя обретают тугую силу вращения, это ливень уже, грохочущий и низвергающий ветви, и бой за тело Патрокла, закипающий в недрах тополиной светописи, очевиден, как собственная жизнь...

- Тряпки, тряпки возьми, - скороговоркой роняла жена. - Заливает.

Громыхало яро, сочно, смачно; скрип и грохот доносились из тёмной дыры двора; тополя стонали под бросками новых и новых порывов, как обречённые под пыткой.

Но стихало - вот уже дождик, потом барабанная дробь капель, и - бархат июльской ночи бесшумен, красив.

Утром вид из кухни был ужасен: два старых, могучих тополя были вывернуты с корнями, бессильно и жалко поднятыми в воздух, и живые ещё ветви мочили пышную листву в лужах".

Когда я читаю рассказы Александра Балтина, то передо мною возникает лесная дорога освещена в разрядку кружевной листвы

солнечными бликами, сопровождающимися начальными вкрадчивыми тактами пары густовато баритональных гобоев и переключкой с ними английского рожка, как будто коляска с запряженными двумя белыми лошадками спешит именно к этим чудодейственным призывным нотам, тут же легко поддерживаемым плавными волнами струнных, от скрипок и виолончелей до контрабасов, и я в полнейшем блаженстве неспешно продвигаюсь через сияющий зеленую лес к чему-то очень светлому и праздничному, к какой-то невероятной тайне, и нежные колокольчики в такт этому состоянию возвращают меня в святое детство.

"...в подростковые годы в реальность вошёл "Иллюзион" - один из немногих кинотеатров, где можно было посмотреть западные фильмы.

Папа переплачивал за билеты...

Потом Саша, немножко разобравшись в спекулятивном тогдашнем механизме, сам будет покупать билеты...

Таинственная яма зала, лекция перед фильмом - иногда весьма питательная; и - действие, завораживающее порой.

Входи в эти улицы, которые не увидишь в реальности, растворяйся в чужом антураже, если не хватает своего.

А выходил, бывало, с мокрым от слёз лицом".

Когда написана строка, другая пишется сама, не принимая в расчёт автора, который может лишь улавливать сами собой возникающие слова, рождающиеся моментально от предшествующего слова, потому что разум стоит на словах, а не на чём-то ещё там, вроде видимого внешнего мира, слышимых шумов, иногда собираемых в музыку, которая на вкус бывает похожа на миндальное пирожное, от прикосновения к которому возникает нежная прохлада, потому что всё движется словами, опережающими сознание, проникая в скопления звезд, которые хорошо видны в сильный телескоп ночью, причём во время пения соловьев, будоражащих кровь, стимулирующую любовь, чтобы каждый новенький мог воскликнуть: "Да будет свет!".

И станет свет.

"Область снов порою пересекается с действительностью, которая окружена этой областью, плотно в неё закутана...

Шёл в недрах метели, разыгравшейся в городе, шёл, чувствуя студёное её, великолепное дыхание, и возникший впереди величе-

ственный контур не русской церкви показался слишком контрастирующим с белой этой, живой и живо меняющейся наволокой..."

Вместе с Александром Балтиным просто так заглянул в старый двор, посмотрел на окошки в углу на втором этаже, надо же, занавески качнулись, в окне появились старушки, те, которых уж нет ни для вас, ни для них отпечатком в душе, я и сам, как ни кинь, для своих лет вполне подходящий, да и многие скажут, что вроде созрели уже, только эту работу проделали как бы во сне, подходящем для сравнения с тоской абсолютной, вообще, нас всё больше пришедших на связь между тленьем и небом, и такую натуру легко разглядеть на втором этаже, после стольких разлук наберёшься больших впечатлений, что согласно исполненной песне доступно тебе, часть испытанных чувств остаётся в плену наслаждений, и хранящихся в памяти нитью, покорной судьбе, разве несколько строчек куплета своих походов нежно пестовал в детстве вот в этом дворе, чтобы было понятно явившейся вновь детворе.

СОДЕРЖАНИЕ

Кувалдин и Балтин	3
Дом заселяется	8
Нежный янтарь	11
Кино своей жизни	13
Фильм ливня	16
Оголённое пространство	19
Петля времени	22
На молочной кухне	26
Человек и горшок	30
У пруда	85
Писатель Борис Коридонов	87
Рыболовный крючок	89
Новогоднее чудо	91
Охота на динозаврово	93
Царь	95
Серо-стальной	97
Хроника маленькой жизни	100
Малышок	147
Коробочка картошек	150
Последние дни августа	153
Как там на твоей планете, папа?	155
Комунальная кантата	159
Больничные зарисовки	162
Клуб нумизматов	165
Жёлудь памяти	168
Бесконечность лабиринта	171
Орнаменты лиственного опада	179
Потешная хроника	183

Ваше обельянство	192
Тень сына	198
Отец и мама	201
Музыка скорби	205
Душевная атлетика	210
По следам Алисы	213
Василёк и Водяной (сказка)	216
Из жизни мыслящих грибов (сказка)	303
Юрий Кувалдин Двор и дождь (послесловие)	310

Александр Лаввович Балтин
Нежный янтарь

рассказы

Редактор Юрий Кувалдин

ISBN 978-5-85676-167-1

ЛР № 061544 от 08.09.97.

Сдано в набор 13.06.23. Подписано к печати 19.07.23. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура "OfficinaSansCTT"

Печать офсетная. Уч.-изд. л. (авторских листов) 12,25. Тираж 300 экз.

Издательство "Книжный сад"
www.kuvaldinur.narod.ru

Александр Львович Балтин родился 29 декабря 1967 года в Калуге. Член Союза писателей Москвы. Мастерство нарабатывал в постоянном общении с Андреем Битовым, Семёном Липкиным, Тимуром Зульфикаровым, Кириллом Ковальджи. С детских лет живёт в Москве, и принадлежит к московской литературной школе. Автор многих книг прозы, поэзии, эссе. Публиковался в России, Италии, Франции, Дании, Израиле и др., в журналах "Юность", "Москва", "Нева", и др. Постоянный автор "Независимой газеты" и журнала "Наша улица".